

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**



- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2014
№ 1–2 (30–31)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

◆ Экономика
◆ Политика
◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Е. П. Жариков,
С.Д. Князев, А. И. Коробеев, В. С. Кузнецов, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2014
№ 1–2 (30–31)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 222-73-54

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2014

PACIFIC RIM



◆ Economics
◆ Politics
◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin, E.P. Zharikov,
S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, V.S. Kuznetsov, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2014
№ 1–2 (30–31)**

**Research
and Socio-political Journal**

Address:
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 222-73-54

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
ЭКОНОМИКА СТРАН АТР	
<i>Кривелевич М.Е., Лазарев В.А.</i> Финансовая трансформация в АТР: разработка вариантов российского участия	9
<i>Багайников М.Л.</i> Байкальский регион и АТР: перспективы развития взаимодействия в продовольственной сфере	19
<i>Ше Сон Гун.</i> Подходы к разработке мультикультуралистской концепции развития малого бизнеса на Дальнем Востоке	32
<i>Попова Т.Н., Глазунова А.С.</i> Современное состояние и проблемы международных миграционных процессов (на примере Приморского края)	44
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ	
<i>Жариков Е.П., Жариков В.Е.</i> Вертикально-интегрированные структуры на основе государственно-частного партнерства – инструмент решения проблемы пространственного размещения производства	56
<i>Владимиров С.В.</i> Об основных направлениях повышения эффективности и качества макроэкономической политики	68
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО	
<i>Костюков А.Н.</i> Конституционно-правовой прогресс и его влияние на экономическое развитие государств	79
<i>Сонин В.В.</i> Мифологические основания федеративной традиции	94
<i>Федоров А.В.</i> Конвенция ОЭСР по борьбе со взяточничеством как часть правовой системы Российской Федерации и реализация антикоррупционных стандартов ОЭСР в российском законодательстве: вопросы уголовного права и уголовной политики	105
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	
<i>Ролик А.И.</i> Международно-правовое регулирование оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	135
<i>Коробеев А.И., Лобач Д.В.</i> Терроризм, экстремизм и насилие в современной Мексике: состояние и динамика	146
<i>Архел Умберто Агирре Гарсия.</i> Роль закона в войне с наркопреступностью в Мексике	161
<i>Дремлюга Р.И.</i> Криминологическая характеристика терроризма в Индонезии . .	166
<i>Хуан Даосю.</i> Террористические преступления в Китае и противодействие терроризму	183
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Золотухин И.Н.</i> Американский взгляд на территориальный спор вокруг архипелага Спратли	193
Сведения о членах редколлегии	205

CONTENTS

To the Readers	6
THE ECONOMY OF ASIAN PACIFIC COUNTRIES	
<i>Maksim E. Krivelevich, Vladimir A. Lazarev.</i> Financial transformation in APEC: Options of Russian Participation	9
<i>Mikhail L. Bagaynikov.</i> Baikal Region and APR: Perspectives in interaction prospects of Developing Cooperation in the Food Industry	19
<i>S.G. She.</i> Approaches to Working out Multiculturalistic Concept of Small Business Development in the Far East	32
<i>Tatyana N. Popova, Anastasiya S. Glazunova.</i> Current State and Problems of International Migration Processes (the Case of Primorsky Krai)	44
PROBLEMS OF EFFICIENCY OF ECONOMY	
<i>Evgenie P. Zharikov, Victor E. Zharikov.</i> Vertically Integrated Structures: Case Study of State-Private Partnership as Instrument of Production Location	56
<i>Sergey A. Vladimirov.</i> On Basic Trends in Increasing the Efficiency and Quality of Macroeconomic Policy	68
LAW AND THE STATE	
<i>Alexander I. Kostukov.</i> Constitutional Progress and its Influence on State Economic Development	79
<i>Vadim V. Sonin.</i> Mythological Foundations of Federative Tradition	94
<i>Alexander V. Fedorov.</i> The OECD Anti-Bribery Convention as Part of the Russian Federation Legal System, and Implementation of the OECD Anti-Corruption Standards in Russian Legislation: Aspects of Criminal Law and Criminal Policy	105
LEGAL REGULATION: INTERNATIONAL EXPERIENCE	
<i>Alexander I. Rolik.</i> Regulation of Trafficking of Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors in International Law	135
<i>Alexander I. Korobeev, Dmitriy V. Lobach.</i> Terrorism, Extremism and Violence in Modern Mexico: State and Dynamics	146
<i>Argel Humberto Aguirre García.</i> Mexican War on Drugs and the Rule of Law	161
<i>Roman I. Dremluga.</i> Criminological Characteristics of Terrorism in Indonesia	166
<i>Huang Daoxiu.</i> Terrorist Crime in China and Struggle Against Terrorism	183
REVIEWS	
<i>Ivan N. Zolotukhin.</i> American Vision of the Territorial Dispute Around the Spratly Islands	193
Editorial Board's Data	205

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, что интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики предполагают освещение следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;

- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;

- обзоры деятельности региональных организаций;

- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для участия в издании журнала необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (не более 10 источников);

- Ф.И.О. (полностью), должность, место работы, ученая степень и ученое звание – на русском и английском языках;

- название рукописи, УДК, аннотацию (250–300 слов, ключевые слова, список литературы – на русском и английском языках;

E-mail для связи с читателями.

Поля: верхнее – 20 мм; нижнее – 20 мм; левое – 20 мм; правое – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт – TimesNewRoman, № 14. Ссылки внутритекстовые – помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]». Список литературы – в конце статьи.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока, и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретения направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 222-78-25. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the Asia-Pacific countries. (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries is objectively dependent on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study can slow down the integration processes. Therefore, emergence of *The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law Journal* is crucial for the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation between the RFE and Asia Pacific countries. The Journal will also cover the issues of APR's participation in the development of integration processes and educating highly qualified specialists in the area of international relations.

The Journal will be published by the Far Eastern Federal University and cover the following relevant topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international cooperation between the Asia-Pacific countries, the Far East, and Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asia-Pacific countries, and their political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, social, political and legal issues;
- Legislative reference materials on the regulation of national economies and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Reviews of the activities of regional organizations;

- Messages and official information materials on regional meetings, conferences, and diplomatic meetings.

The Journal will also touch upon other regional aspects, such as demographic, environmental, and other issues.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFD and other universities, researchers from various research institutions, specialists in the problems of the Far East and regional cooperation.

Submission requirements:

- materials according to the specified category (up to 15 pages of text) including references (up to 10 sources);

- Full name (complete), position held, academic degree and academic status (both in Russian and English);

- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words, keywords and a list of references (both in Russian and in English))

E-mail for communication with readers.

Margins: top – 20 mm, bottom – 20 mm, left – 20 mm, right – 20 mm. The manuscript in electronic variant, font – Times New Roman, 14. Links should be placed in square brackets (for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]»). List of references should be placed in the end of the article.

We hope that *the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law* will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will contribute to effective solution of the problems of the region.

Suggestions, applications for publication in the journal as well as purchase orders can be addressed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 222-73-54. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ЭКОНОМИКА СТРАН АТР

THE ECONOMY OF ASIAN PACIFIC COUNTRIES

Кривелевич Максим Евсеевич – канд. экон. наук, доцент Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, старший научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: 733180@bk.ru

Лазарев Владимир Анатольевич – канд. техн. наук, доцент Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, старший научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: vlad.lazarev@list.ru

ФИНАНСОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В АТР: РАЗРАБОТКА ВАРИАНТОВ РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ

Замедление экономического роста в странах АТР формирует предпосылки изменения структуры регионального финансового рынка. Рынок деривативов как наиболее чувствительный сегмент финансового рынка уже вовлечен в процесс трансформации: акции и индексы в качестве базисного актива утрачивают привлекательность, а биржевые товары становятся более востребованным базисным активом. Есть основания полагать, что отмеченный тренд представляет собой сигнал о смещении интереса инвесторов с рынка участия в капитале, позволяющего агрессивно преумножать инвестиции, в сторону инструментов, позволяющих сохранять покупательную способность финансовых ресурсов.

Действуя в условиях информационной асимметрии, менеджеры более склонны принимать решения о выпуске облигаций в условиях оптимистичных ожиданий относительно финансовых результатов будущего периода, а об эмиссии акций – в состоянии более консервативных ожиданий. Эмпирические данные с рынков первичных публичных размещений и облигационных займов дают основания ожидать некоторого снижения оптимизма на глобальном финансовом рынке в среднесрочной перспективе.

Одной из причин процессов, происходящих на финансовых рынках АТР, стала локальная переоцененность акций крупнейших корпораций. Благодаря низкой стоимости входа в капитал российских корпораций приобретение иностранными участниками долгосрочных проектов, связанных с экспортом российских энергоносителей в АТР, акций компаний операторов проекта представляется значительно более взаимовыгодной формой участия, чем предоставление займов на создание инфраструктуры.

Российский рынок может стать уникальной площадкой для сохранения капитала инвесторов из стран АТР, если последним будут предложены но-

вые финансовые продукты, базисным активом по которым будет являться сырье и облигации компаний сырьевого сектора. Есть основания полагать, что финансовая эффективность такой формы сотрудничества окажется значительно выше эффективности продажи по долгосрочным контрактам сырья с новых, еще не введенных в эксплуатацию месторождений.

Ключевые слова: финансовая трансформация в АТР, финансовый рынок, финансовая интеграция, российско-китайские проекты, оптимальность привлечения инвестиций.

Maksim E. Krivelevich, Cand. Sci. (Economics), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, senior researcher, Economic Research Institute within the FEB Russian Academy of Sciences. E-mail: 733180@bk.ru

Vladimir A. Lazarev, Cand. Sci. (Engineering), Associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, senior researcher, Economic Research Institute within the FEB Russian Academy of Sciences. E-mail: vlad.lazarev@list.ru

FINANCIAL TRANSFORMATION IN APEC: OPTIONS OF RUSSIAN PARTICIPATION

Deceleration of economic growth in the APEC countries caused the first prerequisites of changes in the structure of the regional financial market. The market of derivatives as the most sensitive segment of the financial market is already involved in the transformation process: equities and indexes lose appeal as underlying assets while demand for commodities as underlying assets is growing. There are reasons to believe that this trend represents a signal of shift in the interests of investors from the market of participation in equities towards the financial tools that would allow to maintain the purchasing power of financial resources.

Working in the conditions of information asymmetry, managers are more inclined to issue bonds in the context of optimistic expectations of future financial results, and to emit shares in the times of more conservative expectations. Empirical data from the markets of initial public offerings and securitized loans give the grounds to expect some decrease in optimism at the global financial market in the medium-term perspective.

Competitive advantage of the Russian stock market emerged due to fact that the wave of liquidity, generated by quantitative easing in the USA, less considerably affected the price earnings ratio of the Russian assets comparing to APEC peers.

Thanks to the undervaluation of equity of Russian corporations, acquisition by foreign participants of the long-term projects linked with the export of the Russian energy resources in APEC, and shares of the companies-operators of the projects is a much more mutually beneficial form of cooperation, than the loans on creation of infrastructure. Russian financial market should offer to the inves-

tors from APEC countries new financial products, with raw materials and bonds as underlying assets. It can be expected that financial efficiency of such form of cooperation will be much higher than the efficiency of selling raw materials from the new fields to be put into operation under long-term contracts.

Key words: financial transformation in APEC, financial market, financial integration, Russian-Chinese projects, efficiency of international investments.

Финансовый сектор экономики стран АТР формировался и развивался в условиях бурного экономического роста. В условиях избытка трудовых ресурсов, активного заимствования западных технологий и ориентации на трудоемкую промышленность капитал оставался единственным дефицитным фактором производства, благодаря чему постоянно наращивался объем торгов как в секторе традиционных, прежде всего долговых, ценных бумаг, так и в секторе производных финансовых инструментов.

В настоящее время, в связи с изменением динамики экономического развития и структуры национальных экономик, финансовые рынки азиатского региона переживают заметную трансформацию, предоставляя России шанс встроиться в новое международное разделение труда наиболее эффективно.

Согласно данным Всемирной Федерации Фондовых Бирж (WFE), пик мировой торговли деривативами пришелся на 2011 г., когда из 25 млрд контрактов около 10 млрд было продано на биржах АТР [1]. По мере замедления роста экономик стран АТР, вызванного, в том числе, снижением платежеспособного спроса на предметы традиционного экспорта азиатских производителей, изменение конъюнктуры азиатских бирж начало оказывать существенное воздействие на всю мировую экономику. Так в 2012 г. мировой оборот деривативов снизился до 22 млрд контрактов в значительной мере за счет снижения оборота в АТР до 8 млрд контрактов. Последующее снижение в 2013 г. оборота деривативов в АТР до 7 млрд контрактов уже не является продолжением отмеченной тенденции, так как вызвано техническими причинами, в первую очередь изменением номинала фьючерсных контрактов KOSPI 200 на Корейской бирже [2].

В течение длительного времени сложилась структура мирового рынка деривативов, при которой акции и индексы представляли примерно 50–60% базисных активов, а оставшаяся доля примерно поровну приходилась на три категории: процентные ставки, валюты и биржевые товары [3]. Однако по мере замедления потребительского спроса в США и активности в производственном секторе АТР наметились существенные изменения устоявшейся структуры.

Так, при снижении активности в деривативах, базисным активом по которым являются акции, резко усилились позиции товарных деривативов.

Такие инструменты (Commodity derivatives) за 2013 г. показали рост оборота на 23% [3]. Несколько преувеличенные темпы роста стали следствием перевода значительного объема внебиржевых (ОТС) энергетических свопов (energy swaps) в режим фьючерсных торгов в США на бирже «InterContinental Exchange (ICE)» [4] в ожидании окончательного изменения норм финансового регулирования в соответствии с законом Додда-Франка (Dodd-Frank). Однако даже без помощи из США рост количества товарных деривативов был бы обеспечен 40%-ным ростом на биржах континентального Китая. Суммарно США и континентальный Китай контролируют 79% глобального рынка финансовых инструментов этого класса [5].

Рынок фьючерсов и опционов, на наш взгляд, является наиболее чувствительным инструментом, способным если не предсказать, то, по крайней мере, отметить на самой ранней стадии изменение глобальных макроэкономических тенденций. Рынок деривативов в наиболее чистом виде представляет собой баланс страхов и ожиданий инвестиционного сообщества, и поэтому нельзя обойти вниманием тенденцию перетекания инвестиционного спроса с рынка участия в бизнесе (акции) на рынок сохранения стоимости (биржевые товары).

На классическом рынке ценных бумаг отмеченная тенденция проявляется в существенной дивергенции динамики индексов крупных американских и азиатских бирж, как можно видеть на рисунке 1.



Рис. 1. Относительная динамика биржевых индексов (июнь 2013 – июнь 2014).
Верхний график – S&P 500 США, средний – KOSPI Корея, нижний – SC Китай
[сост. по: 6]

Азиатские акции теряют популярность на фоне впечатляющего спроса в США, что не позволяет заподозрить наличие некоего мирового финансового кризиса. В этих условиях наиболее вероятной становится гипотеза об

очередном повороте песочных часов в цикле «accumulation-distribution» на финансовых рынках, представленная на рисунке 2.

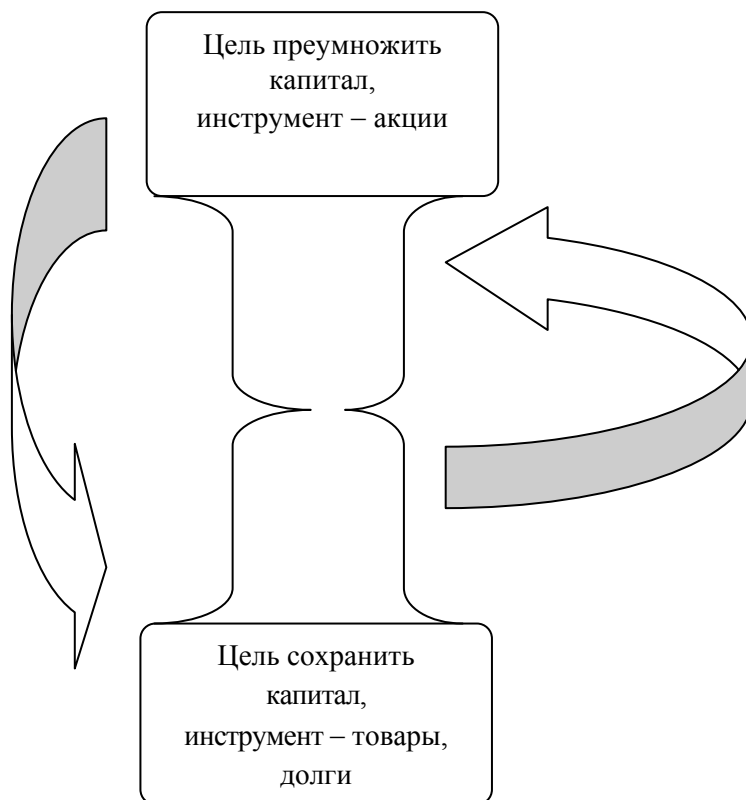


Рис. 2. Глобальный цикл движения капитала на финансовых рынках

Смена фазы цикла отчасти связана с количественными изменениями, отчасти является отражением изменений качественных, например таких, как смена того фактора производства, который условно можно считать дефицитным и определяющим распределение конкурентных преимуществ в международном разделении труда.

Азиатские акции уже не являются инструментами дешевого входа на рынок преумножения капитала, какими были на протяжении нескольких десятилетий. Например, сравнивая отношение рыночной цены акции к годовому доходу на акцию (P/E) компаний нефтегазового сектора, входящих в первую десятку крупнейших компаний мира, согласно рейтингу «FT Global 500» за 2013 год, можно увидеть сложившийся настрой глобальных инвесторов [7]. Как видно из таблицы 1, инвесторы не дисконтируют привлекательность китайских акций относительно их американских аналогов.

**Некоторые финансовые показатели компаний
нефтегазового сектора из первой десятки
рейтинга «FT Global 500» за 2013 г.**

Корпорация	Рыночная стоимость (млн долл. США)	Активы (млн долл. США)	Чистая прибыль (млн долл. США)	Коэффициент Р/Е (раз)
Exon Mobil (США)	403733,1	333795,0	44880	9,3
PetroChina (Китай)	254618,7	347897,9	18511	13,1
Chevron (США)	230831,2	230320,0	26179	8,9

Несмотря на то, что рентабельность активов у американских компаний выше (13,4% и 11,4% соответственно), чем у китайской компании (5,3%), не говоря уже о том, что абсолютные значения прибыли более привлекательны, инвесторы оценивают «PetroChina» более дорого. Инвесторы готовы ждать окупаемости своих вложений в китайскую корпорацию 13,1 года, в то время как от американских компаний требуют возврата средств в течение 8,9 лет и 9,3 года соответственно.

Предположения о том, что китайская компания с технологической и операционной точки зрения опережает коллег или демонстрирует чрезвычайную дружелюбность по отношению к акционерам, не получают количественного подтверждения.

Как видно из таблицы 2, для получения сопоставимых объемов прибыли китайская корпорация использует значительно больше персонала, а разница в дивидендной доходности сопоставима с колебаниями рыночной цены акций за несколько дней. Можно предположить, что произошло нередкое для финансового рынка явление – переоцененность. Мягкая монетарная политика ФРС США, ЕЦБ и других игроков глобального рынка ликвидности привела к перенасыщению капиталом тех развивающихся рынков, вход на которые был наиболее удобен. То есть, государства АТР с развитыми биржевыми системами стали получателями чрезмерного объема инвестиций. Для примера были использованы акции нефтегазовых компаний, так как выпускаемый ими товар стандартизирован в отличие от, например, автомобилестроения, и, следовательно, нельзя объяснить завышение показателя Р/Е уникальными свойствами выпускаемой продукции.

Масштабные перетоки капитала оказывают влияние и на вознаграждение, получаемое экономическими агентами, предоставляющими на рынок другие факторы производства. Так, на примере рынка труда Республики

Корея была установлена статистически значимая зависимость между уровнем прямых иностранных инвестиций и динамикой заработной платы [8]. Корейские исследователи отмечали, что наиболее сильное воздействие наблюдалось в сегменте низкоквалифицированных работников, нанятых на постоянной основе, для работников с высокой квалификацией влияние было менее выраженным, а для работников, нанятых по срочным договорам, воздействие было либо незначительным, либо отрицательным.

Таблица 2

**Дополнительные финансовые показатели компаний
нефтегазового сектора из первой десятки
рейтинга «FT Global 500» за 2013 г.**

Корпорация	Персонал, чел.	Чистая прибыль на 1 работника (тыс. долл. США)	Дивидендная доходность (%)
Exxon Mobil (США)	76900	584	2,4
PetroChina (Китай)	548355	34	3,8
Chevron (США)	62000	422	3.0

Следует отметить, что, несмотря на разницу в отнесении инвестиций к классу «FDI», большинство стратегических приобретений крупных пакетов акций повсеместно относятся к прямым иностранным инвестициям. Таким образом, долгосрочный приток средств в акции промышленных компаний был одним из факторов, оказывавших повышательное давление на уровень заработной платы низкоквалифицированных работников в странах АТР. В итоге с одной стороны снижалась ценовая конкурентоспособность промышленной продукции, производимой в азиатских странах, с другой стороны – рос внутренний платежеспособный спрос на потребительские товары и услуги.

При этом экономическая зависимость развивающихся азиатских экономик от развитых стран, расположенных за пределами региона, впервые отмеченная в 1990-е годы, продолжает оставаться высокой, с единственным исключением в лице Китая, который в значительной мере взял курс на удовлетворение внутреннего спроса [9]. Эффект высокой эластичности внутреннего производства и экспорта стран АТР по отношению к европейскому и американскому спросу обуславливает неизбежность если не валютных войн, то, по крайней мере, активной валютной политики для всех государств региона, за исключением континентального Китая. Одним из эффектов активной валютной политики стал 7%-ный рост рыночной капи-

тализации акций компаний, торгующихся на биржах АТР, в 2013% г., в то время как в целом мировой уровень капитализации акций поднялся на 17% – до 64 195 млн долларов США [10]. При этом, исключив эффект от изменения курсов национальных валют стран АТР, можно получить 16%-ный рост капитализации за прошлый год, то есть показатель, близкий к среднемировому.

На динамику азиатских рынков капитала в ближайшие годы будет также оказывать влияние глобальный тренд на увеличение количества новых публичных размещений (IPO) и главное – объема средств, привлекаемых таким образом с финансовых рынков. Так, на крупных мировых биржах, входящих в WFE, в 2013 г. прошли 1 128 IPO против 1 102 первоначальных публичных размещений годом ранее. Уровень выхода новых компаний на рынок капитала все еще невысок: так, в 2010 г. было 1 723 первичных размещения, однако изменились ожидания и настроения глобальных инвесторов. Если в посткризисном 2009 г. глобальный приток капитала в акции ранее размещенных компаний составил 772 млрд долларов, то в 2013 г. – всего 253 млрд, но за это же время приток средств, собранных за год на IPO, вырос со 131 до 167 млрд. Очевидно, что глобальные инвесторы ищут новых реципиентов капитала, так как существующие и привычные объекты вложения акционерного капитала стали слишком дорогими по соотношениям P/E и EV/EBITDA.

В то же время для бума IPO можно найти еще одно менее оптимистичное объяснение. Действуя в условиях асимметричной информации, менеджеры корпораций стараются капитализировать свое превосходство над инвесторами в понимании уровня будущей доходности бизнеса. Если ожидается, что доходность бизнеса возрастет, то менеджерам не выгодно делить успех с новыми акционерами, поэтому компания предпочтет выпуск облигаций с фиксированным доходом, чтобы воспользоваться эффектом финансового рычага. В случае, когда вероятно снижение доходности бизнеса, наоборот, у менеджмента нет желания рисковать, занимая деньги посредством выпуска облигаций, а есть естественный мотив провести IPO, чтобы разделить риски с будущими акционерами. Следуя этой логике, рост числа IPO при отсутствии роста облигационного рынка – это сигнал о предстоящем замедлении роста корпоративной прибыли. В 2013 г. объем торгов облигациями на американских биржах вырос на 13%, в регионе АТР остался неизменным, а в регионе Европа и Ближний Восток упал на 18% [3].

На основании изложенного выше можно сформулировать ряд выводов о среднесрочной динамике финансовых рынков стран АТР и эффективных вариантах российского участия в данном процессе.

В настоящее время активно развиваются проекты российско-китайского экономического сотрудничества, как и сотрудничества с другими странами АТР в форме договоров о прямых поставках сырья с фиксацией цены на дол-

госрочную перспективу. Такую практику нельзя считать оптимальной, так как российская сторона берет на себя риск повышения стоимости создания инфраструктуры в условиях замедления роста экономики основных промышленных центров АТР. Замедление азиатской экономики неизбежно скажется на ценовой политике экспортеров оборудования, техники и комплектующих, в то же время переток капиталов из переоцененных акций в сырье, вероятно, перерастет в среднесрочную тенденцию.

Поэтому, учитывая, что соотношение рыночной стоимости акций к доходу на одну акцию для российских компаний гораздо меньше, чем у их азиатских аналогов, рационально сделать участие в капитале обязательным условием долгосрочных сырьевых контрактов, связанных с поставками сырья с еще не разработанных месторождений. Значение финансовых коэффициентов обеспечивает инвесторам из АТР комфортный вход не только в сектор добычи сырья, но и, например, в финансовый сектор, как можно видеть в табл. 3.

Учитывая достаточно высокие обороты российского облигационного рынка, а Московская биржа в 2013 году продемонстрировала 30%-ный рост объема торгов облигациями (+34% в национальной валюте), можно предложить иностранным партнерам финансировать новые проекты, связанные с разработкой российских запасов углеводородов посредством приобретения специальных выпусков облигаций.

Таблица 3

Окупаемость вложений в акции крупнейших российских корпораций

Корпорация	Коэффициент Р/Е (раз)	Корпорация	Коэффициент Р/Е (раз)
Газпром	4,3	Сбербанк	6,1
Роснефть	6,4	Лукойл	4,4

В финансовой системе стран АТР накопился значительный объем избыточной ликвидности, который может быть направлен на российский финансовый рынок не только в форме вложений в ценные бумаги (акции, облигации), но и в форме товарных деривативов. В этом случае добавочный продукт для отечественной экономики будет генерироваться не за счет продажи сырья, а за счет оказания финансовых и страховых услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Объемы торгов биржевыми производными финансовыми инструментами в 2013 г. [Электронный ресурс] // Всемирная федерация фондовых бирж. – Режим доступа: <http://www.world-exchanges.org/>.

2. Корейская фондовая биржа [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.krx.co.kr/index.jsp/>.
3. Всемирная федерация фондовых бирж [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.world-exchanges.org/>.
4. Межконтинентальная Фондовая биржа [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.theice.com/home page .jhtml>.
5. Шанхайская фондовая биржа [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.sse.com.cn/>.
6. Брокерская Компания Финам [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/profile0005A00006/>.
7. Рейтинг крупнейших 500 корпораций Global 500 [Электронный ресурс] // Financial Times. – Режим доступа: <http://www.ft.com>.
8. Ли, Г. Воздействие иностранных прямых инвестиций на рынок труда Южной Кореи: Исследование уровня заработной платы четырех типов работников / Г. Ли, Г. Ким, С. Сим // Экономическая интеграция Восточной Азии. – 2014. – Вып. 18, № 1 (март). – С. 29–54.
9. Ко, Дж.-Х. Расхождение и источники структурных изменений в экономике Восточной Азии: Анализ международной структуры экспорта-импорта / Дж.-Х. Ко, Хван Ко, У. Паша // Экономическая интеграция Восточной Азии. – 2014. – Вып. 18, № 1 (март). – С. 55–81.
10. Обзор состояния финансовых рынков в 2013 г. [Электронный ресурс] // Всемирная федерация фондовых бирж. – Режим доступа: <http://www.world-exchanges.org/>.

REFERENCES

1. *Exchange Traded Derivatives Trading Volumes recovered in 2013 of World Federations of Exchanges*. Available at: <http://www.world-exchanges.org/> (accessed 17 July 2014).
2. *Korea exchange*. Available at: <http://www.krx.co.kr/index.jsp> (accessed 17 July 2014).
3. *World Federations of Exchanges*. Available at: <http://www.world-exchanges.org/> (accessed 17 July 2014).
4. *Intercontinental Exchange*. Available at: <https://www.theice.com/homepage.jhtml>(accessed 17 July 2014).
5. *Shanghai stock exchange*. Available at: <http://www.sse.com.cn/> (accessed 17 July 2014).
6. *Finam Brokerage House*. Available at: <http://www.finam.ru/analysis/profile0005A00006/> (accessed 17 July 2014).

7. *FT Global 500 of Financial Times*. Available at: <http://www.ft.com> (accessed 17 July 2014).

8. Hongshik Lee, Hongmin Kim, Soonhyung Sim. The Impact of Outward FDI on the South Korean Labor Market: Evidence on the Wages of Four Types of Workers. *Journal of East Asian Economic Integrat*, 2014, vol. 18, no. 1, March, pp. 29–54.

9. Jong-Hwan Ko, Hwan Ko, Werner Pascha. Decoupling and Sources of Structural Transformation of East Asian Economies: An International Input-Output Decomposition Analysis. *Ekonomicheskaya integratsiya Vostochnoi Azii*, 2014, vol. 18, no. 1, March, pp. 55–81.

10. *2013 WFE Market Highlights of World Federations of Exchanges*. Available at: <http://www.world-exchanges.org/> (accessed 17 July 2014).

Багайников Михаил Логинович – кандидат экономических наук, доцент Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск. E-mail: koterik@mail.ru

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН И АТР: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СФЕРЕ

В данной статье рассматриваются вопросы построения экономического взаимодействия агропродовольственного комплекса Байкальского региона и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Регионы Сибири и Дальнего Востока сегодня значительно отстают по уровню социально-экономического развития от других регионов России. Это при том, что на их долю приходится порядка 66,2% территории страны и лишь около 18,3% населения страны. Это побудило власти страны к реализации целого ряда государственных программ, направленных на развитие азиатской части России. Сохранившийся с советских времен стереотип, согласно которому Байкальскому региону присуща лишь промышленная и добывающая специализация, оставляет недооцененным его агропродовольственный потенциал и потенциальные возможности в области производства продовольствия. Байкальский регион находится в географической близости к такому важному в настоящее время региону, как АТР, который уверенно наращивает свою экономическую мощь, приобретая все больший вес в мире. Это наталкивает на необходимость скорейшей интеграции с рынком АТР не только в области экспорта природного сырья и энергоносителей, но и в продовольственной сфере. Очевидно, что в количественном измерении потенциал агропродовольственного комплекса региона не велик, однако он имеет ряд важных преимуществ. Это, прежде всего, возможность быстрого введения в оборот

значительных площадей сельскохозяйственных угодий, хорошая обеспеченность агрокомплекса региона водными ресурсами, а также хорошие перспективы производства продукции органического сельского хозяйства. В результате в статье перечислен ряд мероприятий по развитию агропродовольственного комплекса Байкальского региона и оценены перспективы его взаимодействия с продовольственным рынком АТР.

Ключевые слова: Байкальский регион, органическое сельское хозяйство, продовольственный комплекс, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Mikhail L. Bagaynikov, Cand. Sci. (Economics), Associate professor, Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk. E-mail: koterik@mail.ru

BAIKAL REGION AND APR: PROSPECTS OF DEVELOPING COOPERATION IN THE FOOD INDUSTRY

The article is devoted to the issues of establishing economic interaction between the agricultural and food industries of Baikal Region and Asia-Pacific countries (APR). The social and economic development of Siberia and the Russian Far East (RFE) falls behind other Russian territories, though Siberia and RFE account for 66.2% of the national territory and only for 18.3% of the country's population. The situation made the government implement a wide range of state-run programs focused on developing the Asian part of Russia. The stereotype existing since the Soviet period that Baikal Region is only an industrial and mining territory results in the underestimation of its agricultural and food manufacturing potentials. Baikal region is situated in a geographic proximity to fast-developing economies of the Asia-Pacific Region. This fact explains the necessity of early integration with the market of APR not only in exporting natural raw materials and energy products but also in the food industry. The potential of the agricultural and food complex in the region is not big; however, it has a number of important advantages. First, vast farming areas can be cultivated; the water supplies are substantial; the prospects of producing organic foods are great. The article lists the measures to be taken in order to develop the agricultural and food complex of Baikal Region and evaluates the prospects of its cooperation with the food market in the Asia-Pacific Region.

Key words: Baikal Region, organic agriculture, food complex, Asia-Pacific Region.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) сегодня – один из крупнейших региональных экономических и политических центров в мире, который, в отли-

чие от Европейского союза, не прекращает своего устойчивого развития, даже несмотря на глобальные экономические неурядицы. Очевидно, что в обозримом будущем удельный вес экономик стран АТР в глобальной экономике будет только увеличиваться, что еще раз подтверждает необходимость усиления экономического присутствия России в этом очень значимом регионе мира, и не только в качестве импортера энергоресурсов и сырья, но и как крупного поставщика сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Изучая вопросы укрепления сотрудничества России и её восточных регионов со странами АТР, О. Барабанов и другие отмечают, что «...закрытая, а называя вещи своими именами, автаркичная модель развития региона себя исчерпала, и единственная возможность для сохранения устойчивости и конкурентоспособности состоит в его включении в сложившуюся экономику АТР» [1, с. 96]. Очевидно, что емкость и структура внутреннего рынка России не способны в полной мере обеспечить экономический рост восточных регионов страны, так остро нуждающихся в дополнительных экономических стимулах развития. Следовательно, исходя из географического месторасположения регионов Сибири и Дальнего Востока, целесообразна активизация процессов их взаимодействия со странами АТР. Так же, как хозяйствующие субъекты европейской части России заинтересованы в построении экономического взаимодействия со странами Европы, так и субъекты, функционирующие на востоке страны (не связанные с экспортом углеводородов и других ресурсов), должны налаживать экономические отношения со странами Азии.

АТР выступает в настоящее время не только мощным экономическим центром азиатского континента, но и играет все более важную роль в глобальной экономике. В поле экономического притяжения АТР попадает все большее количество стран, не исключением стала и Россия. Не только дальневосточная территория, но и территория Восточной Сибири, куда входит Байкальский регион, стремительно превращаются «в форпост продвижения стран АТР на запад по территории России» [2, с. 58]. Таким образом, исходя из географического положения регионов Сибири и Дальнего Востока России, целесообразно расширять экономические связи между ними и странами АТР. При этом крайне необходимо расширять номенклатуру экспортируемой в АТР продукции, не ограничиваясь лишь сырьем и энергоносителями, которые и так занимают наибольший удельный вес в структуре совокупного экспорта.

Россия не входит в число крупных экспортеров продовольственной продукции в страны АТР, что, на наш взгляд, является серьезным упущением. Между тем, только рынок зерна этого региона превышает 100 млн т, что составляет порядка 35% мирового потребления. АТР становится все более крупным мировым потребителем базовых, основных видов сельскохозяйственной продукции, таких как зерно и мясо. Это объясняется влиянием следующих факторов.

Во-первых, стремительный экономический рост стран АТР, сдвинувший мировые центры промышленного и сельскохозяйственного производства, привел к значительным структурным изменениям. Он коренным образом повлиял на объемы потребления, в том числе продовольственной продукции, и отразился на уровне их продовольственной безопасности. Вслед за динамичным увеличением численности населения региона активно меняются и структура рациона, и объемы потребления продовольствия.

Аграрный комплекс АТР имеет относительно невысокий потенциал, поскольку ощутимое влияние оказывают отсутствие возможности для существенного расширения площадей сельскохозяйственных угодий, урбанизация, а также стремительный прирост численности населения и его плотности. Кроме того, серьезным сдерживающим фактором выступает снижение естественного плодородия земель сельскохозяйственного назначения в результате эрозии и чрезмерно активного хозяйственного использования и, что особенно важно, снижение уровня обеспеченности сельского хозяйства водными ресурсами, что накладывает на его развитие серьезные ограничения. В докладе ЮНЕП, посвященном состоянию окружающей среды, отмечается, что сочетание высокой плотности населения и значительных темпов его роста, быстрые индустриализация и урбанизация, а также бедность большей части населения нанесли урон природно-ресурсной базе региона. Они ускорили процессы деградации окружающей среды и привели к заметному увеличению загрязнения воздуха и воды. По данным ФАО, площадь наиболее ценного вида сельскохозяйственных угодий (а именно пашни) в регионах Южной и Восточной Азии составляет порядка 400 млн га, при том что площадь земель, не требующих орошения и пригодных для вовлечения в процесс производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, не превышает 600 млн га.

Во-вторых, повышение уровня потребления населением АТР продовольствия и приближение его к европейской структуре рациона резко повысили потребность в белковой пище, прежде всего в мясе, потребление которого выросло за последние 20 лет более чем в 2 раза, и зерне. Удельный вес зерна в структуре потребления возрастает, вытесняя более традиционный для этого региона рис. Это стало следствием усиления влияния процессов глобализации и транснационализации мировой экономики, а также стремительной урбанизации и роста численности населения. Такое изменение структуры потребления влечет за собой изменение практически всей агропродовольственной системы региона, возможности которой в настоящее время весьма ограничены.

Необратимые изменения в структуре рациона питания, повлекшие за собой изменения в объемах и номенклатуре продовольствия на рынке, не могут быть полностью удовлетворены за счет внутреннего производства, что вынуждает компенсировать недостаток за счет все увеличивающегося

импорта. АТР занимает наибольшую долю в структуре общемирового потребления продовольствия. В дальнейшем его доля в мировом потреблении как минимум не будет снижаться, а на фоне изменения социально-экономической и демографической ситуации в этом регионе имеются весьма веские основания предположить некоторое увеличение этого показателя. Так, по некоторым оценкам, суточная калорийность пищи одного жителя АТР превысит показатель 3000 ккал, вплотную приблизившись к отметке 3500 ккал. При этом значительно увеличится потребление мяса и мясопродуктов, что потребует коренной перестройки всей агропромышленной системы региона (это затруднительно по вышеуказанным причинам) с одновременным увеличением импорта мяса.

Каков же потенциал Байкальского региона в продовольственной сфере? Байкальский регион включает в себя территории Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Его общая площадь составляет 1558 тыс. кв км, или 9,1% от общей площади территории России. И если западная часть Байкальского региона (Иркутская область) имеет преимущественно зерновую специализацию, то его восточная часть больше приспособлена для развития мясного животноводства (Республика Бурятия и Забайкальский край). Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения региона составляет внушительные 14 680,9 тыс. га, или 9% от общей площади территории (рис. 1).

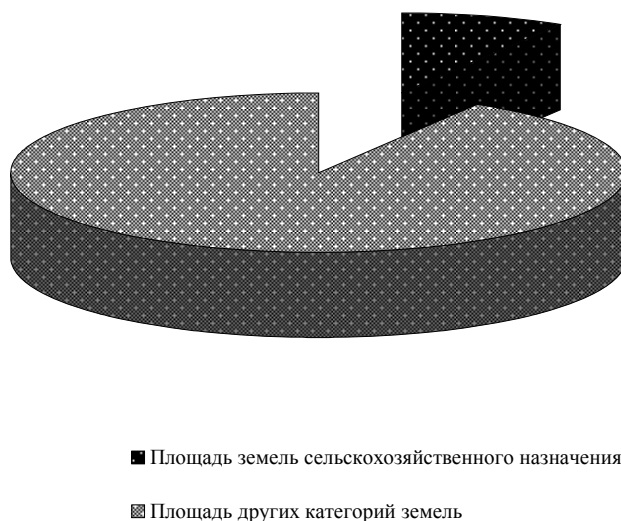


Рис. 1. Доля земель сельскохозяйственного назначения в Байкальском регионе

При этом Байкальский регион характеризуется относительно низкой плотностью населения и низким уровнем урбанизации, что делает его более привлекательным для развития аграрного производства (рис. 2).

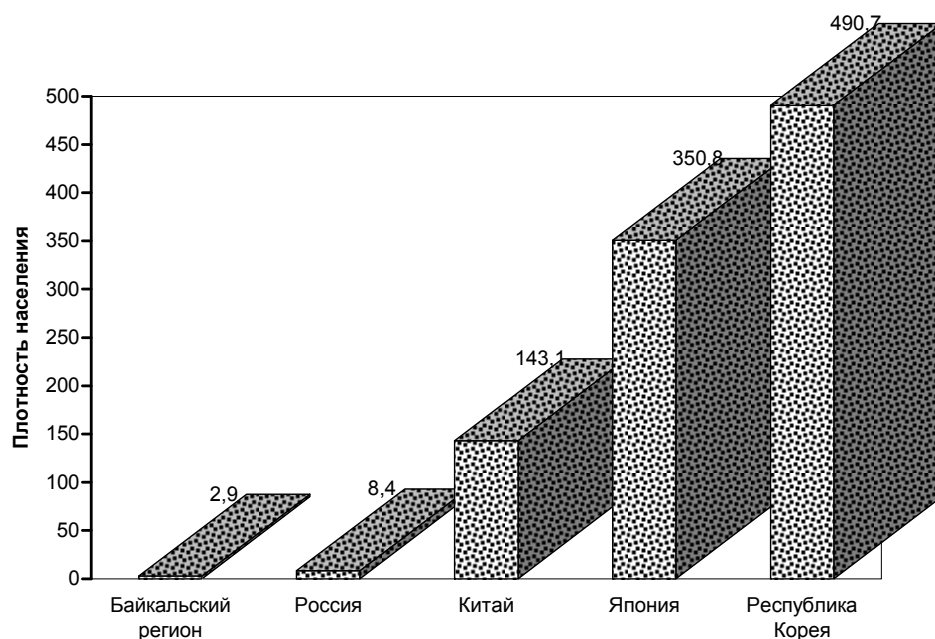


Рис. 2. Сравнительная плотность населения Байкальского региона, России и некоторых стран АТР

Для Иркутской области характерны следующие климатические характеристики:

- среднегодовая температура воздуха – от -1°C в южных районах области до -9°C в северных. При этом ощутимое влияние на климат оказывает озеро Байкал и водохранилища на реке Ангара, что делает резкоконтинентальный климат территории более мягким, с относительно теплой зимой и прохладным летом;

- в течение года на территории Иркутской области выпадает порядка 300–400 мм осадков. Из них более 55 % выпадает в летние месяцы, 12–15 – в весенние, 15–20 – в осенние, 8–10% – в зимние месяцы. Поэтому для повышения эффективности производства растениеводческой продукции требуется проведение снегозадержания, а также совершенствование системы ирригации сельскохозяйственных угодий.

Преобладающим типом почв на территории Иркутской области являются подзолистые почвы, в незначительном количестве черноземы, солончаковые и солонцеватые почвы. Иркутская область обладает в настоящее время самым большим запасом относительно высокопродуктивных земель, пригодных для интенсивного использования, среди всех субъектов Байкальского региона.

Территория Республики Бурятия так же, как и Иркутской области, находится в зоне с резко континентальным климатом, значительными годовыми и суточными колебаниями температуры воздуха. Ввиду того, что ре-

гион отгорожен горными хребтами с запада и востока от влажных воздушных масс, климат характеризуется низкими температурами зимой и высокими летом. Средняя температура летом составляет $+18,5^{\circ}\text{C}$, зимой -22°C , а среднегодовая температура примерно $-1,6^{\circ}\text{C}$.

Годовое количество осадков составляет примерно 400 мм, но их распределение достаточно неравномерно. Меньше всего осадков приходится на февраль, больше всего – на середину и конец лета. Основными типами почв на пахотных землях Бурятии являются каштановые, серые лесные и черноземы. Сенокосные угодья преимущественно расположены на аллювиально-пойменных почвах, а под пастбищами заняты в основном сухостепные склоны и увалы хребтов, представленные каштановыми почвами с укороченным профилем.

Климат Забайкальского края также резко континентальный, с неравномерным распределением осадков в течение года. Среднее количество осадков в течение года и их распределение по времени, за некоторым исключением, полностью повторяет показатели Республики Бурятия. Для северной и северо-восточной части Забайкальского края характерны мерзлотно-таежные, горно-мерзлотно-таежные и дерново-лесные типы почв, а на юге края в степной зоне формируются каштановые почвы, которые характеризуются низким потенциальным плодородием, слабой обеспеченностью подвижными фосфатами, легким механическим составом, малой мощностью гумусового горизонта.

Достаточно суровые природные условия Байкальского региона, технологическая отсталость аграрной отрасли, слабая материальная обеспеченность производства, неразвитая инфраструктура, несовершенная организация производства и отсутствие постоянно действующей системы территориального разделения труда в совокупности обусловили низкую экономическую эффективность регионального аграрного комплекса.

В целом, Байкальский регион имеет достаточно хорошие перспективы для успешного развития аграрного комплекса, однако для этого необходимо вывести его на новый технико-технологический и организационный уровень, который позволит ему реализовать заложенный потенциал.

Каков же уровень развития аграрного производства Байкальского региона сегодня?

Как уже было отмечено выше, регион обладает достаточно большим количеством земель, пригодных для сельскохозяйственного производства. Однако уровень их использования нельзя считать удовлетворительным. На рис. 3 представлены данные о размере посевных площадей, которые свидетельствуют о снижении этого показателя за последние два десятилетия. С другой стороны, можно констатировать наличие резервов для увеличения посевной площади за счет неиспользуемых в настоящее время угодий.

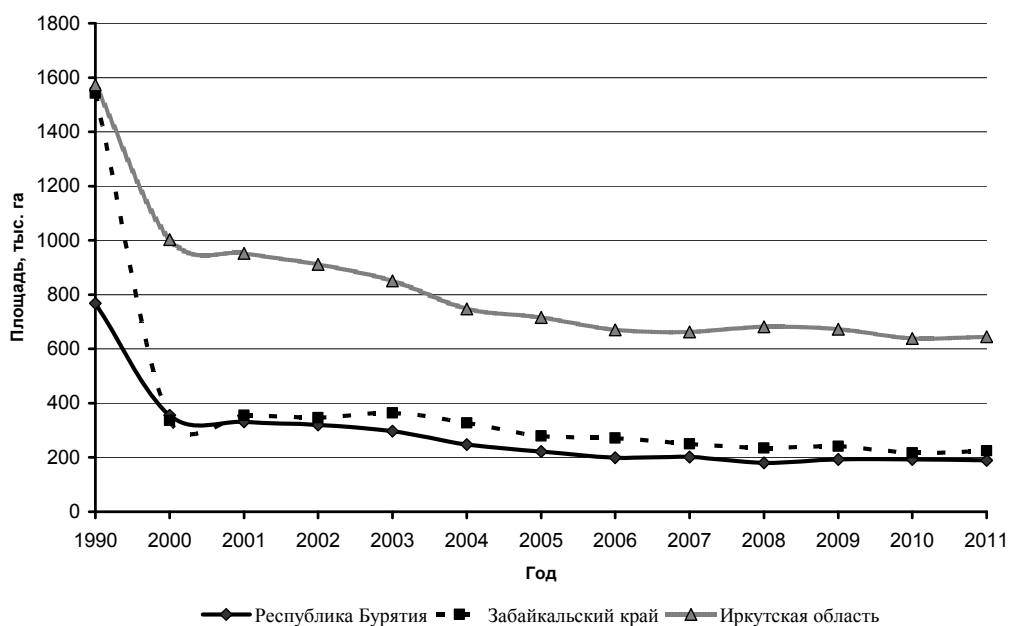


Рис. 3. Посевная площадь сельскохозяйственных культур
 Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г.
http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm (дата обращения: 24 марта 2014 г.).

Снижением характеризуется и численность поголовья основных видов сельскохозяйственных животных, что также стало следствием проведения непродуманной аграрной политики в России в 1990-х и 2000-х гг. (рис. 4).

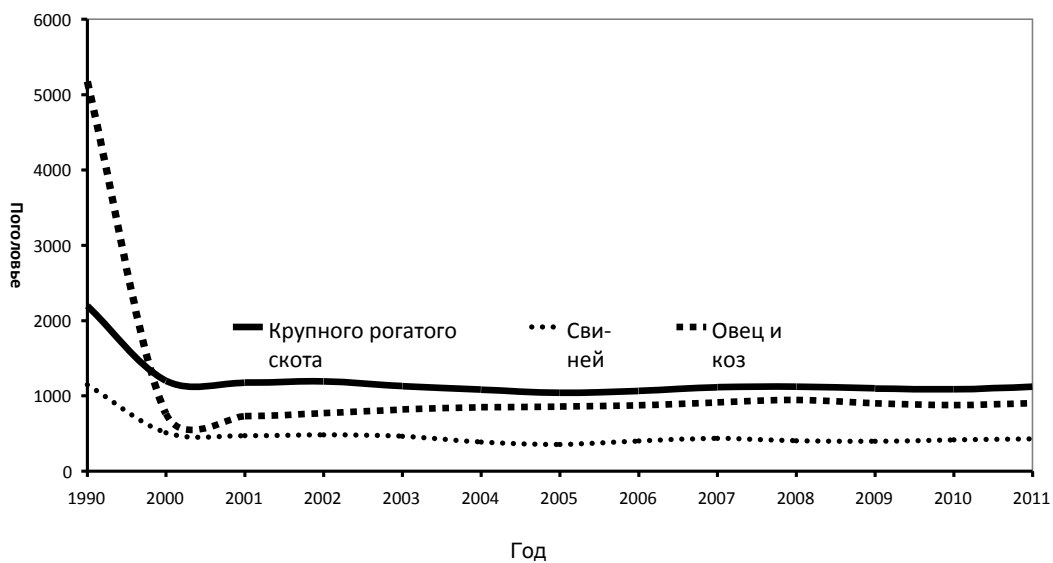


Рис. 4. Поголовье основных видов сельскохозяйственных животных в Байкальском регионе, 1990–2011 гг. (тыс. голов)

Наблюдаемые явления в аграрной сфере Байкальского региона совершенно не соответствуют тому потенциалу, которым он обладает. В настоящее время правительством России предпринимаются попытки стабилизировать ситуацию в агропродовольственной сфере, и особое внимание при этом уделяется регионам Сибири и Дальнего Востока*. Становится очевидным, что в условиях обострения проблемы обеспечения продовольственной безопасности в мире аграрный комплекс России (в частности, Байкальского региона) получит дополнительные импульсы для развития и активнее включится в систему мирового продовольственного рынка. Способствовать тому будет к тому же членство России во Всемирной торговой организации.

Регионы России, расположенные как в европейской, так и в азиатской части страны, исходя из целесообразности такого шага, развивают взаимовыгодное международное сотрудничество с иностранными государствами. Логика налаживания взаимоотношений весьма очевидна: если приграничные административно-территориальные субъекты западной части нашей страны в большинстве своем нацелены на экономическое сотрудничество со странами Европы, то востока страны – на развитие взаимоотношений со странами Азии. В этой связи возникает вопрос, что же может предложить агропродовольственный комплекс Байкальского региона на продовольственном рынке АТР? По нашему мнению, потенциал регионального АПК может быть раскрыт путем реализации следующих мероприятий.

Во-первых, экологически чистая зерновая продукция, полученная путем применения технологий органического растениеводства. События последних двадцати лет привели к резкому снижению уровня химизации растениеводства Байкальского региона, что негативно сказалось на урожайности и валовых сборах, но положительно отразилось на экологичности и безопасности продукции. Проведенное в 2010 г. исследование земельных ресурсов на содержание хлорорганических пестицидов, фосфорорганических инсектицидов и гербицидов не выявило существенных превышений предельно допустимых концентраций**. Более того, огромные площади сельскохозяйственных угодий региона находятся в настоящее время вне хозяйственного использования, восстанавливая и накапливая тем самым свой природный потенциал.

Байкальский регион имеет специфические, не самые благоприятные почвенные и климатические условия для аграрного производства, что, как ни странно, делает его весьма удобным для ведения органического сельского хозяйства. Если бы регион имел благоприятные природно-климати-

* К основополагающим документам следует, прежде всего, отнести Государственную программу РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2013 г.

** См.: Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2010 году».

ческие условия и высокое плодородие почв, то более целесообразно было бы развивать сельское хозяйство индустриального типа, предусматривающее широкое применение средств химизации, поскольку неизбежно пришлось бы из-за более благоприятных условий бороться с сорняками и сельскохозяйственными вредителями.

Если даже половина всех посевных площадей региона, а это без малого 400 тыс. га, будет направлена на производство только зерна, основанного на использовании технологий органического земледелия, то возможен валовой сбор в размере порядка 8 млн тонн экологически чистого, органического зерна в год.

Во-вторых, значительные площади сельскохозяйственных угодий региона могут быть повторно введены в оборот путем проведения на них мелиоративных мероприятий, направленных на повышение сбалансированности режима увлажнения почвы. Этому может способствовать высокий гидрологический потенциал региона, обусловленный наличием большого числа водных объектов, прежде всего озера Байкал и крупных рек, таких как Ангара, Лена, Уда, Ока, Селенга, Хилок и других, а также значительных запасов грунтовых вод. Таким образом, будет минимизировано негативное влияние фактора неравномерности выпадения осадков в течение года и повышена продуктивность не только растениеводства, но и животноводства.

История Байкальского региона показывает, что уже в эпоху средневековья на его территории была достаточно хорошо развита сложная система мелиорации, обеспечивающая влагой большие площади земельных угодий. Также во второй половине XX в. активно проводились работы по улучшению сельхозугодий, которые были прекращены в 1990-х гг. из-за отсутствия финансирования. Возрождение и широкое использование мероприятий по ирригации и мелиорации позволит значительно повысить продуктивность сельскохозяйственных угодий и увеличить производство основной сельскохозяйственной продукции.

В-третьих, Байкальский регион имеет огромный потенциал для развития органического сельского хозяйства, прежде всего животноводства мясного направления. Это направление относительно ново не только в нашей стране, но и в мире. Однако оно набирает все большую популярность, особенно в экономически наиболее развитых странах, поскольку предусматривает употребление в пищу только экологически чистой продукции. При этом лишь ограниченное число стран имеют возможность развивать это направление, из-за отсутствия у многих из них необходимых ресурсов, прежде всего земельных, не подверженных различного рода загрязнениям и обладающих хорошей естественной продуктивностью. Байкальский регион в этом отношении находится в весьма благоприятных условиях, поскольку потенциально способен наладить производство продукции органического животноводства в существенных объемах.

Наличие значительной площади пастбищных угодий, особенно в южной, юго-восточной и восточной части Байкальского региона, скрывает в себе большой потенциал для развития этого направления. Более того, эти территории мало подвержены негативному антропогенному воздействию и находятся в условиях благоприятной экологической обстановки.

Животноводческий комплекс региона недостаточно конкурентоспособен на мировом рынке по своим количественным показателям, однако у него есть возможность занять привлекательную рыночную нишу экологически чистой, органической животноводческой продукции, прежде всего мяса, поскольку обладает необходимыми для этого ресурсами.

Как уже было отмечено, органическое земледелие и животноводство приобретают в настоящее время, особенно в развитых странах, все большую популярность. Это связано с представлением о том, что только продукция органического сельского хозяйства может обеспечить по-настоящему высокое качество жизни, и все больше потребителей в мире отдают предпочтение именно такой продукции, несмотря на ее более высокую цену по сравнению с продукцией, полученной традиционным путем. Такая точка зрения больше присуща жителям экономически развитых стран, однако ее популярность год от года растет.

Рынок продукции органического животноводства является в настоящее время наиболее динамично развивающимся, поэтому важно успеть занять на нем свою нишу, тем более, если имеются необходимые для этого условия и ресурсы. «Мировой опыт показывает, – отмечает Марша Ло, – органическое сельское хозяйство может быть выгодным, устойчивым бизнесом для сельскохозяйственных предприятий, готовых пройти сертификацию для выхода на этот рынок» [3].

Правительства целого ряда развитых стран уже отреагировали на изменения в предпочтениях своих граждан и приступили к нормативному регулированию рынка органической продукции и утверждению требований, которым она должна соответствовать. Так, например, в США принята программа Министерства сельского хозяйства – «Национальная органическая программа», которая устанавливает нормы, стандарты и требования для органического животноводства. Вся органическая продукция должна подвергаться обязательной сертификации и отвечать установленным министерством требованиям.

В Японии уже с 2000 г. действует национальный стандарт органической продукции растительного происхождения, а также с 2005 г. – стандарт органической продукции животного происхождения и органических кормов для животных (JAS). Органическая продукция, отвечающая установленным требованиям, должна быть помечена специальным логотипом JAS. При этом маркировка продукции этим логотипом осуществляется под контролем Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (MAFF).

В странах Евросоюза продукция органического сельского хозяйства имеет большую популярность. На его территории сегодня функционирует примерно 168 тыс. сельскохозяйственных предприятий, производящих органическую продукцию. Больше всего предприятий сосредоточены в так называемых «старых» членах ЕС, но и новейшие страны также демонстрируют хорошую динамику развития этого направления. Для сертификации органической биопродукции в ЕС используются нормативы «ЕС 834/2007», «ЕС 889/2008».

В настоящее время продукция органического сельского хозяйства производится в 162 странах мира. Общий мировой торговый оборот органической продукции, по данным за 2011 г., составил порядка 63 млрд долл. При этом в органическое сельское хозяйство было вовлечено 37 200 тыс. га, что составило лишь 0,86% от общей мировой площади всех сельскохозяйственных угодий. Кроме того, потенциально могут быть вовлечены в органическое сельское хозяйство еще порядка 32 500 тыс. га земель, не используемые в настоящее время.

Среди всех регионов мира именно Азия, по оценкам экспертов Международной федерации по продвижению органического земледелия (IFOAM), обладает самой скромной площадью органических сельхозугодий, составляющей лишь 2,8 млн га. Для сравнения в Европе площадь органических сельхозугодий составляет 10,6 млн га, в Южной Америке – 8,4 млн га [4].

В-четвертых, целый ряд экономически развитых стран, испытывающих проблемы с обеспечением национальной продовольственной безопасности, предпринимают попытки получить контроль над земельными угодьями третьих стран с целью производства на них необходимого продовольствия. Предпринимаются такие попытки и в России, что потенциально содержит в себе угрозу национальной безопасности. В связи с этим очевидным становится не построение законодательных и иных барьеров для получения доступа к земле субъектами нерезидентами РФ (что не даст абсолютных гарантий), а строительство институтов удовлетворения спроса на продовольствие со стороны иностранных государств. Например, одним из таких институтов может стать постоянно действующая система заключения межгосударственных и межрегиональных договоров на поставки гарантированного объема продовольствия установленной номенклатуры. Для этого некоторая часть сельскохозяйственных угодий, например, Байкальского региона, не используемых по целевому назначению, может быть включена в состав земель, на которых будет располагаться производство сельхозпродукции в соответствии с заключенными с государствами договорами, но силами и средствами российских аграриев. То есть вместо того, чтобы продавать свою землю или отдавать в долгосрочную аренду, следует использовать ее для производства продовольствия за счет средств иностранных заказчиков. Это может стать дополнительным мощным фактором роста ино-

странных инвестиций в национальный и региональный аграрный комплекс и, как следствие, улучшения социально-экономического климата в сельской местности. Байкальский регион, благодаря своим особенностям (большим площадям свободных сельскохозяйственных угодий, географическому расположению и т.п.) может принимать активное участие в работе этого института и выступать стороной договорных обязательств как производитель продовольствия. Второй стороной, очевидно, могут выступать страны АТР, столкнувшиеся с проблемой нехватки продовольствия.

В целом, Байкальский регион обладает значительным потенциалом и при создании соответствующих условий имеет все шансы для успешного выхода на продовольственный рынок стран АТР. При этом следует учитывать специфические условия, в которых находится региональный аграрный комплекс, и на основе знаний о сильных и слабых его сторонах развивать его деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, О. Сибирь и Дальний Восток как путь глобализации России / О. Барабанов, Т. Бордачев // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10. – С. 92–100.
2. Сысоева, Н. М. Институциональные проблемы развития Байкальского региона // Россия: экономика и социология. – 2013. – № 1(77). – С. 55–72.
3. Laux, Marsha. Organic food trends profile [Electronic resource]. – 2013. – November. – Access: http://www.agmrc.org/markets__industries/food/organic-food-trends-profile/.
4. Harris, Chris. Global Organic Food Market Growing [Electronic resource]. – 2013. – August. – Access: <http://www.thepoultrysite.com/poultrynews/29890/global-organic-food-market-growing>.

REFERENCES

1. Barabanov O., Bordachev T. Sibir' i Dal'nii Vostok kak put' globalizatsii Rossii [Siberia and the far East as a way of globalization Russia]. *Rossiya v global'noi politike*, 2012, vol. 10, pp. 92–100.
2. Sysoeva N. M. Institutsional'nye problemy razvitiya Baikal'skogo regiona [Institutional problems of the development of the Baikal region]. *Rossiya: ekonomika i sotsiologiya*, 2013, no 1 (77), pp. 55–72.
3. Laux Marsha. *Organic food trends profile*. 2013. November. Available at: http://www.agmrc.org/markets__industries/food/organic-food-trends-profile/ (accessed 17 July 2014).
4. Harris Chris. *Global Organic Food Market Growing*. 2013. August. Available at: <http://www.thepoultrysite.com/poultrynews/29890/global-organic-food-market-growing> (accessed 17 July 2014).

ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Многие западные ученые и политики утверждают о кризисе мультикультурализма, однако южнокорейский опыт демонстрирует нам совершенно обратное. Это говорит о том, что не следует увлекаться европейскими подходами. В свете последних политических событий российскому Дальнему Востоку (РДВ) необходима особая концепция регулирования трудовой миграции, которая учитывала бы экономические и этнические особенности Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В данной статье приведен обзор подходов к регулированию миграционных процессов. В отличие от исследований М. Г. Колосницыной и И. К. Суворовой, автор приводит практический опыт регулирования мультикультурных отношений в Республике Корея. Показана эффективность мультикультуралистского подхода к развитию малого бизнеса. В представленной статье уточнены принципы и сформулирована цель миграционной политики. По авторскому мнению, к основным принципам миграционной политики следует добавить принцип развития малого предпринимательства и принцип интегрированного регулирования мультикультурных отношений. На основе зарубежного опыта разработана организационная структура регулирования мультикультурных отношений в экономике. На основании скорректированных принципов сформулирована цель государственной миграционной политики Российской Федерации. Отличие представленных принципов и цели государственной миграционной политики заключается в том, что основным субъектом регулирования мультикультурных отношений в экономике должен стать малый бизнес, в интересах которого и должна проводиться названная политика. Представленный подход позволяет ускорить развитие малого предпринимательства путем увеличения объемов выпуска продукции с высоким уровнем добавленной стоимости и предполагает повышение ответственности работодателей за иностранных работников.

Ключевые слова: государственное регулирование; малое предпринимательство; мультикультуралистский подход; трудовая миграция.

APPROACHES TO WORKING OUT MULTICULTURALISTIC CONCEPT OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN THE FAR EAST

Many western scientists and politicians are talking about a multiculturalistic crisis; however, the South-Korean experience is opposite, which proves that we should not concentrate on western approaches only. In the context of recent political events, the Russian Far East needs a special concept of labor migration regulation that would consider economic and ethnic features of the Asian-Pacific Region. The article reviews the approaches to migration processes regulation. In contrast to the research conducted by M.G. Kolosnitsina and I.K. Suvorova, the author reviews a practical experience of multicultural relations regulation in the Republic of Korea. Efficiency of multicultural approaches to development of small business is shown. The article specifies the principles and purpose of the migration policy. The author adheres to the opinion that the main principles of Migration Policy should include the principle of small and medium business development as well as the principle of integrated regulation of multicultural relations. The foreign experience serves as a basis for the organizational structure of regulation of the multicultural relations in the economy. According to coordinated principles, the aim of governmental migration policy of the Russian Federation has been defined. The difference of these principles from the aim of the government Migration Policy is that the multicultural relations regulation in economy should be focused on small business and the policy should be carried out in its interests. This approach allows to speed up small business development by increasing the output volumes of products with high added value and stipulates higher responsibility of employers for their foreign employees.

Keywords: state regulation; small business; multicultural approach; labor migration.

Актуальность проблемы регулирования мультикультурных отношений в обществе в значительной степени обусловлена нарастающим социальным напряжением, низкой производительностью труда и демографическим кризисом в стране. Трудно переоценить роль трудовой миграции в таких странах, как: Австралия, Великобритания, Канада, США, однако вопросы разработки технологий применения мультикультуралистских подходов в экономике остаются открытыми. Обратимся к исследованиям в области анализа проблем демографии и трудовой миграции на Дальнем Востоке, проведенными Е. Л. Мот-

рич: «Согласно оценкам прогноза демографического департамента ООН для всей России, Дальний Восток в наибольшей степени, чем другие территории страны, пострадает от сокращения числа своих жителей за счет естественной убыли и миграционного оттока. К началу 2009 г. численность населения на Дальнем Востоке (6 460 тыс. чел.) сохранялась на уровне 1975 г. (6 472 тыс. чел.). За период 1991–2008 гг. регион потерял 1 596,5 тыс. чел., или 19,8% собственного населения» [6]. «В таких условиях Дальневосточный округ вынужден привлекать рабочую силу из других регионов России, а также трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья» [4].

Наиболее полный обзор подходов к изучению международного миграционного движения рабочей силы, по нашему мнению, привели М. Г. Колосницына и И. К. Суворова [1]. Авторами исследования проведен анализ основных концепций. Прежде всего, они выделяют «Теорию заработной платы» Дж. Хикса, согласно которой основной причиной миграции является различие в уровнях оплаты труда. Принятие решений индивидов о переезде в другую страну рассматривается в рамках такого подхода как стремление к максимизации собственных доходов.

Дальнейшее развитие неоклассический подход получил в *концепции новой экономики миграции* (Дж. Минсер), главным отличием которой явилось изменение объекта миграционных отношений. Так, центральное место при принятии решения об исходе отводится домашнему хозяйству, а не индивиду.

В рамках концепции О. Старка [8] впервые сформулирован тезис о том, что причиной миграции является «уровень доходов окружающих», поэтому страну исхода покидают не способные и активные, а бедные и социально ущемленные (Е. Катц, А. М. Барретт). Следует отметить, что в этом-то и было основное отличие данного подхода от новой экономики миграции, утверждающей обратное.

В *концепции дуальности рынка труда* прослеживается попытка объяснения взаимоотношений стран-доноров и стран-реципиентов. Отличается такой подход утверждением о развитии международных экономических связей и о существовании неких новых факторов, которые ускоряют данные процессы в названных странах.

С позиции *концепции общемировой миграционной системы* И. Валлерстейн [9] рассматривает мировую систему как поликультурное территориальное разделение труда, выделяя при этом три региональные зоны – ядра, полупериферии и периферии. В основе такого деления лежит эксплуатация бедных и кризисных трудоемких зон (периферия) сильными капиталоемкими производствами (ядро), что и является причиной миграции [1].

Основой современных работ в области теории миграционного перемещения рабочей силы можно считать, по мнению М. Г. Колосницыной и И. К. Суворовой, *модель человеческого капитала* (Л. Сжаастад, Б. Чизвик),

ключевым тезисом которой является утверждение о том, что при принятии решения о миграции индивид оценивает чистую приведенную стоимость своих выгод от переезда в другую страну [1].

В рамках приведенного обзора следует упомянуть *геоэкономический подход*, с позиции которого Э. Г. Кочетов рассматривает этноэкономическую систему в аспекте дуализма этнонациональных и техногенных компонентов. Так, ее центральным атрибутом является гармонизация процессов внедрения этнонациональных систем в производственно-инвестиционные циклы. Диалектическая суть подхода заключается в том, что постиндустриальная модель игнорирует этнонациональный фактор, что неизбежно приводит к этнонациональным противоречиям и к конфликтам с национальной окраской [2].

Рассмотрим Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., цель которой заключается в содействии обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей. К основным экономическим принципам названного документа относятся: развитие институтов социального партнерства и гражданского общества; защита национального рынка труда; дифференцированный подход к регулированию миграционных потоков в зависимости от целей и сроков пребывания, социально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик мигрантов и т.п.

Следует иметь в виду, что мультикультурализм — это один из аспектов *толерантности*, заключающийся в сохранении и развитии в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных и этнических различий. Важным отличием от *политического либерализма* является признание мультикультурализмом прав за этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим общинам вести просветительскую деятельность и иметь собственные образовательные программы, строить школы, открывать библиотеки, выражать консолидированную политическую позицию. Данная концепция несколько шире концепций международного миграционного движения рабочей силы, т.к. предметом ее исследований являются причины этнической миграции и условия развития самобытности этносов в мире.

К одним из главных принципов политики мультикультурализма следует отнести принцип трансформации государственных и общественных институтов с целью обеспечения реального равенства всех граждан, защиты их прав и предотвращения любой дискриминации. Чем в большей степени мигранты вовлечены в сферу деятельности подобных институтов, тем в меньшей степени они представляют собой угрозу стабильности в обществе. По нашему мнению, такая инфраструктура развития международной трудовой миграции могла быть дополнена подсистемой государственного ре-

гулирования и поддержки предпринимательской деятельности, поскольку именно субъектам малого бизнеса должна быть предназначена названная миграционная политика.

Например, в 1993 г. в Республике Корея с целью сокращения дефицита рабочей силы на малых и средних предприятиях была введена схема производственной стажировки. Стажер-мигрант согласно такому визовому режиму (Е-9) может получить временную рабочую визу (сроком до 5 лет) только при трудоустройстве на предприятиях малого бизнеса, при этом поменять такое предприятие он имеет право, как правило, не более трёх раз. В соответствии с трудовым договором мигрант проживает на территории завода в общежитии, имея трех- четырехразовый прием пищи в сутки. Если иностранный работник самовольно меняет место работы, то он автоматически принимает нелегальное положение в стране, т.к. только официальное разрешение центра занятости при Министерстве труда Республики Корея (далее – РК) дает ему право на увольнение. По истечении срока пребывания иностранный рабочий должен незамедлительно покинуть страну.

Принципиальная особенность такой политики заключается в том, что правительство РК не жалеет средств на осуществление контроля над миграционными процессами и принуждение к выезду трудовых мигрантов после завершения контракта. Так, например, предприятия, предоставившие работу нелегалам, подвергаются крупным штрафным санкциям. Такая жесткая мультикультурная политика проходит под императивом «Быстрее зарабатывайте и поскорее возвращайтесь домой». Изменения в численности и структуре по статусу пребывания иностранных граждан, проживавших в 2012 г. в г. Ансан, Республика Корея, приведены в таблицах 1, 2 [3].

Таблица 1

**Численность проживающих иностранцев
в г. Ансан, Республика Корея**

Период	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Численность иностранцев, чел.	20089	18228	24256	29576	32837	34147	38976	44226	44971

Таблица 2

**Структура по статусу пребывания иностранных граждан
в г. Ансан, Республика Корея (человек)**

Статус иностранного гражданина	Рабочие	Иностранные супруги граждан РК	Стажеры	Квалифицированные специалисты	Сопровождающие и прочие
Численность, человек (всего: 44971)	30787	5112	581	494	7997

Следует отметить, что рабочие-мигранты во многом активнее на рынке труда безработных принимающей страны. Лишённые всяческой поддержки, зачастую без знания языка, прокормить свои семьи они могут только за счёт особого старания. В таких сложных условиях иностранные рабочие объединяются в артели, организованные по принципу духовного и этнического единства. А поскольку цель малого бизнеса заключается в максимизации прибыли, сверхмотивация мигрантов, снижающая предпринимательские риски, невольно способствует достижению данной цели, и в этом проявляется симбиоз, основанный на взаимовыгодных отношениях.

Таким образом, мы можем утверждать о том, что, являясь эффективным средством борьбы с бедностью, трудовая миграция позволяет активизировать потенциал малого бизнеса в принимающей стране и приводит к росту объемов вырабатываемой продукции в наиболее трудоемких сферах предпринимательской деятельности. Не следует осуществлять миграционную политику в масштабах всего народного хозяйства, для этого существует сфера малого предпринимательства, испытывающая острый дефицит в рабочей силе. Мультикультурная структура г. Ансан, Республика Корея, приведена на рисунке 1 [3].

Ансан расположен в 30 км к юго-западу от г. Сеула, население города составляет 759 756 чел. Площадь занимаемой территории равна 149,39 км². Финансовый оборот Ансана в 2012 г. насчитывал 10 млрд 677 млн долл. США [3]. Весомый вклад в развитие промышленного потенциала города внесли иностранные рабочие, занятые, как правило, на предприятиях малого бизнеса.

Международная миграция в Республике Корея приведена на рисунке 2. Из данных рисунка 2 следует, что в 2012 г. международная чистая миграция (прибыло – отбыло) составила 7 тыс. человек. Это самый низкий показатель с начала 2006 г. Согласно статистике Республики Корея, по сравнению с 2011 г. доля выходцев из Китая, США и Вьетнама в 2012 г. равнялась 60,3% от общего объема въезда в страну и 63,5 % от общего исхода из Республики Корея.

Не менее эффективный потенциал от организации миграционных процессов существует и на российском Дальнем Востоке. Сегодня ни одно крупное международное мероприятие, проходящее в России, не обходится без привлечения иностранных рабочих. Согласно материалам источника [5], в регионе работает порядка 100 тыс. приезжих рабочих. Более 40% из них – это люди из стран СНГ, 40% – из Китая, остальные – из Японии, КНДР, Республики Корея, США, Турции, Филиппин, Сингапура и др. Следует отметить, что причина широкого использования иностранной рабочей силы заключается в тревожной демографической ситуации на Дальнем Востоке. Учитывая эффективность южнокорейского опыта, рассмотрим организационную структуру регулирования мультикультурных отношений в экономике на рисунке 3.

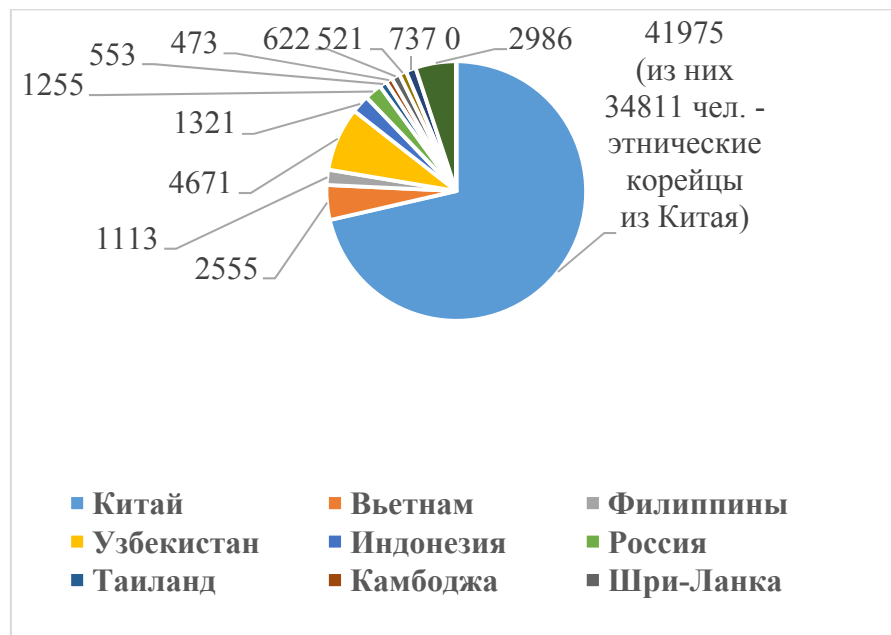


Рис. 1. Мультикультурная структура стран (58 782 чел. из 74 стран), граждане которых проживают в г. Ансан, Республика Корея, чел. (согласно данным на 31 июля 2013 г.)*

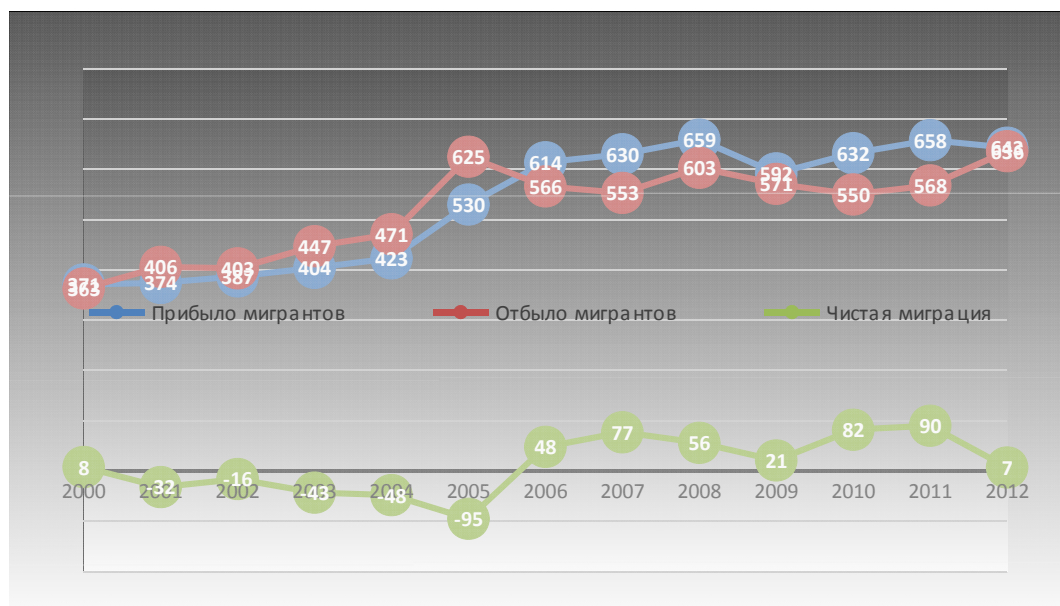


Рис. 2. Международная миграция в Республике Корея, тыс. человек

* Практический путеводитель для иностранных граждан: Инструкция по использованию. – Ансан : Центр иностранных граждан города Ансан. Республика Корея, 2013. – С. 7. (Проект поддержан Научным фондом ДВФУ).



Рис. 3. Структура регулирования мультикультурных отношений в экономике

Не претендуя на уточнение таких категорий, как *индивид* и *домашнее хозяйство*, остановимся на прикладном аспекте названной проблемы. Предположим, что субъектами регулирования миграционных отношений являются государственные, экономические и общественные институты. Тогда соответствующими им по сложности объектами могут быть домохозяйства и индивиды, выделенные по этническим и культурным признакам (например, турки в Германии; алжирцы и марокканцы во Франции; индусы в Великобритании; этнические корейцы из Китая и стран СНГ в Республике Корея и т.д.). Поскольку миграционные перемещения рабочей силы представляют собой довольно длительный процесс, на начальных этапах названные выше категории могли быть такими объектами, что подтверждается эволюцией предпочтений, приведенной в обзорной части статьи. Так, изначально решение о миграции действительно принимал индивид, затем – семья, артель и, наконец, все это смешалось в далеко мигрирующий этнос,

границу которому открыло принимающее государство. Что же касается причин исхода, то даже языковые и культурные барьеры, на основе которых осуществляется интенсивная эксплуатация первого поколения иностранных рабочих, не могут снизить нарастающую необходимость переезда в другую страну, поскольку трудовая миграция – это эффективная форма борьбы с бедностью.

Таким образом, объектом регулирования мультикультурных процессов являются далеко мигрирующие этносы, трудоспособная часть которых ведет продолжительную трудовую и предпринимательскую деятельность в принимающей стране.

Субъектами мультикультуралистского подхода к развитию малого бизнеса являются государственные, экономические и общественные институты, формирующие систему регулирования и поддержки трудовой миграции, с целью развития предпринимательской деятельности.

Прикладной аспект мультикультуралистского подхода представлен на рисунке 4 «Структура регулирования и поддержки малого предпринимательства в рыбном хозяйстве на основе мультикультурных отношений».

Из приведенной схемы следует, что субъектами регулируемой миграции являются государственные структуры, малое предпринимательство и общественные организации. В качестве основного государственного органа по регулированию трудовой миграции и этнического предпринимательства в прибрежной рыбохозяйственной деятельности, по авторскому мнению, может являться Министерство водных и биологических ресурсов Дальнего Востока. С учетом потребностей малого предпринимательства в трудовых ресурсах, данный орган разрабатывает квоты на привлечение иностранной рабочей силы (см. рис. 4, область А) в производственную сферу прибрежной рыбохозяйственной деятельности; оказывает поддержку этнической предпринимательской деятельности коренных и малочисленных народов Дальнего Востока; проводит геоэкономическую политику в отношении иностранных и совместных фирм в рыбном хозяйстве.

Следует отметить, что важную роль в жизнеобеспечении трудовых мигрантов играет этническое предпринимательство как форма поддержки иностранцев в принимающей стране. В данную сферу обычно входят:

- этнический ресторанный бизнес;
- розничная торговля традиционными для соответствующего этноса продуктами питания «Fast food»;
- посреднические финансовые услуги (осуществление денежных переводов);
- грузовые перевозки (например «Cargo», «EMS») и т.п.

Из-за традиционных потребительских и религиозных предпочтений мигрантов такую нишу предпринимательской деятельности не могут заполнить сторонние организации.

Субъектами общественного регулирования мультикультурных отношений могут являться: этнокультурные и религиозные организации; мультикультурные центры по оказанию социальной поддержки мигрантам; ассоциации. Основными видами общественной деятельности таких организаций, как правило, становятся: образовательные услуги; первичная медицинская помощь (проведение акций «Врачи без границ»); юридическая и консультационная поддержка при разрешении трудовых конфликтов и споров; сохранение этнической самобытности в мигрантских диаспорах (рис. 4).



Рис. 4. Схема регулирования и поддержки малого предпринимательства в рыбном хозяйстве на основе мультикультурных отношений [7]

В заключение уточним принципы миграционной политики, к которым, по нашему мнению, следует добавить: принцип развития малого и среднего предпринимательства, учитывающий государственную поддержку в обеспечении потребностей малого бизнеса в рабочей силе; принцип интегрированного регулирования мультикультурных отношений, учитывающий развитие этнического предпринимательства, совместных и иностранных форм предпринимательской деятельности, а также некоммерческих мультикультур-

турных организаций, образующих инфраструктуру миграционных отношений. Такой принцип способствует интеграции мигрантов в социальное общество принимающей страны и освоению соответствующей культуры при сохранении основ этнической самобытности. На основании скорректированных принципов сформулируем цель государственной миграционной политики Российской Федерации, которая может заключаться в содействии обеспечению потребности малого и среднего бизнеса Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности предприятий в основных сферах предпринимательской деятельности. Отличие представленных принципов и цели государственной миграционной политики от целей и принципов, сформулированных в Концепции, заключается в том, что основным субъектом регулирования мультикультурных отношений в экономике должно стать малое предпринимательство, в интересах которого и должна проводиться названная политика. Представленный подход позволяет ускорить развитие малого бизнеса путем увеличения объемов выпуска продукции с высоким уровнем добавленной стоимости и предполагает повышение ответственности работодателей за иностранных работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосницына, М. Г. Международная трудовая миграция : теоретические основы и политика регулирования / М. Г. Колосницына, И. К. Суворова // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – № 4. – С. 543–565.
2. Кочетов, Э. Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства : учебник для вузов / Э. Г. Кочетова. – М. : Норма, 2010. – 528 с.
3. Living information & legal guide for foreigners. – Ansan : Ansan Migrant Community Service Center, 2013. – P. 7.
4. Мотрич, Е. Л. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию : Дальневосточный вектор [Электронный ресурс] / Е. Л. Мотрич, С. Н. Найден. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15209778/>.
5. Мотрич, Е. Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_demogr.htm/.
6. Мотрич, Е. Л. Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Дальнего Востока России : дис. ... д-ра экон. наук / Е. Л. Мотрич. – Хабаровск : Ин-т экон. исследований ДВО РАН, 2006. – 290 с.
7. She, S. G. Multicultural Approach to Small Business Development [Электронный ресурс] // Journal of Russian Entrepreneurship. – 2013. – № 13

(235). – P. 56–60. – Режим доступа: <http://www.creativeeconomy.ru/en/articles/29118/>.

8. Stark, O. Rural-to-urban Migration in LDCs : a Relative Deprivation Approach // *Economic Development and Cultural Change*. – 1984. V. 32(3). P. 475–486.

9. Wallerstein, I. *The Modern World System : Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / I. Wallerstein. – N.Y. : Academic Press, 1976. – 410 p.

REFERENCES

1. Kolosnitsyna M. G., Suvorova I. K. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya: teoreticheskie osnovy i politika regulirovaniya [International Labour Migration: Theoretical Issues and Regulation]. *HSE Economic Journal*, 2005, no 4, pp. 543–565.

2. Kochetov E. G. *Geoekonomika. Osvoenie mirovogo ekonomicheskogo prostranstva: uchebnik dlya vuzov* [Geo-economics: Opening the World Economic Space Up: A Textbook for the University Course «The World Economics»]. Moscow: Norma Publ., 2010. 528 p.

3. *Living information & legal guide for foreigners*. Ansan: Ansan Migrant Community Service Center, 2013. P. 7.

4. Motrich E. L., Naiden S. N. *Vliyanie sotsial'no-demograficheskoi situatsii na trudovuyu migratsiyu: Dal'nevostochnyi vektor* [Influence of socio-demographic situation in the labor migration: vector Far East]. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15209778> (access 17 July 2014).

5. Motrich E. L. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii* [Demographic and migration processes in the Russian Far East]. Available at: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_demogr.htm (access 17 July 2014).

6. Motrich E. L. *Formirovanie i dinamika naseleniya kak faktor ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii* [Formation and dynamics of the population as a factor in economic development of the Russian Far East]. Doct. Diss. (Economic Sci.). Khabarovsk: Economic Research Institute Publ., FEB RAS, 2006. 290 p.

7. She S. G. Multicultural Approach to Small Business Development. *Journal of Russian Entrepreneurshi*, 2013, no 13 (235), pp. 56–60. Available at: <http://www.creativeeconomy.ru/en/articles/29118/> (access 17 July 2014).

8. Stark O. Rural-to-urban Migration in LDCs: a Relative Deprivation Approach. *Economic Development and Cultural Change*, 1984, vol. 32 (3), pp. 475–486.

9. Wallerstein I. *The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. N.Y.: Academic Press, 1976. 410 p.

Попова Татьяна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: trpova55@mail.ru

Глазунова Анастасия Станиславовна – старший специалист отдела персонифицированного учета, ГУ УПФ РФ по Первореченскому району, г. Владивосток. E-mail: sky_696@list.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Трансграничные миграции в настоящее время – неотъемлемая часть любой международной экономики, а многим государствам приходится решать одновременно проблемы не только иммигрантов, но и эмигрантов. В статье проведен анализ современного состояния международных миграционных процессов в Приморском крае.

Анализ числа международных мигрантов, прибывших в Приморский край в 1997–2012 гг., показал, что основными странами – донорами международной миграции стали: Узбекистан – 25,02% (от общего числа мигрантов), Китай – 19,1%, Кыргызстан – 7,7%, Армения – 6,7%, Таджикистан – 6,2%, Украина – 4,2%. На страны дальнего зарубежья приходится 3,8% всех миграционных передвижений, которые, начиная с 1998 г., постепенно стихают. Тем не менее, даже в результате такого небольшого «обмена» Приморье теряет население [3].

Исследование структуры эмиграционных потоков Приморского края показало, что в 2012 г. из 5 109 человек, ставших международными мигрантами, в Китай направилось 1 284 человека, Узбекистан – 953, Кыргызстан – 520, Украину – 281, Таджикистан – 147, Беларусь – 123, Армению – 96, Вьетнам – 76, США – 61 человек [3].

Авторы особое внимание уделили изучению сложных и взаимосвязанных проблем международной миграции на примере Приморского края. В статье рекомендованы меры, которые могут рассматриваться как сглаживающие существующие в крае негативные тенденции в сфере миграции, тем самым помогающие сделать миграцию инструментом роста населения в Приморском крае.

Ключевые слова: международная миграция, мигранты, управление миграционными процессами, иммигранты, эмигранты, Приморский край.

Tatyana N. Popova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of World Economics Department, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: tpopova55@mail.ru

Anastasiya S. Glazunova, senior specialist of Personified Accounting Department, Pension Fund Directorate of the Russian Federation, Pervorechenskiy district, Vladivostok. E-mail: sky_696@list.ru

CURRENT STATE AND PROBLEMS OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES (THE CASE OF PRIMORSKY KRAI)

Cross-border migration is now an integral part of any international economy. Many countries have become sources of both immigrants and emigrants. The article is devoted to the current state of international migration processes in Primorsky Krai.

Quantitative analysis of international migrants who arrived to Primorye between 1997–2012 shows that the main donor-countries of international migrants are as follows: Uzbekistan – 25,02% (of the total number of migrants), China – 19,1%, Kyrgyzstan – 7,7%, Ukraine – 4,2%, Tadzhikistan – 6,2%, and Armenia – 6,7% of international migrants. In 2012, the non-CIS foreign countries accounted for 3,8% of migration; since 1998, the percentage has been slowly decreasing. However, Primorye is still losing its population.

The structure of emigration streams in Primorye shows that out of 5 109 international migrants, the majority (1 284) have moved to China (953), Uzbekistan (953), Kirgizstan (520), Ukraine (281), Tadzhikistan (147), Belorussia (123), the USA (61), Armenia (96), and Vietnam (76).

The authors of the article have paid special attention to complicated and interrelated problems of international migration in Primorsky Krai. The article considers the measures that could reduce the existing negative trends in Primorsky Krai in the sphere of migration, and the methods of making migration an instrument of population growth in Primorsky Krai.

Keyword: international migration, migrants, migration control, immigrants, emigrants, Primorsky Krai.

В настоящее время люди, товары, капиталы, информация и услуги способны перемещаться все с большей легкостью и эффективностью, но одновременно с этим в течение последних двадцати лет многие страны, и Россия в том числе, оказываются под большим иммиграционным давлением.

Социально-экономическое, демографическое и политическое развитие Приморского края во многом связано с развитием миграционных процессов. В 2012 г. практически 6,3% иностранных рабочих от общего количест-

ва приехавших в Россию трудовых мигрантов осуществляли трудовую деятельность в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), из них 38,3% – в Приморском крае (табл. 1).

Основными странами – донорами международных мигрантов стали: Узбекистан – 25,02% (от общего числа мигрантов), Китай – 19,1%, Кыргызстан – 7,7%, Армения – 6,7%, Таджикистан – 6,2%, Украина – 4,2% [3].

Таблица 1

Число международных мигрантов, прибывших в Приморский край [3], чел.

Год	Ближнее зарубежье		Дальнее зарубежье		Международных мигрантов (всего)		Миграционный прирост (отток)
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	
1997	4 732	3 578	2 161	1 884	6 893	5 462	1 431
2000	3 308	1 258	671	833	3 979	2 091	1 888
2002	863	597	50	237	913	834	79
2005	742	289	40	150	782	439	343
2007	2 174	378	97	171	2 271	549	1 722
2011	4 886	642	2 777	534	7 663	1 176	6 487
2012	5660	2239	4515	2870	10175	5109	5066

На страны дальнего зарубежья в 2012 г. приходится лишь 3,8% всех миграционных передвижений, которые, начиная с 1998 г., постепенно стихают. Их половозрастная структура представлена на рисунке 1.

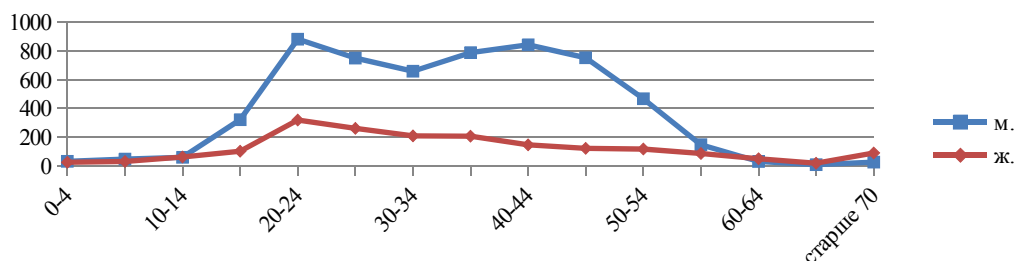


Рис. 1. Половозрастная структура иммигрантов в Приморском крае в 2012 г., чел.

В структуре иммигрантов, практически во всех возрастных категориях, идет заметный перевес мужчин, на которых пришлось 76 %.

Распределение мигрантов по секторам занятости в целом отражает мировые тенденции. В Приморье за несколько последних десятилетий образо-

вались и развиваются целые сферы экономики, где заняты в основном мигранты, это – малоквалифицированная или неквалифицированная рабочая сила. В среднем, в строительстве занято 33,1%, оптовой и розничной торговле и общественном питании – 29,1%, сельском хозяйстве – 16,5%, обрабатывающем производстве – 15,25% [8].

Большая часть мигрантов из Китая и Республики Корея по-прежнему является основной рабочей силой для строительства, лесозаготовок и других видов бизнеса. А мало- и неквалифицированные мигранты из государств Средней Азии пополняют вторичный рынок с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой.

Основная часть трудовых мигрантов обосновалась в городах Приморья, где уровень безработицы невысок: Владивосток, Находка, Уссурийск, Артём. Это свидетельствует о том, что угроза конкуренции с их стороны несколько преувеличена: те вакансии, на которые они претендуют, из-за невысокой заработной платы и условий труда для жителей края непривлекательны.

В структуре эмиграционных потоков Приморского края 2012 г. из 5 109 человек, ставших международными мигрантами, в Китай направилось 1284 человека, Узбекистан – 953, Кыргызстан – 520, Украину – 281, Таджикистан – 147, Беларусь – 123, Армению – 96, Вьетнам – 76, США – 61 человек [3].

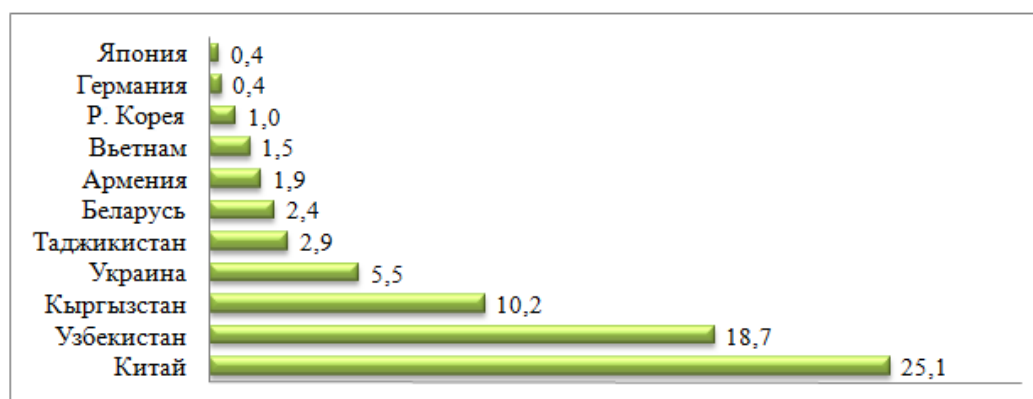


Рис. 2. Страны эмиграции для Приморского края в 2012 г., %

В 2012 г. Приморский край покинули 74 770 человек, из которых на международную миграцию пришлось 6,8 %. Распределение эмигрантов по странам представлено на рисунке 2.

Временная работа за рубежом является для индивидов более предпочтительной, чем эмиграция, поскольку связана с меньшими материальными и нематериальными издержками, численность по странам представлена на рисунке 3.

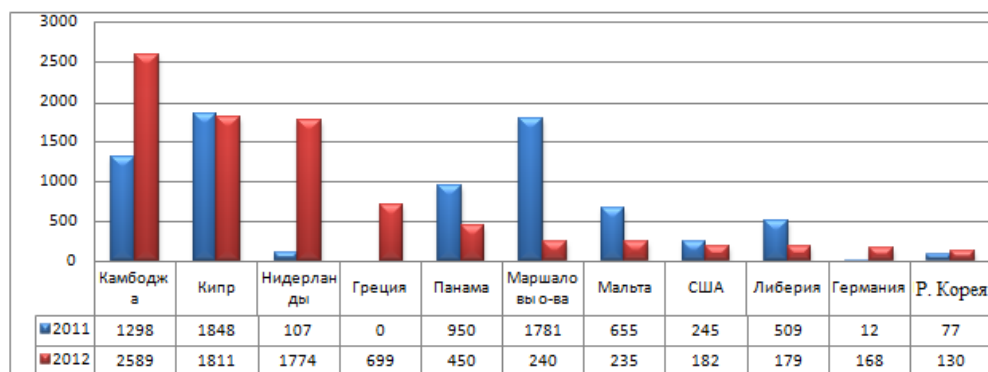


Рис. 3. Численность приморских граждан, трудоустроенных за границей, по странам в 2011–2012 гг., человек

Главная причина, что заставляет людей искать работу вдали от дома, – неравенство в уровне и условиях жизни в странах выезда и въезда.

Миграция, как и любое другое социально-экономическое явление, влечет за собой ряд определенных последствий, зачастую негативного характера. Для Приморского края они следующие:

1) *Отток за рубеж на постоянное место жительства наиболее образованной части российских граждан (табл. 2).* В середине 90-х гг. комиссия Совета Европы по образованию оценила ежегодный ущерб РФ от выезда с ее территории высококвалифицированных специалистов в 50 млрд долл. США.

В 2012 г. каждый третий приморский эмигрант имел высшее образование, что почти в 2 раза выше соответствующего среднего показателя по краю.

Таблица 2

Численность граждан Приморского края, трудоустроенных за границей (по уровню образования) [2]

	Человек		В % к итогу	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
<i>Всего</i>	11 972	10750	100	100
<i>Из них имеют образование:</i>				
Высшее профессиональное	6 099	4981	50,9	46,3
Среднее профессиональное	3 830	3743	32,0	34,8
Среднее (полное) общее	1 333	2016	11,1	18,8
Не имеют среднего общего (полного) образования	710	10	6,0	0,1

2) *Увеличение притока мигрантов с низким уровнем образования и культуры* становится социальной проблемой. Происходит наводнение русских городов малообразованными иностранцами, которые, в частности,

становятся косвенной причиной нестабильности и способствуют снижению культурного уровня.

3) *Нелегальная миграция.* За 10 месяцев 2013 г. было депортировано свыше 2 тыс. мигрантов, нелегально проживающих на территории Приморского края, в число которых вошли жители Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Китая, Вьетнама и т.д. Одна из причин – отсутствие отработанного законодательного контроля.

4) *Преступность с участием международных мигрантов.* За 2012 год было зарегистрировано 170 преступлений, совершенных иностранцами. Этот показатель вырос на 17,7%, по сравнению с предыдущим годом. Наиболее активными «правонарушителями» стали граждане Китая и Узбекистана. С другой стороны, сами приезжие все чаще становятся жертвами преступлений. В 2012 г. количество преступлений, совершенных по отношению к иностранным гражданам в Приморском крае, выросло на 44%. Было зарегистрировано 85 преступлений в отношении граждан Китая и 25 – в отношении приезжих из Узбекистана [4].

В ноябре 2006 г. после поручения президента В. В. Путина «защитить коренное население страны» правительство приняло постановление «Об установлении допустимой доли иностранных работников в сфере розничной торговли», установившее абсолютный запрет на работу продавцов-мигрантов с 1 апреля 2007 г. Однако данное постановление было разработано без учета особенностей региона. С другой стороны, запрет на торговлю не повлек за собой сокращение численности китайцев за счет переоформления трудовых договоров. Большинство китайских торговцев начала трудиться продавцами в торговых центрах, некоторые на предприятиях оптовой торговли, а остальные на других должностях.

В настоящее время главной задачей краевой миграционной политики является повышение привлекательности региона, приоритетного трудоустройства граждан России, согласование потребности в привлечении иностранных работников. За счет принятых мер, в том числе подготовки и переподготовки безработных граждан и привлечения работников из других субъектов страны, квота на иностранную рабочую силу в крае снизилась на 13% в 2014 г. по отношению к предыдущему году и составит 23,6 тыс. человек.

Переход на патентное право дает иностранцам возможность находиться в России и работать у частных лиц. Патент обязывает мигранта ежемесячно выплачивать определенную сумму (стоимость патента) независимо от того, работает ли человек в данный момент и какую зарплату получает. Деньги идут в региональный бюджет, что позволяет частично компенсировать доступ мигрантов ко многим социальным услугам в России, за которые они в большинстве своем не платят. На уровне регионов его стоимость будет определяться региональными властями и регулироваться исходя из потребности рынка труда в рабочей силе. Регионам можно дополнительно

дать право устанавливать лимиты на привлечение мигрантов и сохранить некоторые ограничения по привлечению гастарбайтеров на крупные и средние предприятия [6].

Особое внимание необходимо уделить созданию востребованных рабочих мест с достойной зарплатой в различных отраслях народного хозяйства края, что в свою очередь позволит максимально обеспечить занятость коренного населения и свести его отток за пределы края до минимума.

Предполагается, что благодаря осуществлению крупных инвестиционных проектов, уже готовящихся к реализации, в Приморье появится около 45 тыс. рабочих мест [7]. Создание новых рабочих мест, а также более разумный подход региональных властей укрепит наметившийся позитивный тренд в урегулировании вопросов миграции.

Среди многих социально-экономических проблем, тесно связанных с вопросами миграции, стоит также проблема демографической ситуации в Приморском крае. В свою очередь, демографическая ситуация затрагивает аспект национальной безопасности страны.

За прошедшие 10 лет численность населения уменьшилась: в РФ на 3,84%; в ДВФО на 19,95%; в Приморском крае – на 15,6% (на 324,6 тыс. человек). По прогнозным данным Примстата, численность населения в крае к 2030 г. значительно сократится (рис. 4, 5).

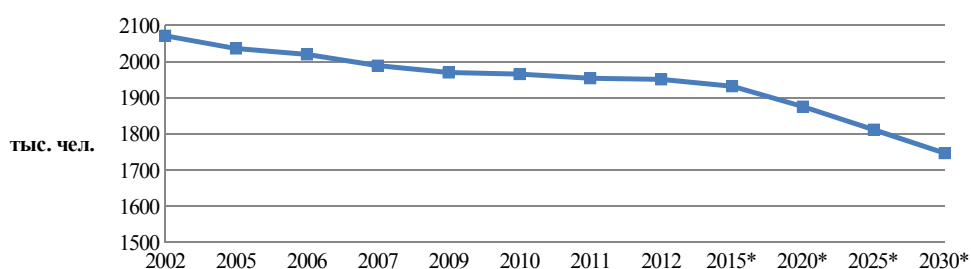


Рис. 4. Численность населения Приморского края в 2004–2030* гг.

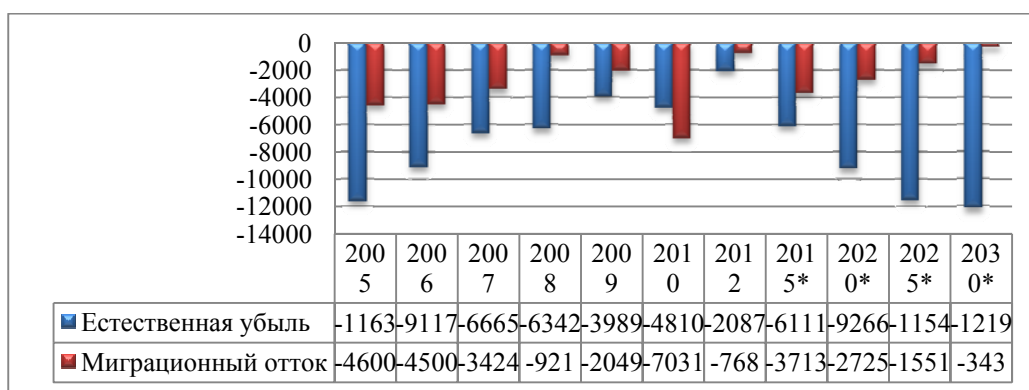


Рис. 5. Компоненты сокращения численности населения Приморского края в 2005–2030* гг., чел.

Основной причиной сокращения населения является его естественная убыль. И хотя уровень миграционного оттока, предположительно, продолжит снижаться и в будущем, вместе с этим естественная убыль населения значительно увеличится. Снижение численности населения в Приморском крае сопровождается уменьшением доли трудоспособного населения (на 1,83% с 2004 по 2011 гг.) и увеличением доли населения старше трудоспособного возраста (+3,7%). В 2012 г. каждый четвертый житель оказался старше трудоспособного возраста. Указанные особенности позволяют отнести Приморский край к территориям с регрессивным типом структуры населения и характеристикой общества как «демографически старое». Согласно прогнозам Примстата, со временем ситуация продолжит только усугубляться. Подобная тенденция присуща стагнирующей территории.

В целом, несмотря на определенные проблемы с мигрантами, для поддержания стабильного развития народнохозяйственного комплекса и обеспечения рабочей силой в условиях сокращения численности населения Приморский край вынужден привлекать рабочую силу из других регионов России, а также трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Но в реальности практически нет надежды на увеличение притока мигрантов из других российских регионов, поскольку в них тоже происходит сокращение численности населения. В этой связи конкурентные преимущества привлечения трудовых ресурсов становятся определяющими условиями формирования миграционных потоков в регионе.

Но вряд ли можно ожидать серьезных успехов в привлечении мигрантов, когда в крае не созданы высокодоходные рабочие места, не строится для этих целей жилье. Даже местное население, особенно молодежь, вынуждено уезжать за пределы края, так как отсутствуют перспективы построить жилье или получить его от муниципалитета. В 2012 г. цена за 1 м² составила 65,8 тыс. руб., поставив Владивосток тем самым на четвертое место среди самых «дорогих» городов, где первые позиции заняли Москва, Санкт-Петербург и Сочи [2].

Другим фактором, влияющим на отток населения из региона, является низкий уровень доходов при увеличивающихся ценах на потребительские товары. Ко всему стоит добавить тяжёлый климат, высокий уровень криминализации власти и бизнеса, отпугивающий иностранных инвесторов. В этих условиях основной приток трудовых ресурсов края – неприяательные выходцы из Средней Азии. Поэтому решение миграционных проблем Приморья, стратегически важного региона России, следует начинать с создания необходимых социально-экономических условий для местного населения, а также для мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства.

В ноябре 2012 г. президентом В. Путиным была утверждена «Концепция государственной миграционной политики до 2025 г.», в которой, в том числе, планируется не только удержать население на Дальнем Востоке, но

и увеличить миграционный приток в регион. С одной стороны, концепция предусматривает ужесточение наказания за нарушение миграционного законодательства, а, с другой, – ставит задачу создать привлекательный для мигрантов образ России, которые смогут быстрее найти свое место в российском обществе, получить сначала временную регистрацию, а потом вид на жительство и гражданство [1].

Для изучения миграционных настроений в молодежной среде в 2013 г. был проведен опрос среди студентов Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). Согласно данным исследования, миграционные настроения среди молодежи предельно высоки. По получению диплома 29,4% опрошенных собираются покинуть Приморский край, 28% еще не определились с ответом и только 42,6% планируют остаться. 64% респондентов не удовлетворены Приморским краем как местом своего жительства.

Особое внимание стоит уделить и тому факту, что 70% студентов, выразивших желание уехать, хотели бы жить и работать за границей, а всего 30% рассматривают другие, в основном центральные регионы России.

Студенты, желающие эмигрировать из Приморского края, среди ключевых причин называют: низкую оплату труда – 10%, высокие цены на жилье – 10%, отсутствие перспектив 9,1%, плохую инфраструктуру – 8,6%, состояние экологии в городе – 6,2% (рис. 6).



Рис. 6. Факторы, определяющие миграцию студентов в 2013 г., %

Желаемая заработная плата, которая способна удовлетворить большинство опрошенных, заметно превышает средний показатель по краю. Очевидно, что материальные ожидания студентов не могут быть полностью удовлетворены в Приморском крае.

По результатам опроса, среди мер, которые могли бы повлиять на сокращение оттока молодых специалистов, главными стали – существенное

повышение заработной платы, обеспечение жильем и гарантия трудоустройства (рис. 7).

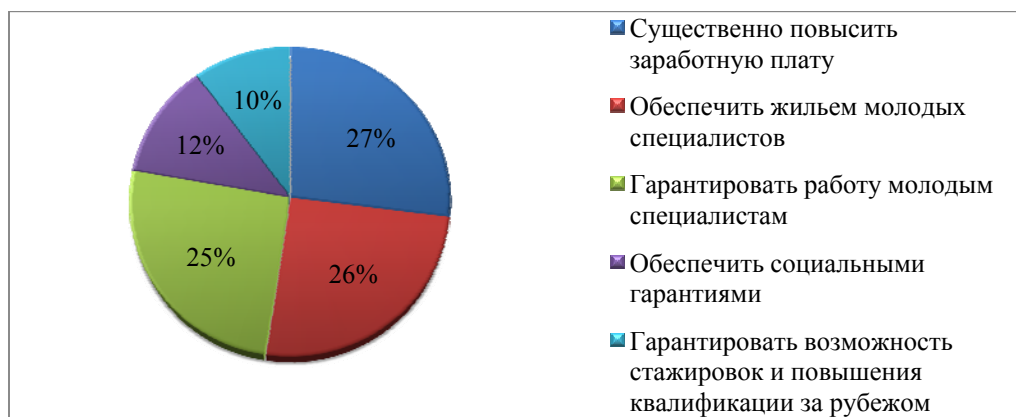


Рис. 7. Меры, способствующие снижению миграционных настроений

Принимая во внимание близость стран АТР и увеличение доступности зарубежных поездок в течение последних лет, наличие повышенного уровня миграционных настроений среди молодежи может представлять значительную угрозу оттока молодых специалистов из края. Среди стран дальнего зарубежья, куда захотели уехать 70% настроенных на миграцию студентов, называли страны Европы, Канаду, Новую Зеландию, Корею, часто отмечали КНР. Эмиграция за рубеж и миграция в центральные регионы РФ наиболее перспективной части населения края способна нанести ощутимый урон экономике края.

Сложность и неоднозначность демографической ситуации, существующей в Приморском крае, требует деликатного и продуманного подхода к ее решению. Следовать какому-либо одному пути решения представляется неверным и потенциально опасным. Нужно в равных мерах уделить внимание и стимулированию рождаемости, и улучшению социально-экономических показателей для привлечения в край и закрепления населения – как из других регионов РФ, так и трудовых мигрантов из-за рубежа. Не стоит забывать и о том, что мигранты, насколько долго они бы ни находились в Приморском крае, должны гармонично вписаться в его общество, следовать его законам и быть уверенными в собственной безопасности.

Для того, чтобы прервать сложившиеся негативные тенденции и сделать миграцию инструментом роста населения в крае, нужно предпринять следующие меры:

– Способствовать формированию высокого качества и уровня жизни, чего можно достичь, по словам президента, благодаря улучшению медицинской помощи, решению жилищных проблем, созданию новых рабочих мест и дополнительных пособий при рождении третьего ребенка.

– Компенсировать фактор территориальной и экономической удаленности от центра страны за счет стоимости проезда к местам отдыха, лечения, учебы.

– Обеспечить комфортные условия проживания, которые должны выражаться не только в уровне доходов населения, но и развитости социальных отраслей. Теоретически, качество и доступность услуг должны превышать среднероссийский уровень как компенсация неблагоприятных природных, климатических и географических условий проживания.

– Продолжить и развить систему адаптации мигрантов в обществе. Создать такие условия, чтобы изучение русского языка, культуры и норм поведения стало обязанностью не только для тех иммигрантов, которые планируют стать гражданами Приморского края, но и тех, кто собирается работать лишь временно. Потенциально улучшение социально-экономической привлекательности края должно положительно сказаться на качественном составе мигрантов.

– Усилить меры регулирования миграционных потоков и значительно ужесточить наказание за нелегальную миграцию.

Хотя высокие миграционные настроения среди молодых специалистов вызваны, прежде всего, социально-экономическими факторами, это совсем не умаляет значимость других аспектов. Социальные гарантии, уровень жизни, отсутствие перспектив карьерного роста, экологическая обстановка, а также бюрократия и отношение властных структур к гражданам стали теми факторами, которые тревожат молодежь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025: утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.
2. Деловая жизнь: средняя цена квадратного метра жилья в 2012 г. по регионам России // [Электронный ресурс]. – URL: <http://bs-life.ru/domashnyaya-economica/kwartira/stoimost-ziliya2012.html>.
3. Миграция населения Приморского края в 2012 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://primstat.gks.ru/> (дата обращения: 2013).
4. Преступления, совершенные иностранцами на территории Приморского края // [Электронный ресурс]. – URL: <http://primamedia.ru/news/primorye/19.10.2012/234739/bolee-170-prestupleniy-sovershili-inostrannie-grazhdane-na-territorii-primorya-v-2.html> (дата обращения: 25.12.2012).
5. Прогноз численности населения Приморского края от базы на начало 2009 г. // [Электронный ресурс]. – URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/871ced004cc813a48325e71cb077b59e/5_osn1.htm.
6. Патент для мигранта [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.rg.ru/2013/12/20/migranty.html> (дата обращения: 20.12.2013).

7. Реализация инвестиционных проектов в Приморском крае [Электронный ресурс]. – URL: <http://primamedia.ru/news/economics/06.12.2013/320611/esche-45-tisyach-novich-rabochih-mest-budet-sozdano-v-primore.html> (дата обращения: 6.12.2013).

8. Социально-экономическое положение Приморского края // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.primstat.ru:81/bgd/DOKL2205/main.htm>.

REFERENCES

1. The concept of the state migration policy in the Russian Federation for the period up to 2025: approved by the President of the RF on 13 June 2012.

2. Business life: average price for a sq. meter in regions of Russia // [electron resource]. – URL: <http://bs-life.ru/domashnyaya-economica/kwartira/stoimost-ziliya2012.html>.

3. Population migration on the territory of the Primorski krai in 2012 // URL: [electron resource].<http://primstat.gks.ru/> (дата обращения: 2013).

4. Crimes committed by foreigners on the territory of the Primorsky krai. [Electron resource]. – URL: <http://primamedia.ru/news/primorye/19.10.2012/234739/bolee-170-prestupleniy-sovershili-inostrannie-grazhdane-na-territorii-primorya-v-2.html> (date of addressing: 25.12.2012).

5. Forecast of the number of population In Primorye in the beginning of 2009. [Electron resource]. – URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/871ced004cc813a48325e71cb077b59e/5_osn1.htm.

6. Patent for a migrant [Electron resource]. – URL: <http://m.rg.ru/2013/12/20/migranty.html> [The date of addressing 20.12.2013].

7. Realization of investment projects in the primorski krai. – URL: <http://primamedia.ru/news/economics/06.12.2013/320611/esche-45-tisyach-novich-rabochih-mest-budet-sozdano-v-primore.html> (date of addressing: 6.12.2013).

8. Social-economic position of the Primorski krai [Electro0nic resource]. – URL: <http://www.primstat.ru:81/bgd/DOKL2205/main.htm>.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF ECONOMY

Жариков Евгений Прокофьевич – доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая экономика» Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

Жариков Виктор Евгеньевич – заместитель директора ООО «Строительные технологии», г. Владивосток. E-mail: Strrout@bk.ru

ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА – ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Одной из проблем экономики СССР была проблема согласования отраслевых и территориальных планов развития. Эта проблема решена не была. Важной составляющей проблемы была задача, связанная с пространственной организацией производства.

В статье рассматривается эволюция решения проблемы организации производства, состоящего из пространственно разобщенных предприятий одной технологической цепи. В России в историческом плане развитие форм организации предприятий промышленности претерпело три этапа, образовавших цикл. Он рассматривается в статье на примере цветной металлургии.

Первый этап (до революции 1917 г.) – основной формой развития были мануфактурное производство и фабрики, базировавшиеся на государственно-частном партнерстве. Главной составляющей такого партнерства было то, что государство в лице правительства содействовало развитию горной металлургии российскими и зарубежными промышленниками путем выдачи им разрешений (монопольного права) на поиск, разработку рудных месторождений и строительство металлургических заводов. Поэтому продукт производился под единым руководством. То есть реализовывалась цепочка, по организации напоминающая современные вертикально-интегрированные структуры, связывающая: **рудник – обогащение – завод по выплавке металла – предприятие по обработке металлов.**

Переходным звеном реализации государственно-частного партнерства была организация в 1921 г. трестов. В результате единого управления в тресте объединялись: сбыт, производство и финансы предприятий, входящих в него. Но в 1930 г. они были ликвидированы.

Второй этап (советский период) – основной формой развития производственных структур стали отдельные предприятия, затем объединения (комбинаты), которые базировались на государственной собственности. Тотальное планирование привело к отсутствию необходимости единого управления. В результате цепочка, с точки зрения единого собственника и управления: **рудник – обогащение – выплавка металла**, оказалась разорванной. Роль посредников выполняли: Государственный плановый комитет Совета Министров СССР и государственный комитет цен при Совете Министров СССР, осуществлявший политику установления цен. Сильно ограниченная самостоятельность предприятий привела к снижению их эффективности.

Третий этап связан с переходом в 90-е годы на рыночные отношения. Произошло возвращение к вертикально-интегрированным структурам на основе государственно-частного партнерства. Оно позволяет собственнику и предпринимателю быть в одном лице.

Таким образом, вертикально-интегрированные структуры на основе государственно-частного партнерства решают проблему эффективности производства при пространственном размещении входящих в него предприятий.

В заключение исследуются возможности организации вертикально-интегрированных структур для цветной металлургии Приморского края.

Ключевые слова: комбинат, отрасль, территория, вертикально-интегрированные структуры, государственно-частное партнерство, цветная металлургия.

Evgeniy P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economic Relations, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

Victor E. Zharikov, Deputy Director of Building Technologies, ltd. Vladivostok. E-mail: Strrout@bk.ru

VERTICALLY INTEGRATED STRUCTURES: CASE STUDY OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP AS INSTRUMENT OF PRODUCTION LOCATION

Coordination of industrial and territorial development plans was a problem of the USSR economic system, which was never solved. The problem was mostly related to the efficient location of production.

The article is devoted to the evolution in addressing the problem of organizing the production processes that consist of spatially-dispersed enterprises of the same technological chain. Russian history has had three stages of developing the forms of industrial enterprises: these stages make a cycle, which has been analyzed in the article on the example of non-ferrous metallurgy.

The first (before the revolution of 1917) – manufacturing system and factories based on public-private partnership was the major form of industrial development. The main component of this partnership was that the state represented by the government contributed to the development of mining and metallurgy of Russian and foreign manufacturers by issuing permissions (exclusive rights) for prospecting, development of ore deposits and construction of metallurgical plants. Therefore, the product was manufactured under the unified leadership that involved a market chain similar to modern vertically integrated structures connecting: an ore mine – an ore dressing facility – a smelting plant – a metal-processing enterprise.

Organization of trusts in 1921 became a transitional link in the implementation of public-private partnership. Trusts incorporated sales, production and finances of the enterprises that became part of it. However, in 1930 trusts were liquidated.

The second stage (the Soviet period) – brought separate enterprises and, later, combined enterprises owned by state. Total planning system made the system of unified management unnecessary, and disrupted the chain where owners and managers were the same (**a mine – an ore-dressing facility - a smelting plant**). The role of intermediaries was fulfilled by the State Planning Committee of the USSR Council of Ministers and the State Pricing Committee of the USSR Council of Ministers that controlled the prices. Dramatically restricted independence of enterprises decreased their efficiency.

The third stage involves transition to market relations in the 90s when the system returned to vertically integrated structures based on state-private partnership. It allows combining the owner and the entrepreneur in one person.

Thus, vertically integrated structure based on state-private partnership can solve the problem of production efficiency in the spatial distribution of enterprises.

The authors of the article have also explored the possibilities of vertically integrated structures for the ferrous metallurgy of the Primorsky territory.

Key words: complex, industry, territory, vertically-integrated structures, public-private partnership, non-ferrous metallurgy.

Основным инструментом адаптации к изменчивым глобальным процессам в решении структурных проблем, по опыту развитых стран, является промышленная политика как система мер прямого и косвенного регулирования развития промышленности, нацеленная на устранение возникающих препятствий, которые не могут быть преодолены в естественных условиях рынка, и быстрое развитие процессов интеграции производства и централизации капитала.

Современная промышленная политика в экономических моделях зарубежных стран характеризуется отсутствием жестких отраслевых приоритетов и высокодифференцированной структурой бизнеса, обусловленных, в

том числе, формированием корпоративных структур на принципах государственно-частного партнерства.

Для определенности, в качестве примера, реализации эффективной промышленной политики и ее трансформации во времени будем использовать реалии ее реализации на цветной металлургии.

Согласно мировому опыту, в цветной металлургии наиболее эффективна интеграция по вертикальному технологическому принципу (комбинирование), когда компания представляет собой структуру, объединяющую совокупность предприятий, представляющих единую последовательную технологическую цепочку и созданную для оптимизации и контроля над всем циклом производственного процесса: добыча сырья, его транспортировка, переработка и продажа.

В России в историческом плане развитие форм организации предприятий промышленности претерпело три этапа, образовавших цикл.

Первый (до революции 1917 г.) – основной формой развития были мануфактурное производство и фабрики, базировавшиеся на государственно-частном партнерстве.

Государство в лице правительства содействовало развитию горной металлургии российскими и зарубежными промышленниками путем:

- выдачи разрешений (монопольного права) на поиск, разработку рудных месторождений и строительство металлургических заводов;
- выделения частным предпринимателям на компенсационной основе (в виде натурального налога) средств на постройку промышленных объектов;
- наделения соответствующими участками земли;
- прикрепления крестьян в качестве рабочей силы;
- освобождения от уплаты налогов на 10 лет.

В качестве компенсации государство:

- забирало у частных предприятий от 10 до 20 % выплавки в виде натурального налога на производство;
- выкупало от 50 % до 70 % продуктов выплавки по твердой государственной цене.

Таким образом, структура организации металлургического производства формировалась по принципу государственно-частного партнерства под единым руководством и включала, как минимум, три элемента: рудник – обогащение – выплавка металла.

Формой организации в историческом плане таких структур в промышленности стали первоначально мануфактуры. Они привлекали тем, что в одной мастерской объединялись ремесленники различных специальностей, благодаря чему продукт, вплоть до его окончательного изготовления, производился в одном месте, т.е. реализовывалась цепочка, по организации напоминающая современные вертикально-интегрированные структуры, связывающая:

рудник – обогащение – завод по выплавке металла – предприятие по обработке металлов.

Более эффективной формой реализации такой схемы стало упразднение крепостничества и переход к машинной комплексной структуре производства – фабричной системе, представлявшей собой более совершенную экономическую форму.

Как переходное звено, формой организации с 1921 г. до 1930 г. промышленного производства (времена НЭП) были тресты, которые являлись одной из основных форм монополий, представляющих собою *объединение* предпринимателей, при котором входящие в него предприятия подчиняются единому управлению и *полностью* теряют свою производственную, коммерческую и юридическую *самостоятельность*. Реальная власть в тресте сосредоточивается в руках правления или головной компании. Наиболее широко были распространены в XIX веке.

В СССР тресты появились в связи с НЭП. Декретом ВЦИК и СНК трест был определен как государственное промышленное предприятие одной отрасли, которому предоставлялась самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для них уставу и который действует на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли [1]. «Положение о государственных промышленных трестах» от 29 июня 1927 г. значительно расширило хозяйственную самостоятельность трестов.

В результате единого управления в тресте объединялись: сбыт, производство и финансы предприятий, входящих в него. Более высокая концентрация треста позволяла ему повысить конкурентоспособность и, соответственно, вела к увеличению прибыли. Но уже в 1929 г., в результате изменения системы управления промышленностью, функции треста были ограничены, а к концу 1930 г. они были ликвидированы.

Второй этап (советский период) – основной формой развития производственных структур стали отдельные предприятия, затем объединения (комбинаты), которые базировались на государственной собственности. Была отменена частная собственность, как таковое предпринимательство, и введена жесткая централизация управления экономикой страны, в том числе и развитием цветной металлургии. Тотальное планирование привело к отсутствию необходимости единого управления при многоэтапной структуре производственного процесса, особенно, когда предприятия, даже естественно связанные единым технологическим процессом, были территориально разобщены.

Частно-государственное партнерство как форма взаимодействия бизнеса и государства было ликвидировано. Комбинаты не реализовывали принцип вертикально-интегрированных структур. В дальнейшем это привело к одной из важнейших, но так и нерешенных проблем в советской экономике – согласованию отраслевых и территориальных планов развития.

В результате указанная ранее цепочка, с точки зрения единого собственника и управления: **рудник – обогащение – выплавка металла**, оказалась разорванной. Подсистема «рудник – обогащение» стала взаимодействовать с подсистемой «выплавка металла» не по вертикали в рамках единого предприятия, а опосредовано, по горизонтали. Роль посредников выполняли: Госплан (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР) – государственный орган, осуществлявший общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР и контроль выполнения народнохозяйственных планов; Государственный комитет цен при Совете Министров СССР, осуществлявший политику установления цен, в значительной мере основывающуюся на принципе возмещения индивидуальных затрат предприятиям. Такой подход, с одной стороны, позволял предприятиям получать прибыль, не зависящую от эффективности хозяйствования; с другой стороны, система цен формировалась без учета мнения потребителей, в значительной мере в отрыве от уровня мировых цен, не учитывала экономические интересы страны в эффективном использовании международного разделения труда.

В рамках системы, сильно ограниченной в самостоятельности дифференцированных предприятий, эффективность их снижалась, что требовало модернизации форм их организации.

Следует отметить, что проблемы интеграции в промышленной политике понимались руководством страны и постепенно находили решение. В первую очередь они претворялись в жизнь путем создания отдельных производственных объединений (комбинатов), которые представляли собой единый производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входили фабрики, заводы, научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации и другие производственные единицы. Они по закону не являлись в составе производственного объединения (комбината) юридическими лицами. По положению производственное объединение (комбинат) являлся основным (первичным) звеном промышленности, его деятельность строилась на сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой самого объединения. В распоряжении производственного объединения (комбината) находилось государственное имущество, его деятельность осуществлялась под руководством вышестоящего органа в соответствии с планом экономического и социального развития, на основе хозяйственного расчета.

Важным шагом был переход к формированию производственных (научно-производственных) объединений (комбинатов), которые стали основным звеном промышленности на основе сочетания централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой самого объединения. В СССР научно-производственные объединения появились в 1967 г.

Создание научно-производственных объединений позволило улучшить руководство процессом соединения науки и производства, максимально

сократить длительность цикла от исследования до серийного производства новой техники. В объединениях была ликвидирована организационная разобщённость различных стадий процесса разработки и освоения производства новой техники и была обеспечена непрерывность научно-технического прогресса.

Это, безусловно, был прогрессивный шаг. Но он затронул (интегрировал) лишь научно-производственную цепочку и, практически, не затронул вопросы интеграции предприятий внутри чисто производственных взаимодействий. В дальнейшем, с переходом в 1992 г. к рыночным (предпринимательским, как в царской России) отношениям, это породило еще одну проблему – множество хозяев с равными отношениями в русле взаимосвязанного технологического процесса.

Третий этап – возвращение к вертикально-интегрированным структурам на основе государственно-частного партнерства, которое позволяет собственнику и предпринимателю быть в одном лице. Таким образом, в настоящее время одним из инструментов реализации современной промышленной политики является формирование конкурентоспособного индустриального комплекса в результате становления нового типа отраслевой структуры промышленности, характеризующейся новыми организационно-правовыми формами экономической деятельности: созданием крупных промышленно-производственных комплексов, финансово-промышленных групп, концернов, консорциумов и т.д., то есть – формированием интегрированных корпоративных структур. Следовательно, в промышленной политике осуществлен цикл, произошло возвращение к частно-государственному партнерству, но уже на более высоком уровне организации.

Из сущности рассмотренных составляющих промышленной политики следует, что промышленность как система проходит определенные стадии жизненного цикла, а промышленная политика на разных этапах функционирования и развития отрасли реализует специфические цели с позиции формирования ее структуры. А это означает, что в условиях циклически развивающейся экономики на разных этапах, в том числе связанных с изменением общественно-экономических формаций, промышленная политика должна содействовать формированию нового типа структуры промышленности. В зависимости от этапа развития промышленная политика обеспечивает либо поддержку сложившейся структуры промышленности, либо формирование структуры нового типа, что уже нашло отражение в работах по данному направлению, в частности, в работе А. Гребенкина [2].

Формы организации промышленных предприятий, в частности, в цветной металлургии России, менялись в историческом плане в зависимости от главенствующей роли государства в вопросах централизации и децентрализации экономики и определенных полномочий. любая формально объединенная структура из предприятий (подсистем) характеризуется

переплетающимися, неравнозначными по силе связями как между подсистемами одного и того же уровня (горизонтальные связи), так и между подсистемами разных уровней (вертикальные связи). Вертикальные и горизонтальные связи взаимообусловлены. Сила и устойчивость вертикальных связей зависит от силы горизонтальных связей и наоборот. Процесс взаимосвязи между вертикально расположенными подсистемами основывается на приоритете действий и целей подсистем нижнего уровня и зависимости действий этих подсистем от фактического исполнения нижними уровнями своих функций [3]. Чем сильнее вертикальные связи, т.е. «чем большее число решений должно приниматься системами верхних иерархических уровней или согласовываться с ними, тем больше степень централизации. Напротив, усиление горизонтальных связей означает предоставление системам большей самостоятельности, т.е. снижение степени централизации» [4].

Усложнение производственных структур развивается под влиянием объективных закономерностей дифференциации и интеграции производства, углубления общественного разделения труда: концентрации, специализации, комбинирования и кооперации. Концентрация и специализация повышают производительную силу общественного труда: специализация порождает рост концентрации производства, в то же время концентрированные производства специализируются. Таким образом, специализация, концентрация, комбинирование, кооперация являются объективными системообразующими факторами, формирующими реальные производственные структуры. Под их воздействием происходит обособление отдельных производственных объектов.

С позиции формирования интегрированных структур, кооперирование лишь с большой натяжкой может быть отнесено к такого рода системообразующим факторам. По определению, кооперирование – это форма длительных производственных связей между специализированными самостоятельными по отношению друг к другу предприятиями, совместно изготавливающими тот или иной продукт. Одна из форм кооперирования – технологическая форма, например, поставки заготовок (литья, штамповки и т.п.).

Более эффективной формой организации производства является комбинирование – технологическое сочетание разнородных взаимосвязанных производств в одной или разных отраслях промышленности в рамках одного предприятия. При вертикальном комбинировании в составе одной производственной структуры происходит объединение последовательных стадий производства (например, добыча и переработка исходного сырья); при горизонтальном – объединение предприятий на основании комплексного использования сырья (одно и то же сырье может находиться в производстве одновременно на нескольких предприятиях). Следовательно, комбинирование – это объединение на одном предприятии нескольких экономически и

технологически связанных между собой производств различных отраслей. Другими словами, комбинирование – это кооперирование специализированных производств в рамках одного предприятия.

Комбинирование производства обуславливает получение дополнительного экономического эффекта за счет рациональной организации производства, комплексного, наиболее полного использования сырья, сокращения производственного цикла и других факторов. Территориальное и организационное единство комбинированного предприятия позволяет значительно сократить затраты на производственные сооружения по сравнению с группой не связанных между собой предприятий. Дополнительно появляется возможность сбалансированности числа вспомогательных и обслуживающих подразделений, сокращения различных коммуникаций (теплотрасс, кабельных линий и т.п.). Итог – снижение себестоимости изготавливаемой продукции и повышение эффективности производства.

В основе образования различного рода современных объединений, корпораций лежат процессы корпорирования – установления длительных связей между хозяйственными системами. Корпорирование, в отличие от кооперирования, не всегда имеет в основе совместную производственную деятельность [5]. Однако через корпорирование возможен переход к объединению хозяйственных систем, базу консолидации которого составляют экономические мотивы и интересы. К ним относятся такие факторы, как: объединение обязательств, общая ответственность и т.д., которые, по сути, в долгосрочных экономических отношениях обуславливают проявление интеграционных процессов. Классификация таких процессов определяется сферой деятельности. В частности, выделяют организационную, технологическую и другие виды, определяющие основу интеграции. Тип таких интегральных структур многообразен: горизонтальные структуры, вертикальные, комбинированные и т.д.

Анализ литературных источников показывает, что в настоящее время уже достаточно выявлены и сформулированы многочисленные причины, обуславливающие формирование корпораций на основе интеграции предприятий, основными из которых являются следующие:

- 1) получение дополнительных выгод за счет реструктуризации предприятий в виде слияний и поглощений. Возможность получения дополнительного эффекта возникает благодаря экономии, обусловленной масштабами деятельности, комбинированием взаимодополняющих ресурсов, минимизацией транзакционных издержек, возросшей рыночной мощью из-за снижения конкуренции, взаимодополняемостью в области научных исследований и конструкторских разработок;

- 2) повышение качества управления и его эффективности. Интеграция компании по вертикали дает возможность ей обезопасить себя от сбоев в поставках сырья, материалов, отслеживать изменения внутрен-

них цен, а также лучше контролировать увязку всех звеньев технологической цепи.

3) рост капитализированной стоимости интегрированных компаний;

4) минимизация издержек за счет экономической координации внутри фирмы с помощью административной системы управления, которая лежит не только в основе появления компании, но и в основе ее роста;

5) глобализация мировой экономики, так как по мере ее взаимозависимости возрастает межгосударственная и межфирменная конкурентная борьба за экономические ресурсы и рынки сбыта.

Особенностью современного этапа развития транснациональных корпораций является также не только обострение конкуренции между ними, но и возникновение взаимных отношений сотрудничества, которые свойственны предприятиям разных государств, а не только предприятиям национальных экономик. В рамках этих формирований компании могут решать самые разнообразные задачи, встающие перед ними на всем мировом рынке. Мотив их образования – также частно-государственное партнерство, только в мировом масштабе (без границ).

Мировой опыт свидетельствует, что в цветной металлургии наиболее эффективна интеграция по вертикальному технологическому принципу (комбинирование). В этом случае вертикально интегрированная компания представляет собой структуру, объединяющую совокупность предприятий, представляющих единую последовательную технологическую цепочку и созданную для оптимизации и контроля над всем циклом производственного процесса: добыча сырья, его транспортировка, переработка и продажа.

В вертикально-интегрированной компании эффективность обеспечивается за счет снижения сквозных удельных затрат на производство конечной продукции (как правило, при формировании структур, объединяющих предприятия от добычи сырья до выпуска продукции третьего и четвертого переделов) и экономии издержек, связанных с использованием сторонних подрядчиков, посредников и т.д.

Преломление теоретических посылок в практическую плоскость рассматривалось на примере реорганизации цветной металлургии Приморского края.

Исторически цветная металлургия Приморского края формировалась как отрасль специализации региона, основной задачей которой была поставка народному хозяйству России свинца, цинка, олова, вольфрама, плавикового шпата и других металлов. Отрасль ограничивалась в основном добычей и первичной переработкой, выплавка большинства готовой продукции осуществлялась на заводах центральной России и Средней Азии.

За годы реформ цветная металлургия претерпела существенные изменения в русле перехода к рыночным отношениям. Хотя доля цветной металлургии в объеме промышленного производства Приморского края невелика (согласно данным Росстата, около 4 %), но ее значимость определяет

ся не столько общим объемом производства, сколько градообразующим базисом ведущих предприятий отрасли, обеспеченных на долгие годы продуктивной сырьевой базой. Поэтому, несмотря на все изменения, произошедшие в структуре отрасли, как в целом в ДВФО, так и в крае, цветная металлургия – одна из важнейших отраслей экономики региона, активно участвующая во внешнеэкономической деятельности.

Предприятия цветной металлургии края обеспечивают добычу практически всех оловянных, вольфрамовых и свинцово-цинковых руд в стране. Их состав, в том числе и с предложениями по их реорганизации, приведен в таблице 1. Производство основных видов цветных металлов в целом остается стабильным: небольшие спады сменяются незначительными подъемами.

Таблица 1

**Производственная структура предприятий цветной металлургии
Приморского края**

Предприятие	Рудники по добыче	Обога- титель- ная фаб- рика	Существующие заводы по плавке металла		Перспектива строительства в Приморском крае
			в Примор- ском крае	в России	
ОАО «Даль- полиметалл»	полиметал- лических руд. Основные: свинцовые	+	+	Нет (свинец по- лучают из вторсырья)	+
	цинковые	+	нет	«Электро- цинк» и др.	нет
ОАО «Примор- ский ГОК»	вольфрамо- вой руды	+	нет	Нальчик, Кабардино- Балкария	+, в отдаленной перспективе
Лермонтов- ская горно- рудная ком- пания	вольфрамо- вой руды	+	нет	-//-/-	-//-/-
Ярослав- ский ГОК	плавико- шпатовых руд, вре- менно оста- новлены	+	нет	ЗабГОК	нет
Хрусталь- ненский ГОК	закрыты	Производство законсервировано на неопределенный срок			

Таким образом, формально в цветной металлургии Приморского края имеется двухуровневая вертикальная производственная структура, причем состав входящих в нее предприятий практически одинаков.

Анализ перспектив развития отрасли показывает, что усложнение производственной структуры за счет строительства (модернизации) заводов по выплавке металлов наиболее реалистичен для ОАО «Дальполиметалл» (табл. 1).

Расчеты по оценке синергетического эффекта на основе функции Кобба-Дугласа

$$Y = 172,63 \cdot K^{-0,6233} \cdot L^{0,6934} \cdot e^{0,0409t}$$

показали, что в случае реализации проекта создания холдинга с тремя или четырьмя предприятиями можно ожидать, что за счет повышения системности синергетика обеспечит минимально рост конечных результатов хозяйственно-производственной деятельности на 4,6 % при строительстве плавильного завода, а при добавлении производства по обработке металлов – минимум до 5,1 % [6].

Следовательно, ориентация на политику вертикальной интеграции в цветной металлургии Приморья с диверсификацией производства, строительством металлургических заводов и кооперацией с предприятиями других подотраслей может стать основой устойчивого развития горнорудной промышленности региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История появления трестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Forexaw.com»TERMs/Economic_terms_and...Трест_Trust...
2. Гребенкин, А. В. Трансгрессивный подход к региональной промышленной политике : науч. докл. / А. В. Гребенкин. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2007. – 30 с.
3. Месарович, М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М. : Мир, 1973. – 344 с.
4. Методы и модели согласования иерархических решений. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1979. – 240 с.
5. Точёная, Т. И. Основы и современные формы региональной промышленной политики / Т. И. Точёная. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 180 с.
6. Жариков, Е. П. Системные эффекты в корпоративных структурах и их измерение / Е. П. Жариков, В. Е. Жариков. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – 104 с.

REFERENCES

1. *Istoriya poyavleniya trestov* [The story of trusts]. Available at: Forexaw.com»TERMs/Economic_terms_and...Трест_Trust... (accessed 17July 2014).

2. Grebenkin A. V. *Transgressivnyi podkhod k regional'noi promyshlennoi politike* [Transgressively approach to regional industrial policy. Sci. report.]. – Yekaterinburg, 2007. 30 p.

3. Mesarovich M., Mako D., Takahara I. *Teoriya ierarkhicheskikh mnogourovnevnykh sistem* [Theory of hierarchical multilevel systems]. Moscow: Mir Publ., 1973. 344 p.

4. *Metody i modeli soglasovaniya ierarkhicheskikh reshenii* [Methods and models of hierarchical coordination of decisions]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. 240 p.

5. Tochenaya T. I. *Osnovy i sovremennye formy regional'noi promyshlennoi politiki* [Fundamentals and modern forms of regional industrial policy]. Volgograd: Volgograd. St. Univ. Publ., 2005. 180 p.

6. Zharikov E. P., Zharikov V. E. *Sistemnye efekty v korporativnykh sirukturakh i ikh izmerenie* [Systemic effects in corporate structures and their measurement]. Vladivostok: Far Eastern Fed. Univ. Publ., 2012. 104 p.

Владимиров Сергей Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры общего менеджмента и логистики Северо-Западного института управления, филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте России, г. Санкт-Петербург. E-mail: ideal_ideal@mail.ru

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Численные показатели уровня и темпов экономического и социального развития являются важнейшими для оценки эффективности проводимой в стране экономической политики, последующих её изменений, управления общественным развитием в целом. Наиболее распространенная среди экономистов модель П. Самуэльсона выводит якобы прямые связи между большими объемами накоплений и соответствующим уровнем потребления, экономические законы возрастания дополнительных затрат, убывающих эффективности и производительности/доходности, экономии на масштабе производства и др. Динамика современных развивающихся и развитых экономик зачастую противоречит этой модели экономического выбора.

В авторской модели, близкой интерпретации к «эконофизическому» направлению в современной экономической теории (циклу Карно в термодинамике), полученная экономической системой конкретная сумма государственных расходов и инвестиций всегда может привести в идеальном случае («нулевых потерь» максимально возможных общественных эффек-

тивности государственных расходов и инвестиций) к максимально возможному темпу экономического роста.

Результатом разработанной модели сбалансированной открытой экономики является преодоление барьера мнимого отсутствия в экономической системе количественных констант, так разительно отличающих ее от физических систем (при полном осознании автором её ограничений: несводимости общественного прогресса, развития человека к увеличению денежных доходов или к приумножению материального богатства, темпов экономического роста).

Предложенная макроэкономическая модель – после внедрения её в процесс подготовки, согласования, утверждения и анализа исполнения бюджета соответствующими государственными органами – позволит, на наш взгляд «зряче», а не вслепую научно обосновывать и жестко контролировать эффективность направлений макроэкономического развития.

Ключевые слова: модель П. Самуэльсона, эффективность, макроэкономика, качество, политика, государство, налоги.

Sergey A. Vladimirov, Doctor of Economics, Professor of General Management and Logistics North-West Management Institute, a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg. E-mail: ideal_ideal@mail.ru

ON BASIC TRENDS IN INCREASING THE EFFICIENCY AND QUALITY OF MACROECONOMIC POLICY

Numerical indicators of the level and pace of economic and social development are essential for assessing the effectiveness of the country's economic policy, its subsequent changes, and development of the society as a whole. The Paul Samuelson model, which is most popular with economists, displays a direct connection between the allegedly large amounts of savings and the related level of consumption, the economic laws of increasing additional costs, decreasing the efficiency and productivity / profitability, and cost-cutting on the production scale, etc. Evolution of modern developing and developed economies often contradicts this model of economic choice.

In the author's model, which is similar to the interpretation of «econo-physical» trend in the modern economic theory (the Carnot cycle in thermodynamics), the specific amount of public spending and investment obtained by the economic system can always lead to the maximum possible rate of economic growth in the ideal scenario («zero waste» of the greatest possible social efficiency of public spending and investment).

The author's model of a balanced open economy can lead to overcoming of an imaginary barrier of insufficiency in the economic system of quantitative con-

stants, which strikingly distinguishes it from physical systems (with full awareness of its limitations: the irreducibility of social progress and human striving for increased incomes and material wealth, the pace of economic growth).

Holistic macroeconomic model proposed above, after its introduction in the process of preparation, coordination, approval and implementation of the budget analysis by the relevant authorities, would provide for a scientifically based foundation and control over the efficiency of macroeconomic development trends.

Keywords: P. Samuelson's model, efficiency, macroeconomics, quality, policy, state, taxes.

1 Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость

Общественное развитие находит свое конкретное выражение в статистических (в том числе макроэкономических) показателях, без установления и измерения численных значений которых невозможно управление. Устойчивое развитие, без разрушения в течение неограниченно длительного периода времени единой системы «природа – человек», не должно ставить под сомнение способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Такое развитие определяется тремя переменными: а) эффективностью экономики, б) экологической стабильностью, в) социальной справедливостью [1].

Показатели уровня и темпов экономического и социального развития, в частности показатели уровня жизни, являются важнейшими для оценки эффективности проводимой в стране экономической политики и, в конечном счете, существующего в ней общественного строя. В то же время, высокие темпы экономического развития не всегда являются критерием соответствующего роста уровня жизни населения. Например, при высоких темпах роста советской экономики жизненный уровень населения был низким. При этом экономический рост возможен просто за счет роста цен, а постоянное стремление к поддержанию более высоких темпов сдерживает структурные преобразования и противодействует таким важным составляющим технического прогресса, как переход к использованию принципиально новых ресурсов и удовлетворение экологических требований. В ходе подлинного экономического роста происходит инновационное обновление производственного капитала страны, устаревшее оборудование заменяется новым, с лучшими качественными характеристиками, так что степень износа основных фондов в целом по экономике, по меньшей мере, не увеличивается [2].

При этом стратегия эффективного социально-экономического развития и соответствующих преобразований должна исходить из понимания целостности материально-вещественных, социально-психологических, социально-экономических, денежно-финансовых, информационных и др. процессов, составляющих общественное воспроизводство, исследования общих принципов построения механизма оценки и анализа рационального

функционирования экономики. Недопустимо выделение какого-то одного регулятора, например, монетарного [3].

2 Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы

Более шестидесяти лет в экономической науке и преподавании доминирует модель экономического выбора «экономиста всех времен и всех народов» П. Самуэльсона [4]. Он утверждал, что язык математики является единственно возможным для изложения положений современной экономической теории. Общеизвестно, что П. Самуэльсон был убежденным центристом, либералом «золотой середины», избегал крайних идеологических позиций: рынок или бюрократия, частное или государственное, кейнсианство или монетаризм, тяготел к институционализму [5]. По этой причине его учебник «Экономика. Вводный курс» с 1948 года широко известен всему капиталистическому миру, выдержал более 20 изданий на 12 языках, общим тиражом более пяти миллионов экземпляров, сыграл решающую роль в распространении кейнсианства после Второй мировой войны, а с 1964 года признан в СССР и по сей день в новой «переходной» России.

Из этой модели выводятся якобы прямая (жесткая) связь между большими объемами накоплений и соответствующим уровнем потребления, экономические законы возрастания дополнительных затрат, убывающих эффективности и производительности/доходности, экономии на масштабе производства и др. Развитие современных развивающихся и развитых экономик зачастую противоречит этой модели экономического выбора.

3 Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы

Ниже рассматривается общепринятая математическая модель сбалансированной открытой экономики (СОЭ) и взаимосвязи между абсолютными значениями основных макроэкономических показателей:

- планируемой (прогнозируемой) госорганами величиной валового внутреннего продукта (ВВП);
- государственными расходами, инвестициями, потреблением, налоговым бременем, сальдо платежного баланса страны и их нормами, общественными эффективностями;
- темпом экономического роста сбалансированной открытой экономики (СОЭ), ставкой ссудного процента Центробанка страны и инфляцией.

Введем новое понятие – показатель эффективности и качества макроэкономической политики государства – W , определяемое по формуле:

$$W=1 - (y^{\text{гос}}+F^{\text{гос}})/(y^{\text{идеал}}+F^{\text{идеал}}),$$

где: $y^{\text{гoc}}=1/(s^{\text{гoc}}+g^{\text{гoc}})$ – обобщенный показатель структурной эффективности ВВП (бюджета); $s^{\text{гoc}}$ и $g^{\text{гoc}}$ – нормы инвестирования и государственных расходов в утвержденном прогнозе; $F^{\text{гoc}}$ – темп экономического роста, предусмотренный прогнозом региона; $y^{\text{идеал}}=1/2\text{Ö}F^{\text{гoc}}$ – значение ОПСЭ при утвержденном государственными органами темпе экономического роста; $F^{\text{идеал}}=1/4(s^{\text{гoc}}+g^{\text{гoc}})^2$ – максимальное значение темпа экономического роста, достижимое при утвержденных (прогнозируемых) нормах государственных расходов и инвестиций.

Этот показатель характеризует степень отклонения реальной сбалансированной экономики от ее возможного наилучшего теоретически возможного состояния. Он определяется минимальным отклонением между реальной и лучшей возможной макроэкономической эффективностью (в идеале – отклонением, равным нулю). Например, состояние эффективности и качества макроэкономической политики (МЭП) конкретного государства, определяемое совокупностью вышеуказанных, утвержденных государством (в том числе в бюджете) макроэкономических показателей, может быть отражено на графике (рис. 1) точкой А [ψ_A ; F_A], что эквивалентно Ω_A . Для японской экономики значение показателя эффективности и качества макроэкономической политики равно 33%, то есть $\Omega_{\text{Япон}} = 0,33$. Вышеуказанные математические соотношения между важнейшими макроэкономическими показателями представлены на рисунке 1.

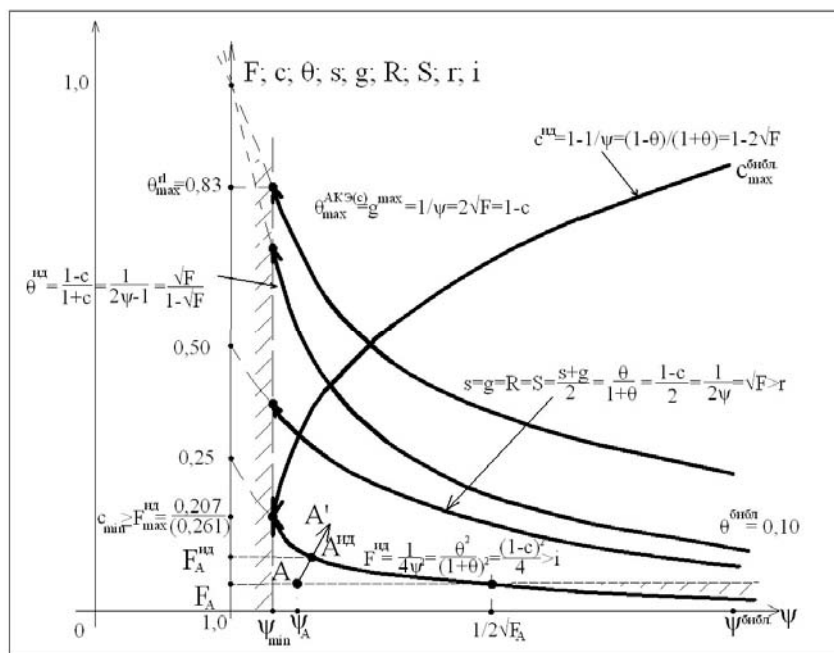


Рис. 1. Взаимосвязь основных макроэкономических показателей СОЭ с нулевым сальдо платежного баланса (заштрихованы области невозможных значений: меньших, чем ψ_{min} , и больших, чем $\psi = 1/2\sqrt{F_A}$)

Главное отличие авторской модели в том, что разделяемое большинством экономистов утверждение о прямой зависимости между объемами накоплений и ростом потребления (где большие объемы накоплений неизбежно приводят к резкому повышению уровня потребления), вытекающее из модели П. Самуэльсона, заведомо неточно. Как показала мировая практика (в т.ч., в РФ 2001–2009 гг.), значительные объемы накоплений не всегда приводят к высокому приросту потребления, иногда вплоть до «проедания» накопленных стратегических резервов (рис. 1). Показательно также, что, в случае зеркального отражения рисунка 1, на нём легко прослеживается знаменитый график П. Самуэльсона: линия $c^{ид} = 1 - 1/\psi$, эквивалентна его кривой производственных возможностей (кривой потребления):

Автор полагает, что модель П. Самуэльсона является частным случаем предложенной обобщенной (целостной) макроэкономической модели с более строгими требованиями к определению терминов интенсивного/экстенсивного путей экономического развития, определяемых конкретными соотношениями численных значений МЭП, находящихся в строгой взаимной зависимости, в иерархическом порядке, к тому же имеющей «прозрачный геометрический смысл» [6].

При этом в соответствии с историческим опытом и культурными традициями средняя норма налогового бремени в макроэкономических системах не может снижаться ниже десяти процентов («библейская десятина», близкая, по мнению автора, к анархии). В то же время, ни при каких обстоятельствах средняя налоговая нагрузка не может превышать своего мак-

симального значения, отраженного на графике кривой $\theta_{s=0}^{max} = g^{max} = 1/\psi$. Эта кривая соответствует административно-командной экономике (АКЭ), например, СССР, в которой инвестиции (капитальные вложения) являлись «перераспределенными» государственными расходами, поскольку государственная собственность в стране была абсолютно преобладающей (более 98%).

Весьма показательно, что характер этой кривой позволяет сделать теоретически корректный вывод, что в АКЭ нет никаких оснований заведомо идеологически ограничивать $F^{АКЭ(С)} \leq F^{РЫНОЧНОЙ} = F^{ид} = 1/4 \psi^2$, поскольку не форма собственности, а качество организации и управления и перераспределения валового продукта – суть экономического потенциала любого общества [7].

Известно, что в СССР до 80-х годов прошлого века не менее 40% ВВП составляли государственные расходы в капитальные вложения, что весьма близко соответствует требованию идеальных норм инвестиций и темпам экономического роста с нулевым сальдо платежного баланса. Действительно (особенно в 1930–1939 гг. и 1950–1970 гг.) темпы экономического роста СССР (в значительной степени экономически изолированного) намного превышали соответствующие показатели во всех развитых капиталистических странах. Другое

дело, потребление советских людей было на уровне прожиточного минимума, а в конце семидесятых годов из-за значительного прогрессирующего отставания в высокотехнологической сфере (в значительной степени по идеологическим причинам) в СССР стали развиваться застойные явления, «подкрепленные теориями» падающей экономической эффективности. В то же время, несмотря на заклинания о грядущем глобальном процветании, кризисы чуть ли не ежегодно поражали капиталистические страны, следовавшие в фарватере идей рыночного фундаментализма. Особенно мировой финансовый кризис 2008 г., эквивалентный шоку Великой Депрессии 1929 г.

Средняя налоговая нагрузка в идеальной СОЭ – не минимальная для любых соотношений основных МЭП. Но она сбалансирована относительно соответствующих максимальному теоретически возможному экономическому росту показателей норм государственных расходов, инвестиций и их общественных эффективностей, одновременно равных корню квадратному из численного значения экономического роста.

Бесконечное множество реальных состояний СОЭ располагается на площади ниже кривой максимально возможного темпа экономического роста – $F^{ид} = 1/4 \psi^2$. Эти состояния определяются соответствующими точками, например, точкой А с координатами $[\psi_A; F_A; \Omega_A]$. Из этой точки возможны следующие очевидные направления развития (повышения эффективности) макросистемы:

а) идеальное (единственное, стратегическое) – по кратчайшему направлению к кривой максимально возможного темпа экономического роста (то есть в направлении перпендикуляра \vec{AA} к касательной из точки А). Направление развития реальной экономики выбрано государственными органами близким к идеальному (наилучшему теоретически возможному), если оно сопровождается повышением экономического роста при снижении суммы норм государственных расходов и инвестиций, а также и средней налоговой нагрузки при одновременном повышении нормы потребления (в том числе за счет положительного сальдо платежного баланса страны, вызванного прежде всего экспортом высокотехнологичной продукции), сбалансированностью основных макроэкономических параметров.

б) неидеальные – стремящиеся (близкие) к идеальному;

в) заведомо неэффективные для общества. Это такие направления развития реальной экономики, которые сопровождаются снижением экономического роста и нормы потребления, при одновременном росте суммы норм государственных расходов и инвестиций, средней налоговой нагрузки, несбалансированности всех или большей части основных макроэкономических параметров. Это коррупционные или заведомо некомпетентные направления экономического развития (развития «на авось»), вплоть до умышленного развала. Сюда можно отнести деградацию собственной экономики по советам «экономических убийц», в частности, «псевдоинвести-

ций» западных инвесторов в предприятия российского высокотехнологического комплекса, которые зачастую приводят к их ликвидации.

4 Краткие выводы, резюмирующие проведенное исследование, отражающие основные его результаты

1. В предлагаемой модели преодолен барьер мнимого отсутствия в экономической системе количественных констант, так разительно отличающих ее от физических систем. Например, корень квадратный из прогнозируемого государственным органами и экспертами темпа экономического роста является фундаментальной величиной при анализе сбалансированности и близости к идеальным значениям основных показателей МЭП. Модель естественно, «геометрически прозрачно» объясняет взлеты и падения соответствующих моделей реальной экономики, необъяснимых с точки зрения немалой части идеологизированных теоретиков и практиков-экономистов.

Интересным и близким к «эконофизическому» направлению в современной экономической теории может быть сравнение авторской модели идеального состояния макроэкономической системы с циклом Карно в термодинамике, сущностью которого является определение максимального теоретически возможного коэффициента полезного действия тепловой машины – η_i ; (в идеальном случае $\eta_i = 1,0$ – в действительности всегда меньше этого значения). В модели же полученная экономической системой конкретная сумма государственных расходов и инвестиций всегда может привести в идеальном случае к максимально возможному темпу экономического роста, соответственно к максимальному теоретически возможному обобщенному показателю макроэкономической политики (то есть: $\Omega_{\text{идеал}} = 0,0$). В действительности при положительном темпе экономического роста показатель может быть больше нуля, а при отрицательных значениях темпа экономического роста меньше нуля. Например, для Японии $\Omega_{\text{Япон}} = 0,33$, поэтому он и может быть взят за ориентир для других стран, стремящихся к максимальному значению качества своей макроэкономической политики [6].

2. Автор сознает основные ограничения модели, которая не может быть полностью адекватна реальности, поскольку речь идет о человеческой деятельности, развивающейся в необратимом времени, несводимости общественного прогресса к увеличению денежных доходов или к приумножению материального богатства, темпов экономического роста. Общеизвестны также трудности соизмерения народно-хозяйственной эффективности затрат:

- наличие в ее структуре разнородных несоизмеримых (неизмеримых) друг с другом элементов;
- наличие прямых и обратных зависимостей между затратами на различные производства;

- совмещение проектных вариантов, дающих минимумы затрат по каждому объекту в отдельности, но не обеспечивающих общий минимум всех затрат в народном хозяйстве; при этом денежные затраты (особенно связанные с природопользованием) не являются точным отражением затрат общественного труда [8].

Следовательно, количественные оценки эффективности макроэкономической политики никогда не могут дать абсолютно точной информации для безошибочного принятия решений, но могут служить первичным материалом для содержательного анализа в процессе принятия решений государственными органами и общественными организациями.

3. Экономисты должны стать блюстителями общественной дальновидности в экономических вопросах, давать чёткие рекомендации государственным структурам по разработке экономической политики страны и понятные предприятиям ориентиры стратегического планирования без идеологической составляющей.

4. Рассматриваемая модель экономики, несмотря на ее кажущуюся парадоксальность, имела место в период 1879–1897 гг. в реальной экономике США, в так называемую «Золотую эпоху» (золотого стандарта, введенного в 1879 г.). В результате США вышли на первое место в мире по объему ВВП и промышленного производства, на лидирующие позиции в мировой экономике [9]. Модель хорошо отражает известные периоды парадоксальных взлетов экономических систем в СССР и Германии, Японии, Южной Корее, Китае.

Анализ представленной модели предполагает решение проблем сбалансированности/несбалансированности макроэкономических состояний, описываемых основными макроэкономическими показателями, а также условий достижения сбалансированности и причин несбалансированности соответствующей макроэкономической системы. При этом несбалансированность экономической системы может быть:

- объективной (войны, периоды крупных социально-экономических реформ, катаклизмов);

- случайной и преднамеренной, выгодной определенным (как правило, властным или оппозиционным, в том числе теневым структурам) «группам влияния» но, безусловно, невыгодной обществу в целом.

Достижение равновесия в реальной макроэкономической системе является труднейшей задачей, включающей выпуск госзаймов, ужесточение налогообложения, печатание денег. В одних странах (например, скандинавских) высокий уровень налогов уживается с низким уровнем коррупции, а в других, со значительно более низким уровнем налогообложения, уровень коррупции относительно высок.

Безусловно, размер, знак и структура сальдо платежного баланса страны оказывают сильное влияние на качество макроэкономического состояния. Например, положительное сальдо соответствующей экономики, безус-

ловно, в денежном (количественном) отношении повышает ее эффективность. И наоборот, отрицательное сальдо платежного баланса снижает качество макроэкономической политики. При этом особое значение приобретает товарная структура экспорта и импорта. В частности, очевидна неперспективность преобладания в структуре экспорта ограниченных природных ресурсов в обмен на продовольствие и невысокотехнологичную (заведомо отсталую от передового мирового уровня) продукцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овсиенко, Ю. В. Устойчивое развитие: концепция и стратегические ориентиры / Ю. В. Овсиенко, Е. Н. Бизяркина, Н. Н. Сухова // Экономика и математические методы. – 2007. – Т. 43, № 4. – С. 23–33.
2. Губанов, С. Рост без развития и его пределы // Экономист. – 2006. – № 4. – С. 14–31.
3. Федоренко, Н. П. Россия на рубеже веков / Н. П. Федоренко. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 727 с.
4. Самуэльсон, П. Экономика. Вводный курс / П. Самуэльсон. – М. : Экономика, 1964. – 843 с.
5. Блауг, М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют / М. Блауг ; пер. с англ. – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
6. Владимиров, С. А. О наивысшей структурной эффективности ВВП (госбюджета) сбалансированной открытой экономики // Финансы и кредит. – 2002. – № 6. – С. 35–38.
7. Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. – М. : Госиздат, 1924. – 223 с.
8. Экономико-математический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 688 с.
9. Иноземцев, В. Л. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 3–15.

REFERENCES

1. Ovsienko Yu. V., Bizyarkina E. N., Sukhova N. N. Ustoichivoe razvitie: kontseptsiya i strategicheskie orientiry [The Sustainable development: the concept and strategic reference points]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2007, vol. 43, no 4, pp. 23–33.
2. Gubanov S. Rost bez razvitiya i ego predely [Growth without development and its limits]. *Economist*, 2006, no 4, pp. 14–31.
3. Fedorenko N. P. *Rossiya na rubezhe vekov* [Russia on a boundary of centuries]. Moscow: INFRA TH Publ., 2003. 727 p.

4. Samyelson P. *Ekonomika. Vvodnyi kurs* [Economy. Introduction kurs]. Moscow: Economy Publ., 1964. 843 p.
5. Blaug M. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili kak ekonomisty ob"yasnyayut* [Methodology of an economic science or how economists explain]. Moscow: Journal economy Questions Publ., 2004. 416 p.
6. Vladimirov S. A. *O naivysshei strukturnoi effektivnosti VVP (gosbyudzhet) sbalansirovannoi otkrytoi ekonomiki* [About the highest structural efficiency of gross domestic product (state budget) balanced opened economy]. *Finansy i kredit*, 2002, no 6, pp. 35–38.
7. Ford G. *Moya zhizn', moi dostizheniya* [My life, my achievements]. Moscow: State publ. house, 1924. 223 p.
8. *Ekonomiko-matematicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The Economic-mathematical encyclopedic dictionary]. Ed. V. I. Danilov-Daniljan. Moscow: INFRA-M Publ., 2003. 688 p.
9. Inozemtsev V. L. «Postamerikanskii mir»: mechta diletantov i neprostaya real'nost' [Foreigners of Century XI «the Postamerican world»: dream of laymans and an uneasy reality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no 3, pp. 3–15.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО

LAW AND THE STATE

Костюков Александр Николаевич – заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Омск. E-mail: post@standar.su

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ

На сегодняшний день все большее число российских ученых поддерживают вывод о взаимосвязи социально-экономического и конституционно-правового развития государства. Значительные научные исследования данной проблематики, которая выделилась в предмет междисциплинарного научного направления «конституционная экономика», прежде всего связаны с конституционно-правовым прогрессом. Предметом конституционной экономики как научного направления является конституционная экономика как сфера общественной жизни, то есть как система экономических отношений, рассматриваемая в контексте их конституционно-правового регулирования.

Несколько упрощая, можно сказать, что предметом конституционной экономики как научного направления является конституционная экономика как сфера общественной жизни, то есть как система экономических отношений, рассматриваемая в контексте их конституционно-правового регулирования.

Понимаемая таким образом, конституционная экономика в России может быть охарактеризована как несовершенная. Для выявления направлений и способов позитивного развития конституционной экономики в России, полагаем, следует первоначально обратиться к характеристике самой Конституции Российской Федерации.

Можно выделить три основных группы проблем, регулируемых конституцией и имеющих непосредственное отношение к социально-экономическому развитию страны. Во-первых, права собственности, их структура и гарантии. Во-вторых, социально-экономические права и гарантии граждан. В-третьих, регулирование денежных и финансовых (бюджетных) вопросов.

Установление и взимание налогов является одним из суверенных признаков любого государства, поэтому конституционное регулирование налоговой системы играет особую роль в государственно-правовой политике.

Регламентация отношений собственности является ключевым элементом конституционного регулирования социально-экономических процессов в развитых странах.

Модернизация экономики невозможна без использования системы конституционно-правовых средств, позволяющих оформить: 1) законодательные основы модернизации экономики; 2) организационно-институциональный механизм модернизации; 3) механизм финансирования инновационных мероприятий.

Назрела необходимость концептуального изменения принципов антимонопольного регулирования: повышения статуса антимонопольного органа и его должностных лиц, ужесточения ответственности за злоупотребления доминирующим положением на рынке и процедур привлечения к такой ответственности.

Ключевые слова: конституционно-правовой прогресс, экономическое развитие, конституционное право, налоговая система, бюджетное право, рыночное право, рыночная экономика.

Alexander N. Kostukov, the Head of the State and Municipal Law Department, Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Omsk. E-mail: post@standar.su

CONSTITUTIONAL PROGRESS AND ITS INFLUENCE ON STATE ECONOMIC DEVELOPMENT

Today, numerous Russian scientists support the conclusion about the interrelation of socio-economic, constitutional and legal development of the state (the Russian Federation in particular). Significant scientific studies of this problem, which stood in the subject of interdisciplinary research area «constitutional economics», are primarily related to the constitutional and legal progress. The subject of the constitutional economics as a scientific field defines constitutional economics as a sphere of social life that, as a system of economic relations, is studied in the context of their constitutional and legal regulation.

Simplifying that, we can say that the subject of constitutional economics as a scientific field is constitutional economics as a sphere of public life that, as a system of economic relations, is studied in the context of their constitutional and legal regulation.

Understood in this way, the constitutional economics in the Russian Federation can be described as imperfect. To identify the areas and methods of positive constitutional development of the Russian economy, we first have to research the characteristics of the RF Constitution.

There are three main groups of problems governed by the Constitution and relevant to socio-economic development of the country. First, property rights, their structure and guarantees. Second, socio-economic rights and guarantees of citizens. Third, cash management and financial (budget) issues.

Establishment and collection of taxes is one of the features of any sovereign state, so the constitutional regulation of a tax system plays a special role in the public and legal policy.

Regulation of property relations is a key element of the constitutional regulation of social and economic processes in developed countries.

Modernization of the economy is impossible without the system of constitutional and legal means aimed to build: 1) the legislative basis for modernization of the economy, 2) organizational and institutional mechanism for modernization; 3) the mechanism of financing innovative activities.

There is a need of conceptual changes in the principles of antitrust regulation: increasing the status of the antimonopoly body and its officials, increasing the liability for an abuse of dominant position in the market and working out the procedures of imposing such liabilities.

Keywords: constitutional and legal progress, economic development, constitutional law, tax system, taxation, budget law, trade law, free-market economy.

Под конституционно-правовым прогрессом государства понимается его поступательное движение вперед, основанное на высших конституционно-правовых достижениях.

На сегодняшний день все большее число российских ученых поддерживает вывод о взаимосвязи социально-экономического и конституционно-правового развития государства. Значительные научные исследования данной проблематики, которая выделилась в предмет междисциплинарного научного направления «конституционная экономика», прежде всего связаны с конституционно-правовым прогрессом. Классиком и основателем конституционной экономики как научного направления является американский экономист Джеймс Макджилл Бьюкенен, получивший за это Нобелевскую премию в 1986 г. и международное признание в качестве ведущего исследователя в данной области.

По справедливому замечанию П. Д. Баренбойма, «без знания и понимания конституционной экономики современный юрист-конституционалист будет не в состоянии дать не какой-нибудь, а именно юридический анализ не менее чем половины текста Основного Закона» [1].

Задачи конституционной экономики в России на ближайшие годы могут быть сформулированы следующим образом [2]:

- «Философско-правовое осмысление категории «правовое государство» с учетом выполняемых публичной властью функций в экономической

сфере. Изменение содержания и способов государственного регулирования экономических отношений в условиях экономической (финансовой) глобализации.

- Осмысление в экономическом и юридическом смысле положения Преамбулы Конституции РФ об осознании многонациональным народом России «себя частью мирового сообщества».

- Определение того, что есть «общее благо» как экономическая цель современного государства. Сущность и назначение государственного сектора экономики и государственных финансов. Какие цели и задачи должны реализовываться государством, опирающимся на данный сектор экономики.

- Выявление системы конституционных принципов, используемых для правового регулирования экономических отношений, а также тех представлений о них, которые сформировались в правоприменительной практике в виде правовых позиций высших судов.

- Изучение проблем имущественной ответственности государства перед предпринимателями за принимаемые управленческие решения (ответственность регистрирующих органов; органов, регулирующих финансовые рынки, и т. д.).

- Пределы возмещения государством потерь собственников при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд и конституционно-правовая оценка того, какие из них действительно являются государственными.

- Построение теоретической (идеальной) конструктивно-правовой модели взаимоотношений публичной власти и бизнеса в Российской Федерации. Решение при этом таких практических вопросов, как экономическое обоснование налогов, нормативное содержание принципа добросовестности в сфере гражданского права и в сфере налогообложения. Применение методов конституционной экономики для определения границ допустимой (законной) налоговой оптимизации».

Несколько упрощая, можно сказать, что предметом конституционной экономики как научного направления является конституционная экономика как сфера общественной жизни, то есть как система экономических отношений, рассматриваемая в контексте их конституционно-правового регулирования.

Понимаемая таким образом, конституционная экономика в России может быть охарактеризована как несовершенная. Для выявления направлений и способов позитивного развития конституционной экономики в России, полагаем, следует первоначально обратиться к характеристике самой Конституции РФ.

«В самом общем виде можно выделить три основных группы проблем, регулируемых конституцией и имеющих непосредственное отношение к социально-экономическому развитию страны. Во-первых, права собствен-

ности, их структура и гарантии. Во-вторых, социально-экономические права и гарантии граждан. В-третьих, регулирование денежных и финансовых (бюджетных) вопросов. Все эти три момента так или иначе отражают соотношение прав и возможностей государства и частного лица, а в ряде случаев и прямо определяют экономическую роль государства, возможности и пределы вмешательства власти в хозяйственный процесс» [3].

Влияние политико-правовых решений на систему собственности

Регламентация отношений собственности является ключевым элементом конституционного регулирования социально-экономических процессов в развитых странах.

Часть 2 ст. 8 Конституции РФ устанавливает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Между тем признание и защита невозможны без закрепления каждого конкретного объекта права за соответствующим субъектом права собственности, что в настоящее время обеспечивается далеко не в полном объеме.

На сегодняшний день отнюдь не все права на недвижимое имущество зафиксированы в Едином государственном реестре. Некоторые – в силу того, что возникли до введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ. Пункт 2 ст. 6 данного Закона устанавливает, что регистрация таких прав необходима лишь при совершении отдельных видов сделок с объектом прав, а в остальных случаях производится по желанию правообладателей. При этом законодатель не стимулирует возникновение у правообладателей такого желания, не учитывая, что отсутствие права на недвижимость в Едином реестре порождает неопределенность в экономических отношениях, а принимая во внимание объем незарегистрированных прав, негативно сказывается на экономическом развитии страны в целом. Одной из стимулирующих мер могла бы стать полная отмена государственной пошлины за инициативную регистрацию прав, возникших до введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ.

Иные права не зарегистрированы в Едином реестре в силу того, что не сформированы объекты таких прав. Это касается земельных участков, формирование которых уполномоченными органами осуществляется недостаточно активно, что происходит во многом из-за чрезвычайно усложненной процедуры [4]. Такое положение вещей негативно сказывается на экономическом развитии страны не только по указанным выше причинам, но и потому, что собираемость земельного налога оказывается крайне далекой от оптимального уровня.

Влияние политико-правовых решений на налоговую систему

Установление и взимание налогов является одним из суверенных признаков любого государства, поэтому конституционное регулирование налоговой системы играет особую роль в государственно-правовой политике.

Статья 57 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы.

Между тем анализ правоприменительной практики показывает, что отсутствуют должные гарантии реализации данной обязанности. Такая ситуация обусловлена, на наш взгляд, рядом факторов.

Во-первых, законодательство о налогах и сборах характеризуется чрезвычайной сложностью и запутанностью [5]. И хотя данная проблема не является уникальной для российского законодательства [6], она усугубляется тем, что Налоговый кодекс РФ подвергается, подчас, необоснованно частым изменениям. Это дезориентирует налогоплательщиков, не позволяя исполнить налоговую обязанность в соответствии с применимыми нормами, и влечет дальнейшее усложнение законодательства, связанное с установлением специальных правил для переходного периода.

Установление ограничения на количество изменений в налоговом законодательстве в течение года позволило бы устранить указанный недостаток и повысить качество юридической техники принимаемых законопроектов.

Во-вторых, окончательно не сформирована налоговая база некоторых налогов (в особенности земельного налога и налога на имущество физических лиц и организаций) по причинам, обозначенным в предыдущем разделе. У налоговых органов отсутствует информация о множестве объектов недвижимости, которые должны облагаться указанными налогами.

Соответственно, нельзя поддержать предложения о введении в ближайшей перспективе налога на недвижимость, поскольку, полагаем, вначале необходимо добиться эффективного администрирования уже существующих налогов. В частности, как минимум завершить работу, связанную с реализацией положений существующего земельного законодательства (разграничение прав собственности на землю, межевание земель, оформление прав на землю и т.д.) [7].

Изменение системы налогов и сборов в нынешних условиях неизбежно повлечет еще большее снижение сбора налоговых платежей.

Более того, сама система налогов в России не стимулирует налогоплательщиков к уплате. На долю местного уровня власти, который максимально приближен к населению и решает наиболее насущные проблемы последнего, приходится всего лишь два налога: земельный и налог на имущество физических лиц.

Как показывает практика налогообложения в России, при увеличении числа налогов значительно затрудняется контрольная деятельность за соблюдением порядка и сроков их уплаты со стороны территориальных органов Федеральной налоговой службы РФ [8]. Соответственно, более обоснованным представляется внести дополнение в ст. 15 Налогового кодекса РФ, увеличив число местных налогов и сборов за счет перераспределения, т.е. исключить некоторые налоговые платежи из разряда федеральных и регио-

нальных налогов и закрепить эти виды налогов за муниципальными образованияами.

Следует восстановить справедливость по НДС и вернуть его в качестве закрепленного за тремя уровнями бюджетной системы, как это было до 2000 г.

Влияние политико-правовых решений на бюджетную систему

Хотелось бы дать некоторую оценку формирующейся с прошедшего года практике принятия Федерального закона о федеральном бюджете на плановый период (три года). Данная сфера наглядно демонстрирует недостатки конституционной экономики в России, когда указанной дисциплиной занимаются преимущественно экономисты.

Переход к долгосрочному финансовому планированию следует безоговорочно оценивать как позитивное явление российской бюджетной политики. Составление трехлетнего бюджета как финансового плана позволяет учитывать накопление средств, более рационально управлять денежными потоками, своевременно финансировать строительство социально значимых объектов.

В то же время, утверждение такого долгосрочного финансового плана в форме нормативного правового акта – Федерального закона – представляется не вполне соответствующим требованиям юридической техники. Подобный федеральный закон оказывается подверженным постоянным корректировкам и по факту лишается одного из основных признаков нормативного акта, а именно – нормативности.

Поэтому более правильным с юридической точки зрения представляется оставить «трехлетний бюджет» в экономической плоскости, а в качестве Федерального закона принимать лишь бюджет на текущий финансовый год.

К непредсказуемым последствиям в отношении бюджетных расходов приведет радикальный пересмотр отношений по осуществлению государственных и муниципальных закупок в связи с введением в действие с 1 января 2014 г. Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». За 8 лет действия Федерального закона № 94-ФЗ от 01 июля 2005 г. удалось накопить серьезную правоприменительную практику, в значительной степени устраняющую дефекты отдельных его норм. Безусловно, в старом законе оставались проблемы и коллизии, требовавшие устранения, но радикальное изменение модели правового регулирования, на наш взгляд, не столько устраняет старые, сколько создаёт новые препятствия для эффективного расходования бюджетных средств.

Еще одним примером политических решений, принятых без учета последствий их воздействия на сбалансированность бюджетной системы и экономической системы в целом, являются 11 указов, подписанных Президи-

дентом РФ 7 мая 2012 г. и посвященных изменениям в социальной политике, совершенствованию системы здравоохранения, образования, а также решению проблем доступного жилья и качества услуг ЖКХ. Они предполагают серьезные преобразования не только в социальной сфере, но и по другим направлениям социально-экономического развития страны. Так, помимо увеличения в 1,5 раза реальной заработной платы работникам всех отраслей экономики, ставится задача такого же роста производительности труда, повышения доли высококвалифицированных работников, создания 25 млн эффективных рабочих мест, разработки 800 профессиональных стандартов и т.д. При этом разработка реальных механизмов достижения заявленных целей является прерогативой Правительства РФ. Поиск способов реализации указов явился причиной дисциплинарных взысканий в Правительстве, но даже после этого возможность исполнения указов без серьезного увеличения нагрузки на бизнес и экономику в целом остается призрачной.

Влияние политико-правовых решений на банковскую и финансовую системы

Наиболее ярким примером спорного политического решения, способного серьезно перекроить экономический ландшафт, является решение о закреплении за Центральным Банком страны функций мегарегулятора финансовых рынков, с 1 сентября 2013 г. оформившееся в виде вступившего в силу федерального закона. Рациональность такого решения вызывает серьезные вопросы по следующим основаниям:

1. Такое решение приведет к потерям в эффективности надзора в переходный период. Реорганизация неизбежно займет минимум 3-5 лет и вызовет излишнюю мобильность кадров, ослабление управляемости, нестабильность штатов, структур и полномочий, превалирование текущих организационных задач над перспективными. Это может замедлить развитие рынка, привести к повышению регулятивных издержек и нарастанию системного риска. О неизбежности потерь в переходный период говорит опыт Норвегии, Швеции и Японии.

2. Закрепление всех функций по регулированию финансовых рынков за ЦБ РФ приведет к игнорированию специфики отдельных секторов финансового рынка, снижению гибкости в регулировании. Финансовые рынки – это узкая сфера деятельности, и мало тех, кто в ней по-настоящему профессионален. ЦБ вряд ли сможет реализовать функции регулятора финансового рынка в необходимом объеме. Ряд функций Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) качественно отличаются от того, чем сейчас занимается ЦБ. Например, выявление манипулированием рынка, инсайд, регистрация микрофинансовых организаций, депозитарии.

3. Закрепление всех функций по регулированию финансовых рынков за ЦБ РФ приведет к механическому распространению жестких правил

банковского регулирования и банковского надзора на не требующие этой сферы деятельности. Как указывает заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН Яков Миркин, «финансовый рынок устроен таким образом, что банки – основа платежной системы страны – регулируются особо жестким образом. Надзор за их рисками значительно больший, нежели в остальной финансовой индустрии. За это банки получают доступ к дешевому финансированию от ЦБ. С другой стороны, на финансовых рынках есть другие структуры, их риски выше, но они не имеют доступ к платежной системе. Их регулирует ФСФР. Это двухсекторная модель финансового регулирования. Когда вы ее смешиваете, то ЦБ как хранитель и сберегатель от высоких рисков начинает накладывать всю тяжесть регулирования и на небанковские финансовые институты. Начиная с 2009 года, с российского рынка ушло 150 коммерческих банков. Если будет попытка перенесения всей тяжести надзора за финансовым рынком по принципу банковского, мы увидим быстрое вымирание брокеров, дилеров, инвестфондов, управляющих и страховых компаний».

4. Создание мегарегулятора на базе ЦБ РФ, и без того являющегося самым крупным центробанком в мире, приведет к бюрократизации принятия решений и «запаздыванию обратной связи».

5. Создание мегарегулятора на базе ЦБ РФ вызовет конфликт интересов, возникающий вследствие концентрации у Банка России множества различных функций, а также участия ЦБ в капитале и управлении отдельными крупными игроками финансового рынка.

6. Создание мегарегулятора на базе ЦБ РФ вызовет резкий рост нагрузки как на орган надзора (количество поднадзорных организаций увеличится примерно в 9 раз), так и на поднадзорные организации (по имеющимся оценкам, примерно в 5 раз).

Основные показатели деятельности ФСФР в настоящее время: среди подконтрольных – 9 000 микрофинансовых организаций, инвестфондов; 206 000 АО, которые регистрируют проспект эмиссии; выдано за год 609 лицензий (у ЦБ – 20); вынесено 5 000 требований по устранению нарушений (у ЦБ – 500); выписано 5 000 штрафов (у ЦБ – 300).

7. Финансовый рынок подвижен и неустойчив, а ЦБ отличается консерватизмом. Этот консерватизм может сдерживать развитие рынка ценных бумаг.

8. В России отсутствует развитый многосекторальный финансовый рынок с определенными в большем или меньшем приближении «правилами игры», для повышения эффективности которого (за счет согласования таких правил и управленческих решений в разных секторах) требовалось бы объединение управленческих усилий в рамках мегарегулятора. При нынешнем состоянии финансового рынка в стране более логичной выглядит

специализация ЦБ РФ на банковском секторе, а ФСФР России – на небанковских участниках финансового рынка.

9. На наш взгляд, одним из важнейших препятствий (не выделяемых аналитиками) к наделению ЦБ РФ функциями мегарегулятора является неопределенность с правовым статусом Банка России в системе органов власти. Согласно позиции, изложенной на официальном сайте Центрального Банка РФ, Банк России выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Он не является органом государственной власти, однако его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения [9]. Неопределенность правового статуса ЦБ РФ сказывается и на регулировании его взаимоотношений с органами государственной власти. Так, процедуры согласования с Правительством РФ основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики не регламентированы ни одним из профильных законов.

Наделение функциями мегарегулятора структуры с не до конца определенным ни в науке, ни в практике управлением правовым статусом, формально независимой от органов государственной власти, чревато потерей управляемости финансовыми рынками, невозможностью адекватно регулировать происходящие на них процессы в координации с общегосударственными управленческими трендами.

На наличие подобных рисков и на неопределенность со стратегией их нивелирования указывают и предложения Правительства РФ, высказываемые в самом начале реформы регулирования финансовых рынков. Так, предполагается введение двух представителей Правительства РФ в состав Совета директоров Банка России с правом совещательного голоса. Такие представители призваны лишь ставить на обсуждение Совета вопросы регулирования особо значимых для исполнительной власти секторов финансового рынка (как, например, ОСАГО).

Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Банку России полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» закрепляет принятие многих управленческих решений в сфере финансовых рынков Правительством РФ по согласованию с ЦБ РФ. Между тем механизм такого согласования не только не прописан в законе, о нем нет четкого представления ни у ученых, ни у практиков.

Влияние политико-правовых решений на экономическую ситуацию в целом

Несмотря на закрепление в конституции принципов содействия партийному строительству, сегодня в стране нет «развитой партийной системы с балансами и противовесами» [10].

Сложившаяся ситуация монопольного обладания властью со стороны одной партии не может не вызывать опасений. И не столько из-за пережитого страной в прошлом веке негативного опыта, сколько в силу объективных причин, неизбежно увеличивающих риск паралича государственного управления в условиях политической монополии. Даже руководство партии власти признает наличие симптомов уже начавшегося воплощения этого риска [11]. Они следующие: во-первых, отсутствие мотивации и, как следствие, нежелание членов партии, избранных в законодательные органы, практически представлять интерес населения. Во-вторых, одобрение действий исполнительной власти и вносимых ею законопроектов без должного анализа с позиций соответствия последних интересам избирателей. В-третьих, снижение прозрачности обсуждений законопроектов внутри представительного органа и подотчетности избирателям. Наконец, как следствие изложенного, повышение коррупционности и криминализации государственной службы, спровоцированных ощущением безнаказанности и несменяемости государственных служащих. Это точно выразил экс-президент России Д. Медведев, охарактеризовав госаппарат в условиях политической монополии следующим образом: «Сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ» [12].

Несмотря на объявленные приоритеты – развитие политической системы и повышение роли партий как представителей интересов населения, реформа избирательного законодательства, проводившаяся в последнее десятилетие, скорее, соответствовала противоположным целям. В результате, согласно опросам ВЦИОМ, более половины россиян уверены, что без конкуренции политических партий, идей, лидеров страну ждет новый застой [13].

Реальное, а не декларативное обеспечение политической конкуренции во имя создания цивилизованной партийной системы в стране требует реформирования с этих позиций каждого этапа функционирования партии. Причем на многих этапах необходимо изменение не законодательства, но характера правоприменения.

Применительно к этапу регистрации политической партии очевидна необходимость законодательных изменений с целью ограничения оснований для регистрации партии и установления принципов реализации Министерством юстиции РФ контрольных полномочий при осуществлении регистрации. Бесконтрольный рост числа партий при условии пропорциональной избирательной системы нивелирует экономический эффект от демократических процедур.

На этапе избирательной кампании насущно необходимо ограничить неравенство партий, вызываемое использованием «административного ресурса», путем обеспечения жесткого и открытого для социального контроля запрета на участие в политической борьбе органов власти любых уров-

ней и всех ветвей, фактического привлечения к ответственности за незаконную агитацию, за нарушение равенства партий при информационном обеспечении избирательной компании, при проведении наглядной агитации. Технология использования «паровозов» в избирательных списках, по нашему мнению, не соответствует принципам добросовестной политической конкуренции (поскольку позволяет первым номерам избирательных списков, за которых фактически отдают свои голоса избиратели, отказаться от работы в представительном органе), а потому должна быть запрещена. Существующая система создает условия для торговли местами в списках, для проникновения в представительные органы криминальных элементов, лоббистов собственного бизнеса или коррупционеров.

Фактически Государственная Дума РФ, функционирующая в отсутствие реальной политической конкуренции, и аналогично представительные органы субъектов, сформированные по пропорциональной системе представителями партий, принимают решения без дискуссий, потому эти решения зачастую скоропалительны, непродуманны и пересматриваются через непродолжительный промежуток времени после их принятия. Примером может служить печально известный закон о блокировке без реального судебного разбирательства в рамках обеспечительных мер интернет-сайтов, в отношении которых в Московский городской суд может быть подано заявление о распространении с их помощью контента, нарушающего авторские права. Не просуществовав и квартала, данный закон не столько защитил интересы правообладателей, сколько нанес удар по интернет-индустрии и уже в ходе ближайшей сессии Госдумы должен подвергнуться значительным корректировкам.

Реализация принципов конституционной экономики может оказать значительное влияние на модернизацию экономики страны.

Модернизация экономики невозможна без использования системы конституционно-правовых средств, позволяющих оформить: 1) законодательные основы модернизации экономики, 2) организационно-институциональный механизм модернизации; 3) механизм финансирования инновационных мероприятий.

1) Формирование нормативных основ модернизации требует разработки и принятия единого закона, регулирующего инновационную деятельность и государственную политику в сфере инноваций. Такой нормативный акт должен, в первую очередь, закрепить понятие инноваций и четкие критерии отнесения той или иной деятельности к инновационной. От решения данного вопроса зависит состав государственных мер по стимулированию инновационного развития. Отсутствие легальных критериев инноваций сегодня вызывает распыление и неэффективное использование средств государственной поддержки, которые, зачастую, выделяются на проекты, лишь имеющие в названии слова «инновационный», но не являющиеся таковыми по сути.

Назрела необходимость концептуального изменения принципов антимонопольного регулирования: повышения статуса антимонопольного органа и его должностных лиц, ужесточения ответственности за злоупотребления доминирующим положением на рынке и процедур привлечения к такой ответственности.

Стимулированию малого предпринимательства в значительной мере препятствует отсутствие закона, закрепляющего базовые принципы административных процедур и, как следствие, сохранение административных барьеров в системе законодательства субъектов РФ. Достижению этой же цели отвечает реформа основ концессионного законодательства, в ходе которой требуется установить государственный орган, ответственный за внедрение форм частно-государственного партнерства в отраслях экономики: непротиворечивые процедуры взаимодействия внутри концессий и действенную ответственность за нарушение сторонами концессии своих обязательств.

2) Важнейшую роль в реализации объявленных приоритетов играет отладка организационного механизма управления инновационным развитием. Распыление полномочий между ведомствами по обеспечению высокотехнологического развития экономики нельзя признать правильным, поскольку оно способствует дублированию функций и направлений инвестирования в инновации.

Обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти частью 2 статьи 80 Конституции РФ возложено на Президента России.

При этом пунктом «к» статьи 83 Конституции РФ Президенту РФ предоставлено право назначать своих полномочных представителей, круг которых Основным законом не ограничен.

Принимая во внимание высокую эффективность деятельности полномочных представителей президента в округах, считаем целесообразным формирование при Президенте РФ корпуса полномочных представителей в основных отраслях экономики, обладающих координационными функциями.

Способствовать достижению задачи восстановления экономики страны могут и полномочные представители Президента в федеральных округах при условии изменения их статуса и стоящих перед ними задач.

3) Насущно необходимо кардинальное изменение управленческо-правового механизма в финансовом обеспечении инновационных программ, особенно реализуемых малым бизнесом.

Согласно опросам, 76% респондентов считают стимулирование программ модернизации предприятий первоочередной целью налоговой политики государства. При этом более половины респондентов уверены в том, что налоговая система России мешает появлению и внедрению новых технологий.

Действительно, характерной чертой налоговой системы нашей страны является преобладание фискальной функции над стимулирующей. Если развитые страны не стимулируют инновации во время кризиса, то государства со сравнимым с нами уровнем развития экономики и схожими задачами, например, Китай, страны Восточной Европы, поддерживают инновационные компании, серьезно снижая для них налоговую нагрузку. В частности, в Румынии компании, работающие в некоторых технологических областях, три года вообще не платят ряд налогов, в частности налог на прибыль. У нас же молодые инновационные компании, даже генерируя на начальных порах только убытки, все равно должны платить налоги.

Естественно, во многом по причине подобного государственного регулирования количество малых предприятий на 1 тыс. жителей в России в среднем в 8 раз меньше, чем в странах Европы. При этом доля малых инновационных предприятий, по оценке Президента страны, в России составляет лишь 1% от общего числа малых фирм.

Без устранения указанных недостатков конституционно-правовой прогресс в сфере экономики будет недостижим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баренбойм, П. Д. Конституционная экономика: двадцать пять лет в мире и десять в России // Законодательство и экономика. – 2007. – № 6. – С. 4–9.
2. Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года / под ред. Г. А. Гаджиева. – М. : Юстицинформ, 2009. – 279 с.
3. Мау, В. А. Экономика и право. Конституционные проблемы экономической реформы посткоммунистической России / В. А. Мау. – М. : Ин-т экономики переходного периода, 1998. – (Научные труды ИЭПП. № 9).
4. Зверева, Е. Формирование земельного участка как объекта гражданского оборота // Корпоративный юрист. – 2005. – № 2. – С. 6–8.
5. Будников, Д. Б. Проблемы налоговой реформы в России на современном этапе развития государственности // Налоги. – 2006. – № 2. – С. 37–39.
6. Кузнецов, А. П. Ответственность за налоговые деликты по законодательству США // Финансовое право. – 2005. – № 6. – С. 43–48.
7. Артемьев, А. А. Обсуждение проблем и перспектив введения в России налога на недвижимость / А. А. Артемьев, Л. И. Гончаренко [Электронный ресурс] // Ваш налоговый адвокат. – 2007. – № 4. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=86347>.
8. Герасименко, Н. В. Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в бюджетно-налоговой сфере // Законодательство и экономика. – 2003. – № 4. – С. 37–46.

9. Дружинин, Д. Н. К вопросу о правовом статусе Центрального банка Российской Федерации / Д. Н. Дружинин, М. Н. Тоцкий // *Финансовое право*. – 2006. – № 6. – С. 33–40.
10. Пушкарская, А. Валерия Зорькина беспокоит Конституция / А. Пушкарская, В. Хамраев // *Коммерсантъ*. – 2009. – 22 мая.
11. Родин, И. Олег Морозов: монополия Единой России – это навсегда // *Независимая газета*. – 2004. – 7 июня.
12. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1968>.
13. Васильева, К. Оппозиция как атрибут демократии // *Новые известия*. – 2006. – 19 октября.

REFERENCES

1. Barenboim P. D. *Konstitutsionnaya ekonomika: dvadtsat' pyat' let v mire i desyat' v Rossii* [Constitutional economic: twenty five years in the world and ten in Russia]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2007, № 6, pp. 4–9.
2. *Ocherki konstitutsionnoi ekonomiki. 23 oktyabrya 2009 goda* [Notes about constitutional economy. The 23d of October, 2009]. Ed. G. A. Gadjiev. Moscow: Justinform Publ., 2009. 279 p.
3. Mau V. *Ekonomika i pravo. Konstitutsionnye problemy ekonomicheskoi reformy postkommunisticheskoi Rossii* [Economics and law. Constitutional problems of economic reforms in post-communist Russia]. Moscow: In-t ekonomiki perekhodnogo perioda Publ., 1998.
4. Zvereva E. *Formirovanie zemel'nogo uchastka kak ob"ekta grazhdanskogo oborota* [Formation of stead as an object of civil flow]. *Corporate lawyer*, 2005, no 2, pp. 6–8.
5. Budnikov D. B. *Problemy nalogovoi reformy v Rossii na sovremennom etape razvitiya gosudarstvennosti* [Problems of taxation reformation in Russian on the modern stage of statehood]. *Nalogi*, 2006, no 2, pp. 37–39.
6. Kuznetsov A. P. *Otvetstvennost' za nalogovye delikty po zakonodatel'stvu USA* [The liability for tax offences in USA legislation system]. *Finansovoe pravo*, 2005, no 6, pp. 43–48.
7. Artem'ev A. A., Goncharenko L. I. *Obsuzhdenie problem i perspektiv vvedeniya v Rossii naloga na nedvizhimost'* [The discussion of problems and perspectives of real estate tax imposing in Russia]. *Vash nalogovyi advokat*, 2007, no 4. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PBI;n=86347> (accessed 17 July 2014).
8. Gerasimenko N. V. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v byudzhethno-nalogovoi sfere* [Legal regulation of

municipality activities in budget and taxation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2003, no 4, pp. 37–46.

9. Druzhinin D. N., Totskii M. N. К вопросу о правовом статусе Тsentрал'ного банка Россиiskoi Федерatsii [About the subject of Central Bank of Russian Federation legal status]. *Finansovoe pravo*, 2006, no 6, pp. 33–40.

10. Pushkarskaya A., Khamraev V. Valeriya Zor'kina bespokoit Konstitutsiya [Valeriy Zorkin is worried about Constitution]. *Kommersant*, 2009, May 22.

11. Rodin I. Oleg Morozov: monopoliya Edinoi Rossii – eto navsegda [Oleg Morozov: The Unified Russia monopoly is forever]. *Nezavisimaya gazeta*, 2004. June 7.

12. *Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu 2008* [Presidential Address Speech to the Federal Assembly 2008]. Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1968> (accessed 17 July 2014).

13. Vasil'eva K. Oppozitsiya kak atribut demokratii [Opposition as democratic attribute]. *Novye izvestiya*, 2006, October 19.

Сонин Вадим Вадимович – докторант Университета Цинхуа, г. Пекин, КНР. E-mail: vsonin@yahoo.com

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

В рамках конституционно-правовой науки принцип федерализма обыкновенно получает нормативное описание, что не исключает наличия у него культурного измерения, остававшегося до сих пор неизученным. Между тем, появление в отечественной науке конституционного права трудов юридино-культурологической направленности (работы К. В. Арановского, В. Н. Синюкова и др.) подготовило методологическую основу для проведения исследования принципа федерализма как части конституционной традиции и правовой культуры в целом. Изучение мифологии как одного из юридино-культурных оснований федерализма нацелено на углубление понимания реципирированного института федеративного устройства и особенностей его взаимодействия с традиционной российской формой государственного устройства. Для этого федеративная традиция представлена в виде ряда элементов, одним из которых являются мифологические основания, рассмотренные с применением историко-правового и сравнительно-правового методов. Важнейшие мифологические образования, связанные с принципом федерализма, включают мифы о Мэйфлауэрском соглашении 1620 г. и об отцах-основателях, составивших федеральную Конституцию США 1787 г. Мэйфлауэрское соглашение олицетворяет собой развитие

«федеральной теологии» периода Реформации, выдвинувшей альтернативу централизованному иерархическому европейскому государству в виде автономных религиозных общин, образуемых и взаимодействующих на договорной основе. Принципиальным было положение о непосредственном подчинении таких религиозных общин высшим силам, выводившее их из структуры политической иерархии и суверенитета национального государства. Миф об отцах-основателях, акцентирующий мудрость и дальновидность создателей конституции 1787 г., фактически аккумулировал результаты развития федеративной традиции в течение 180 лет колониальной предыстории США. Длительная историческая практика заключения религиозных и светских соглашений для образования церковных общин и политических сообществ, а также их территориальных объединений позволила накопить достаточный опыт применения федеративного принципа, постепенно переходя к организации политико-территориальных объединений все более высокого уровня. В условиях современной Российской Федерации изучение мифологических оснований американского федерализма актуально в контексте выявления культурной основы российской формы государственного устройства.

Ключевые слова: федерализм, мифология, ковенант, Мэйфлауэр, отцы-основатели.

Vadim V. Sonin, Doctoral student in Tsinghua University, Beijing, PRC.
E-mail: vsonin@yahoo.com

MYTHOLOGICAL FOUNDATIONS OF FEDERATIVE TRADITION

Within the the constitutional and legal science the principle of federalism usually gets a normative description; however, it does not exclude cultural dimension of federalism that has remained unexplored. Meanwhile, the emergence of legal-cultural oriented studies in the Russian legal science (works of K. V. Aranovsky, V. N. Sinyukov etc.) has prepared a methodological basis for the study of federalism as a part of the constitutional tradition and legal culture in general. Study of mythology as one of the cultural foundations of federalism is aimed at deeper understanding of this adopted institution and characteristics of its interaction with the traditional Russian form of intergovernmental relations. For this purpose, a federative tradition was presented as a set of elements, one of which is the mythological foundation studied with the help of historical and comparative methods of legal research. The most important mythological formations associated with the principle of federalism include the myths about Mayflower Compact of 1620 and «founding fathers», the creators of federal U.S. Constitution of 1787. Mayflower Compact represents the development of a

«federal theology» of the Reformation period, which was an alternative to a hierarchical centralized European state, and this alternative was an autonomous religious community formed and interacting on a contractual basis. The principle involved direct «subordination» of religious communities to the God, which took them out of the political hierarchy and structure of a national sovereign state. The myth about founding fathers, which emphasized the wisdom and foresight of the constitution founders in 1787, actually accumulated the results of the 180-year federal colonial tradition of the U.S. Long-time experience of concluding religious and secular agreements establishing religious and political communities, as well as their territorial associations, had enabled the founders of federal tradition to accumulate a sufficient experience of the federal organization, gradually moving to the organization of political and territorial associations of higher level. In the modern Russian Federation, studying of the mythological basis of American federalism is relevant in the context of identifying cultural foundations of the Russian form of intergovernmental relations between the center and regions.

Key words: federalism, mythology, covenant, Mayflower, founding fathers.

Конституционная традиция как одна из отраслевых (государственно-правовых) традиций включает ряд фундаментальных принципов, в том числе верховенство прав человека, разделение властей, народовластие. Кроме того, пример США и ряда других государств показывает, что одним из элементов конституционной традиции может выступать принцип федерализма. Федеративное начало оказывается востребованным в тех государствах, где обширная территория либо иные обстоятельства (национальная, религиозная, лингвистическая и иная неоднородность) не позволяют произвести пространственно-территориальное распределение государственной власти на унитарных основаниях. Федерализм, по сравнению с постоянными элементами конституционализма, является более специфичным принципом, своего рода опцией конституционной традиции для территориально обширных государств. В качестве предпосылки для федерализма требуется налаженное функционирование вышеуказанных конституционных принципов, без этого перспективы федерализма сомнительны. Федерализм – еще более специфичный и редкий принцип, чем конституционализм в целом, а потому и менее пригодный к рецепции. Институциональным и нормативным аспектам федерализма посвящено множество исследований как в России, так и в Китае, которые, однако, не привели к его эффективному функционированию в первом случае и к полному пониманию данного принципа – во втором. Как заметил по поводу американского федерализма основоположник западной теории правовой культуры Лоуренс Фридман, в большей степени федерализм является достаточно условной схемой, но он также является и традицией, и важной чертой американской правовой

культуры. В действительности, федерализм как структура был бы пуст и бессмысленен, если его рассматривать без федерализма как части культуры, снабженной основательной и разветвленной мифологией [1, с. 106].

Современная мифология, объясняющая происхождение и существо принципа федерализма и федеративного государства, включает целый ряд распространенных представлений о пилигримах-пуританах, Мэйфлауэрском соглашении, первых колониях, а также отцах-основателях Конституции США 1787 г. Большинство этих представлений облечены в светскую форму, хотя в основе своей они глубоко религиозны и наполнены отчетливой протестантской идеологией, что заставляет нас не ограничиваться видимой стороной рассматриваемых явлений и проникать в их суть, а это требует перенестись хронологически в эпоху начала Реформации, территориально – на европейский континент, а в содержательном отношении – затронуть религиозные основания современной мифологии федерализма.

К моменту начала Реформации господство универсализма в Европе, выражением которого была Священная Римская империя и католическая церковь, подходило к концу. Власть папы римского и императора была значительно ослаблена в результате их междоусобной борьбы, империя как наследница Рима разделилась на «мирскую империю» (*Imperium Mundi*) и «священную империю» (*Sacrum Imperium*). Зарождающиеся национальные государства противопоставили имперско-католическому универсализму концепцию государственного суверенитета и быстро развивали собственную централизованную бюрократию и систему управления [4, р. 12].

В условиях дезинтеграции единого европейского политического пространства была впервые выдвинута федеративная идея, а именно проект реформирования Священной Римской империи, сформулированный Иоганном Альтузием. В его трактовке социально-политическое сообщество включало как частную, так и публичную сферу. В альтузианском обществе индивиды участвовали в государстве посредством множества федеративно организованных ассоциаций, носивших политический характер и выступавших в качестве естественных посредников между всеобщей ассоциацией (государством) и индивидом. Договор или ковенант выступал философским основанием общественных отношений и предполагал совместное сосуществование в условиях взаимной доброжелательности, политически организованное во множестве общественных организаций [4, р. 21]. Теоретические взгляды Альтузия хотя и выразили впервые федеративную идею, но не были приняты политической теорией того времени, которая в Европе развивалась в рамках укрепления национального государства. Тем не менее уже на этом этапе проявились характерные черты федеративной теории, такие как отказ от иерархичности, договорный характер объединения, идеи участия и сосуществования.

Не будучи востребованными в период зарождения национальных государств и укрепления государственного суверенитета, федеративные идеи

были вновь вынесены на повестку дня с началом религиозной Реформации, проходившей в условиях противодействия диктату централизованной иерархии римской католической церкви, а также деспотизму и религиозной нетерпимости светских правителей новообразованных национальных государств. В конечном счете современный принцип федерализма формировался под влиянием конфедеративной теории, которая в свое время породила ранние европейские государства, но затем была подавлена столетиями централизации и вновь была вызвана к жизни только событиями Реформации и Пуританской революции, направленной против централизованной власти [7, р. 8].

Радикальное крыло Реформации, представленное кальвинистами и цвинглианцами, провозгласило возврат к Писанию как непосредственному источнику политической мысли, где и были обнаружены федеративные принципы государственного строительства, примененные затем в кальвинистской трактовке при организации нидерландской конфедерации Соединенных провинций в конце XVI века [3, р. 126]. В соответствии с протестантским пониманием истории после рождения Христа верующие получили возможность к индивидуальному спасению. Классическая доктрина кальвинизма учила, что каждый человек имеет право вступить в отношения личного ковенанта с Господом, при этом Бог устанавливает условия для спасения в Библии, тогда как человек вправе принять их или отвергнуть [11, р. 27]. Доктрина сознательного религиозного выбора сделала возможным личное суждение в вопросах религии, в противоположность традиционным представлениям о предопределенности или наследственном характере веры. Зрелая личность получала право сделать сознательный выбор в вопросе веры, «воздвигнуть» разделительную стену между грешным миром и областью веры, ведущей к спасению. Каждый становился равным не только перед лицом Господа, но и перед своим соседом или любым другим человеком. С другой стороны, человек оставался грешным, склонным к злу и эгоизму, поэтому он нуждался в сообществе других для помощи, защиты и руководства по закону и любви. *Принципиальным положением протестантского вероучения являлось то, что отнюдь не все христиане, но лишь избранные предназначены к спасению, и в этом замысел Божий неисповедим. Верующему христианину остается лишь доказывать свою избранность собственным преуспеванием в исполнении определенного Богом призвания (calling).*

В то же время, христианский мир в целом мыслился деятелям Реформации разделенным на множество народов, внутри которых лишь немногие были истинно верующими. Хотя Бог не наделил верой всех людей, однако он не мог и полностью игнорировать тех, кто не обрел веру. Данное затруднение протестантская доктрина преодолела с помощью догмата о том, что Господь заключил с каждым христианским народом ковенант, подобный заключенному некогда с народом Израиля. Каждому христианскому

народу Господь предлагал счастье и процветание в этом мире в случае соблюдения библейских заповедей [8, р. xxi]. Протестанты (в особенности в Англии и Шотландии) рассматривали себя в качестве избранного народа – преемников Израиля. Хотя они осознавали, что многие среди них не показывают видимых признаков истинной веры и соблюдения божественных заповедей, тем не менее каждое нарушение рассматривалось как прямая угроза их единению с Господом. В особенности это касалось правителей, избираемых, направляемых в своем служении и наделяемых властью Господом. Однако Бог открывал свою волю, как и в случае с другими «призваниями» («calling»), не прямо, но через согласие народа. Тем самым составлялись два ковенанта: первый – между Богом, монархом и народом – с обязательством народа соблюдать божественные заповеди, и второй – между монархом и народом – с обязательством народа быть преданным монарху, а монарха – править по справедливости. Если правитель был не в состоянии обеспечить преданность народа христианскому Богу или же сам призывал к нарушению божественных заповедей, он тем самым не только пренебрегал своей миссией, но и нарушал ковенант с народом, а стало быть утрачивал и саму власть. Дозволить подобному правителю оставаться у власти – значит нарушить ковенант народа с Богом и обречь все сообщество на божественные кары [8, р. xxii-xxiv; 10, р. 123, 131].

Пожалуй, в этот момент в рамках общей идеи ковенанта выделились два направления развития, одно из которых привело к формированию светской теории «общественного договора», тогда как второе эволюционировало в современную теорию федерализма*. Это разделение было связано с укреплявшимся в некоторых течениях Реформации убеждением о невозможности обретения спасения в рамках существующего общества и необходимости формирования обособленных церковных общин. Поскольку папа римский и император достаточно быстро перешли к обвинениям, запретам и сожжению протестантских «еретиков», реформисты все чаще были вынуждены бежать и искать убежища в свободных городах, вроде Женевы или Цюриха. Их положение все больше напоминало скитания и невзгоды древнего избранного народа – народа Израиля. Идея ковенанта не-

* Несмотря на общие генетические корни, ковенант и общественный договор демонстрируют значительные концептуальные различия. Общественный договор в философских трудах представлялся как некоторое допущение, фикция, необходимая для понимания процесса возникновения государства, в то время как ковенант являлся действенным способом организации политических сообществ и находил обширное применение в религиозной и светской практике. Кроме того, общественный договор изначально мыслился как исключительно светское соглашение граждан, тогда как в ковенанте Бог составлял одну из сторон соглашения, позднее переместился на позицию свидетеля, но отнюдь не исчез из текста. Наконец, ковенант и его светские аналоги, ввиду богатой практики применения, не только выполняли функцию организации политических сообществ индивидов, но и регулировали отношения между сообществами, вплоть до создания объединений второго и третьего уровней (от поселений к колониям (штатам) и, в конечном счете, к союзу штатов).

изменно присутствовала в размышлениях Цвингли и его преемника Булинджера, идея «избранности» также оставалась главной заботой реформистов. Сам Жан Кальвин проводил аналогию с древним Израилем как смешанной нацией, построенной на началах ковенанта, включавшей как истинно верующих, так и отвергнувших слово Божье. Все более возрастал интерес к «коллективному избранничеству», даже при том, что оно составляло лишь начальную, «общую» избранность к спасению, и лишь праведные могли рассчитывать на второй, более ограниченный уровень избранности [10, p. 121–122].

Подобные установки реформистских церквей выражались в создании общин «праведников», соединявшихся на основе ковенантов для создания конгрегаций, или, в некоторых случаях, политических сообществ, управлявшихся как партнерства. Реформация возвратила христианскую веру в среду раннехристианских религиозных общин и воздвигла «разделительную стену» между богоспасаемой общиной и грешным миром. Тем самым протестантские религиозные общины были аскетически обособлены от внешнего мира и превращены в небольшие самодостаточные демократические сообщества. Управление в такой общине (конгрегации) осуществлялось демократически избиравшейся консисторией (судом) из священников, старейшин и диаконов. Гибкая форма церковной общины придала кальвинистским церквям и сообществам качества мобильности и быстрой приспособляемости и позволила распространиться по всей Европе [11, p. 15–17]. Однако во всех, за некоторыми исключениями, странах Западной Европы применение принципа федерализма терпело крах при столкновении с социальной иерархией феодального происхождения, несовместимой с требованиями социального равенства и разделения властей, характерными для федеративных институтов [3, p. 126–127].

Официальные и неофициальные гонения, нараставшие в первой половине XVII в., вынудили десятки тысяч пуритан, анабаптистов, лютеран и других «сектантов» покинуть Европу, обреченную, по их убеждению, повторить судьбу древнего Вавилона, и отправиться в колонии Северной Америки, которые представляли настоящий рай для европейских «раскольников» и позволяли осуществлять разнообразные социальные эксперименты в условиях религиозной свободы [11, p. 19–21]. Одна вещь из интеллектуального багажа переселенцев-кальвинистов замечательно подошла к обстоятельствам, в которых они оказались, а именно знакомство с религиозными ковенантами как основой для формирования сообществ. Первым делом обитатели многих колоний заключали ковенанты о создании церкви: «объединяемся в конгрегацию или церковь во главе с Господом нашим, Иисусом Христом». Где бы ни появлялись протестанты, религиозные ковенанты сопровождали их, и когда для них пришло время политической организации в соответствии с дозволениями королевских хартий и требова-

ниями обстоятельств, они вновь обращались к форме ковенанта. При этом сходство между политическими и религиозными ковенантами было разительным [5, р. 31–32].

При помощи ковенантов в Северной Америке учреждались не только духовные конгрегации, но и светские конституции, отразившие федеративную форму новых политических учреждений. *Заключая ковенанты и договоры (сонтраст), колонисты не только создавали политические сообщества, но также принимали обязательство учреждать их в соответствии с высшим законом.* С учреждением основанного на ковенанте сообщества деяния индивидов подпадали под действие не только позитивного закона, но и вечных непреложных принципов, руководящая роль которых добровольно признавалась каждой личностью и сообществом в целом путем заключения ковенанта [2, р. 4]. Обязательства граждан перед высшим Провидением связывали все сообщество, осознававшее ответственность за надлежащее употребление власти перед Богом и согражданами [9, р. 92]. При этом источником власти должностных лиц в конгрегациях выступал народ в целом, а не совокупность индивидов, знакомая нам по современной идеологии либеральной демократии. Понятие народа, как отмечал Токвилль, ассоциировалось с политическим сообществом, властвующим над собой и для себя, но не с собранием индивидов [2, р. 6].

Такие договоры, или светские (политические) ковенанты, вышедшие из библейской традиции, применялись не только для учреждения сообществ, но и для их объединения. Реализация принципа федерализма привела к образованию сети поселений, связанных светскими ковенантами и договорами в более крупные территориальные объединения. Небольшие поселения (township) заложили основание для американской федерации в ее дальнейшем развитии как составной республики, способной к расширению [2, р. 8].

Новая Англия стала цитаделью пуритан в Северной Америке, там же зародились идеология и практика американского федерализма. На первоначальном этапе федерализация выражалась в формировании поселений и их объединений – колоний: в ряде случаев учреждение органов власти поселений предшествовало созданию таковых для колонии в целом, в иных случаях наблюдалась обратная картина: создание правительства колонии происходило раньше. Каждое правительство, общее и местные, было самостоятельным по своей форме и функциям. Разграничение власти между двумя уровнями власти, закреплявшееся органическим законом для всего сообщества, придавало колонии существенные признаки федеративной республики. Так, колония Массачусетс имела ярко выраженный федеративный характер с разграничением власти между правительством колонии и правительствами входящих в нее поселений. Каждое поселение пользовалось ограниченной самостоятельностью и осуществляло власть на своей территории посредством собрания свободных людей и избранных на нем

должностных лиц. Поселения Новой Англии в колониальную эпоху не были лишь муниципалитетами с определенным набором ограниченных полномочий, перечисленных в акте инкорпорации, но располагали изначальными правами самоуправления, лишь гарантированными соответствующими хартиями [7, р. 17, 21, 29].

Таким образом федерализм получал выражение и развивался в соглашениях, постепенно передававших федеративные ценности с местного уровня на уровень штатов и затем с уровня штатов – на уровень всего союза. Поселения составляли более обширные сообщества, штаты, таким же образом, как отдельные лица, создавали общины с равными себе партнерами. В подобной же манере штаты, в конечном итоге, сформировали федеративный союз [2, р. 9]. Таким образом, федерация 1787 г. не была неким невиданным изобретением, но имела 180 лет колониальной предыстории. Относительная независимость местных правительств, формирование государства «снизу вверх», история самостоятельной государственности штатов, длительный опыт федерализма и конфедерализма, включая Статьи конфедерации, – все это придало федеративному государству характер логический и даже неизбежный [5, р. 31–32].

В XVIII в. религиозный смысл новоанглийского ковенанта народа с Богом стал утрачивать былое значение, однако идея ковенанта между народом и правителем не теряла своей актуальности и в революционную эпоху. В XVIII столетии американцы могли говорить об учреждении правительства уже без прямых упоминаний о примере древнего Израиля и временами даже без упоминания Бога как стороны в ковенанте [8, р. xl-xli]. В этот период в общественном сознании значительно усилились позиции европейских светских мыслителей Нового времени, в особенности Локка и Монтескье; на повестку дня вышли идеи республиканизма, демократии и народного суверенитета. При этом тот акцент, который Локк делал на ограничении власти правителя, вполне соответствовал политической практике пуритан. Локк говорил о Боге как об авторе законов природы, которые продолжают действовать даже в отсутствие правительства и которым правительство призвано придавать силу. Защита жизни, свободы и имущества граждан составляла задачу правительства и для пуритан XVII в., однако для них эта цель достигалась, когда их правители в соответствии с их призыванием занимались обузданием грешников, тем самым исполняя условия ковенанта народа с Богом. Поскольку священная цель ковенанта вышла из поля зрения общества, улетучилась и сакральная аура, доселе окружавшая фигуру правителя. Правитель более не состоял в ковенанте, наделявшем его властью божественного происхождения, но становился лишь служителем своих сограждан. Тем самым относительная значимость правителя и народа в структуре отношений ковенанта зеркально поменялась. Американцы стали смотреть на своих губернаторов не столько как на наместни-

ков Бога, сколько как на собственных агентов. Если в ковенанте народа с Богом условия диктовал Бог, то в рамках ковенанта между народом и правителем это право принадлежало народу [2, p. 17].

Тем не менее такая «замена лиц в обязательстве» не повлияла на востребованность и актуальность самого ковенанта как формы организации и укрупнения политических сообществ. Федеративные институты, описанные Мэдисоном и учрежденные Конституцией США 1787 г., сформировались на основе общераспространенных убеждений и взглядов, составлявших существенную часть идеи ковенанта. Дух ковенанта в США способствовал отказу от традиционных европейских иерархических институтов и открыл путь к развитию гражданских и политических свобод [10, p. 173]. Работа по созданию Конституции США 1787 г. лишь потому могла быть завершена в столь короткий срок и принести такие богатые и долговечные плоды, что «отцы-основатели» сами опирались на опыт организации государственного устройства отдельных штатов по традиционной федеративной модели, а также практику применения Статей конфедерации. Все члены филладельфийского конвента принадлежали к американской федеративной традиции, существовавшей уже в течение 180 лет колониального периода, а многие из них целенаправленно изучали опыт многочисленных форм договорного правительства, в разное время создававшихся в рамках традиции [6, p. 5].

Таким образом, в основе современной федеративной традиции лежит достаточно богатая и разветвленная мифология религиозного и светского характера. Мэйфлауэрское соглашение и создание Конституции США 1787 г. отцами-основателями, составляющие важнейшие мифологические образования, связанные с принципом федерализма, расцениваются как проявления глубокой мудрости устроителей американского общества и выражают длительный опыт исторического развития федеративной традиции. Мэйфлауэрское соглашение олицетворяет собой развитие «федеральной теологии» периода Реформации, выдвинувшей альтернативу централизованному иерархическому европейскому государству в виде автономных религиозных общин, образуемых и взаимодействующих на договорной основе. Принципиальным было положение о непосредственном подчинении таких религиозных общин высшим силам, выведившее их из структуры политической иерархии и суверенитета национального государства. Будучи перенесенной в североамериканские колонии, модель основанной на договоре религиозной общины получила дальнейшее развитие, став базой для формирования политических сообществ (поселений) и их объединений. Миф об отцах-основателях, акцентирующий мудрость и дальновидность создателей конституции 1787 г., фактически аккумулировал результаты развития федеративной традиции в течение 180 лет колониальной предыстории США. Длительная историческая практика заключения религиозных

и светских соглашений для образования церковных общин и политических сообществ, а также их территориальных объединений, позволила накопить достаточный опыт применения федеративного принципа, развить наиболее актуальные формы его реализации, постепенно идти к организации политико-территориальных объединений все более высокого уровня. Именно на ранних этапах существования федеративной традиции были заложены черты характерного для нее мировоззрения, впоследствии нашедшие выражение в ряде принципов, ценностей и идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фридман, Л. Введение в американское право / Л. Фридман. – М. : Прогресс, 1992. – 285 с.
2. Allen, Barbara. Alexis de Tocqueville on the Covenanted Tradition of American Federal Democracy // *Publius*. – 1998. – Vol. 28, № 2 (Spring). – P. 1–23.
3. Elazar, Daniel J. Exploring federalism / Daniel J. Elazar. – Tuscaloosa AL: University of Alabama Press, 1987. – 352 p.
4. Hueglin, Thomas. Johannes Althusius: Medieval Constitutionalist or Modern Federalist // *Publius*. – 1979. – Vol. 9, № 4 (Autumn). – P. 9–41.
5. Lutz, D. S. The origins of American Constitutionalism / Lutz Donald S. – Baton Rouge, 1988. – 178 p.
6. McCoy, Charles S. Federalism: The Lost Tradition? // *Publius*. – 2001. – Vol. 31, № 2 (Spring). – P. 1–14.
7. Morey, William C. The Sources of American Federalism // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1895. – Vol. 6 (Sep.). – P. 1–30.
8. Morgan, E. S. Puritan Political Ideas / Edmund S. Morgan. – Indianapolis, 1965. – 404 p.
9. Ostrom, Vincent. Hobbes, Covenant, and Constitution // *Publius*. – 1980. – Vol. 10, № 4 (Autumn). – P. 83–100.
10. Smith, A. D. The cultural foundations of nations: hierarchy, covenant, and republic / Anthony D. Smith. – Malden, 2008. – 264 p.
11. Witte, John Jr. Religion ant the American constitutional experiment: essential rights and liberties / John Jr. Witte. – Boulder, 2000. – 385 p.

REFERENCES

1. Friedman L. *Introduction to American law*. M: Progress Publ., 1992. 285 p.
2. Allen, Barbara. Alexis de Tocqueville on the Covenanted Tradition of American Federal Democracy. *Publius*, 1998, vol. 28, no. 2 (Spring), pp. 1–23.
3. Elazar, Daniel J. *Exploring federalism*. Tuscaloosa, 1987. 352 p.
4. Hueglin, Thomas. Johannes Althusius: Medieval Constitutionalist or Modern Federalist. *Publius*, 1979, vol. 9, no 4 (Autumn), pp. 9–41.

5. Lutz, Donald S. *The origins of American Constitutionalism*. Baton Rouge, 1988. 178 p.
6. McCoy, Charles S. Federalism: The Lost Tradition? *Publius*, 2001, vol. 31, no 2 (Spring), pp. 1–14.
7. Morey, William C. The Sources of American Federalism. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1895, vol. 6 (Sep.), 1–30.
8. Morgan, Edmund S. *Puritan Political Ideas*. Indianapolis, 1965. 404 p.
9. Ostrom, Vincent. Hobbes, Covenant, and Constitution. *Publius*, 1980, vol. 10, no 4 (Autumn), pp. 83–100.
10. Smith, Anthony D. *The cultural foundations of nations: hierarchy, covenant, and republic*. Malden, 2008. 264 p.
11. Witte, John Jr. *Religion ant the American constitutional experiment: essential rights and liberties*. Boulder, 2000. 385 p.

Федоров Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета РФ, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва. E-mail: 1956af@mail.ru

**КОНВЕНЦИЯ ОЭСР ПО БОРЬБЕ
СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ КАК ЧАСТЬ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ
СТАНДАРТОВ ОЭСР В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся реализации антикоррупционных стандартов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области уголовного права в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

Исследуются проблемные аспекты криминализации обещания и предложения взятки в российском уголовном законодательстве, а также проводится юридическая грань между посредничеством во взяточничестве и обещанием и предложением взятки вне зависимости от суммы взятки. Акцентируется внимание на том, что установленные российским законодателем дискреционные полномочия судов в части изменения категории преступления нарушают конституционный принцип разделения властей.

В рамках проведенного компаративистского анализа Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении междуна-

родных коммерческих сделок и специальных норм Уголовного кодекса (УК) РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, обосновывается необходимость регулятивного расширения предмета взятки в российском уголовном и административном законодательстве за счет указания на нематериальные блага. При этом отмечается, что расширение предмета взятки через незаконные преимущества неимущественного характера закономерно повлияет на изменение классификации и категоризации преступлений коррупционного характера, а как следствие – возникает потребность выработки юридических критериев оценки взятки неимущественного характера.

В рамках сравнительно-правового анализа норм Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и УК РФ также затрагиваются вопросы оптимизации сроков давности в отношении коррупционных преступлений по уголовному законодательству России и специальных обстоятельств, исключающих уголовную ответственность за коррупционные преступления, а также рассматриваются проблемные аспекты пропорциональности штрафов в зависимости от суммы взятки и сложности оказания международной помощи в случаях подкупа иностранных должностных лиц.

Ключевые слова: Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, антикоррупционные стандарты, коррупция, взяточничество, подкуп, международный договор, правовая система, источники уголовного права, обещание и предложение взятки, уголовно-правовой запрет.

Alexander V. Fedorov, Cand. Sci. (Law), Professor, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow. E-mail: 1956af@mail.ru

**THE OECD ANTI-BRIBERY CONVENTION AS PART
OF THE RUSSIAN FEDERATION LEGAL SYSTEM,
AND IMPLEMENTATION OF THE OECD
ANTI-CORRUPTION STANDARDS IN RUSSIAN
LEGISLATION: ASPECTS OF CRIMINAL LAW
AND CRIMINAL POLICY**

The article deals with issues regarding implementation of the Organization for Economic Co-operation and Development's (OECD) anti-corruption standards in criminal law in connection with accession of the Russian Federation to the 1997 OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions.

The article reviews the problematic aspects of the criminalization of promises and bribe offers in the Russian criminal law and draws a legal distinction between mediation in bribery and the bribe promise and bribe offering regardless of the bribe amount. Attention is drawn to the fact that under Russian legislation discretionary powers of the courts in terms of changing the category of crime violate the constitutional principle of separation of powers.

Comparative analysis of the Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions and the special provisions of the Criminal Code, stipulating the liability for corruption offenses, shows the necessity of regulatory extension of the object of bribe in the Russian criminal and administrative legislation by reference to intangible benefits. It is noted that the expansion of the bribe object into illegal non-material benefits will naturally change the classification and categorization of corruption-related crimes, and as a result will bring a need for developing criteria for legal assessment of non-material bribes.

A comparative legal analysis of the norms of the Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions and the Penal Code also involves addressing to the optimization of the limitation period in respect of corruption offenses under the Russian criminal law and special circumstances precluding criminal responsibility for corruption crimes; the article also discusses problematic aspects of the proportionality of penalties depending on the amount of the bribe and the complexity of international assistance in the cases of bribery of foreign public officials.

Keywords: Organization for Economic Co-operation and Development, OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions, OECD anti-bribery standards, corruption, graft, bribery, international treaty, legal system, sources of criminal law, criminal law prohibition, promise and offer of bribe.

In the contemporary world, development of national laws is increasingly influenced by international treaties. In the epoch of globalization, this influence extends over all states of the world, our country being no exception, whose inclusion in worldwide processes on the basis of international treaties is reflected in the Constitution of the Russian Federation.

Pursuant to Article 15 of the Constitution, international treaties of the Russian Federation form a constituent part of its legal system, and if an international treaty establishes rules different from those envisaged by law, then the rules of the international treaty shall be applied.

Due to that, legislative and law enforcement authorities often encounter issues concerning application of international acts' norms.

We deem it expedient to consider some of those issues by the example of implementation in Russian criminal law of provisions of the Organisation for

Economic Co-operation and Development's (OECD) Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions of 1997 [1] (hereinafter referred to as «the OECD Convention», or «the Anti-Bribery Convention») to which the Russian Federation acceded in 2012 [2].

Under the Constitution, that international treaty has been recognized as a constituent part of the Russian legal system which, according to a definition developed by legal theory, represents a set of generally binding norms, legal ideology and judicial (juridical) practice [3, c. 47–48].

But may this OECD Convention be viewed as a source of Russian criminal law?

For quite a long time, in domestic criminal law science, a thesis prevailed pursuant to which a criminal statute constitutes the only source of criminal law. In our view, that thesis should not be questioned today either, when we mean laying down normative regulations of criminal law's subject matter in the part touching criminalization and penalization, i.e. establishing criminality of and penalty for an act.

But if we take into account the Constitution's provisions relating to criminal law, and issues of law enforcement in view of existence of blanket dispositions and use of judgemental terms in criminal law, as well as the influence of judicial practice on law enforcement [4], it is possible to suggest a broader understanding of sources of criminal law, when under certain circumstances, an international treaty is recognized as such a source. In this regard, it is expedient to distinguish between sources of criminal law in a narrow and a broad sense.

The Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as «CC») sets forth a narrow understanding of a criminal law source. Pursuant to Article 1 CC, Russian criminal legislation consists of CC, and new statutes providing for criminal liability shall be subject to mandatory incorporation in CC which is based, *inter alia*, on international law norms.

Thus, in the sphere of criminal law, norms of international conventions may not be applied directly, it is required that they are incorporated, through national law, into CC, which is consistent with both the classical Roman rule «*nullum crimen sine lege*» (no crime without law), and the Constitution of the Russian Federation whose Article 71 stipulates that a person becomes criminally responsible who has committed an act containing all elements of a criminal offence envisaged in CC.

That circumstance was underlined in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 2003 on Application of Universally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation by Courts of General Jurisdiction [5; 6] explaining that international treaties, whose norms establish elements of criminally punishable acts, may not be applied by courts directly, since such treaties indicate the states' duty to ensure fulfillment of obligations laid down therein by way of establishing punishability of particular criminal offences in domestic (national) law.

International law norms envisaging elements of crimes, are applied as such only if a CC norm directly requires application of an international treaty*.

The CC articles establishing liability for giving a bribe to a foreign public official, accepting thereof by the latter and mediation in such bribery (Articles 290, 291 and 291¹ CC), do not contain any references to international treaties. Moreover, the OECD Convention itself contains provisions, under which offences covered by it, are criminalized and penalized in accordance with a country's domestic law.

The above considerations provide a basis for some scholars to view such international treaties as a source of influence on development of Russian criminal law [7], which is, in our opinion, unquestionable, including instances when an international treaty lays down criminal prohibition of certain conduct.

There are many interpretations of a criminal law prohibition, but the classical approach is to understand thereby the conduct proscribed by criminal law under penalty, i.e. a legal characteristic of a socially dangerous act, the setting out of its elements in criminal law [8, c. 5].

Incorporation of criminal prohibition defined by international treaty's norms, into national law is of paramount significance in the system of legal regulations of social relations in conditions of globalization, when certain unification of national legislations takes place, including that connected with minimization of specifics of individual national legal systems.

This is confirmed explicitly by the process of the Russian Federation's accession to the OECD Anti-Bribery Convention and subsequent implementation of its provisions by the Russian Federation as well as by other countries [9].

Although under the Constitution, the OECD Convention is a constituent part of the legal system of the Russian Federation, it cannot be applied directly, since its requirements are complied with by way of enacting norms of national law [10]. In particular, this regards determination of elements of relevant criminal and administrative offences.

Under the OECD rules, prior to receipt of this organization's invitation to accede to the OECD Anti-Bribery Convention, a particular state should bring its legislation in line with the main anti-corruption standards representing requirements in respect of national laws and practice of their application, recognized by the parties to that international treaty and subject to mandatory implementation laid down in the Convention, Commentaries thereon, as well as in numerous recommendations adopted by the OECD [11, c. 532–555].

* Например, ст. 355 УК РФ устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсического, а также другого вида оружия массового уничтожения, запрещенного международным договором Российской Федерации (Article 355 CC sets forth responsibility for developing, manufacturing, stockpiling, acquisition or sale of chemical, biological, toxic and other types of weapons of mass-destruction banned by an international treaty of the Russian Federation).

Among those standards are the establishment, with regard to natural persons, of criminal liability for bribery of foreign public officials and officials of a public international organization, and with regard to legal entities – of criminal or administrative liability for such bribery, the definition in national law of a «foreign public official» as well as «an official of a public international organization», and some others.

Based on those standards, in 2008–2012 in the Russian Federation, the necessary amendments were introduced into law.

In particular, the CC establishes responsibility for bribery of foreign public officials, and a note to Article 290 CC contains a definition of «a foreign public official» and «an official of a public international organization», and there was introduced administrative responsibility of legal entities for corruption-related offences.

Amendments to the legislation were introduced taking into account the preamble of the Commentaries on the OECD Convention adopted by the conference of authorized representatives together with the Convention and actually constituting its integral part, pursuant to which, to ensure a functional equivalence to Convention's provisions of the measures taken by a candidate country for accession, it is not required to achieve uniformity with this international treaty's provisions or introduce changes in fundamental principles of national legal systems.

For instance, as a rule, in the OECD member states there is a criminal liability of legal entities for bribery [12], but at the same time some of them permit establishing of administrative liability of legal entities for international bribery. Irrespective of the chosen liability type, whether criminal or administrative, the major type of penalty is a fine, sometimes amounting to millions of dollars.

In a showcase, German authorities, for the proved bribes by the «Siemens» company in Lithuania, Russia and Nigeria totaling EUR 12 million, imposed a USD 201 million administrative fine on that firm. Pursuant to a civil complaint, Siemens paid to the U.S. Securities and Exchange Commission USD 350 million, and another USD 450 million in criminal proceedings of the U.S. Department of Justice. Other compensatory payments added, the corruption-related violations had cost that company USD 1.180 billion [13, c. 16–17].

Such a financial mechanism of countering corruption has a sobering effect on market players.

The effectiveness of measures taken in the countries party to the OECD Convention to combat bribery of foreign public officials, and related to the making legal persons responsible, is attested to by the following data for 2010.

In 2010, Parties to the Convention brought criminal charges of bribery of foreign public officials against 26 individuals (14 in Germany, 8 in the United States, 2 in the United Kingdom, 1 in Switzerland and 1 in France) and 10 legal entities (7 in the United States, 2 in Germany, 1 in the United Kingdom); admin-

istrative charges were brought against 12 individuals (8 in the United States, 4 in Germany) and 17 legal entities (all of them in the United States) [14; 15].

In the Russian Federation, it has been recognized as expedient to implement the concept of legal persons' administrative liability only. Pursuant to the Federal Law of 25 December 2008, for the first time in the Russian legislative history, Article 19.28 of the Code of Administrative Offences (hereinafter referred to as "CAO") introduced legal persons' liability for corruption offences [16].

In 2011, a new version of that article was adopted [17], providing for the maximum sentence of an administrative fine on legal entities in the amount of up to a hundredfold sum of the bribe (of money, value of securities, other property, property-related services, other proprietary rights illegally transferred or rendered, as well as promised or offered on behalf of a legal entity).

The evolving Russian judicial practice, like the OECD anti-corruption standards, is based on the principle that imposition of liability measures on a legal entity for corruption offences does not exempt from responsibility the individual who acted on behalf or in the interests of the legal entity, as well as making an individual liable does not relieve a legal entity of responsibility for a corruption-related offence.

Besides, in case of relief of responsibility in respect of an individual, a legal entity may be made administratively liable and *vice versa*.

That approach is not only set out in law, but acknowledged by decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as well*.

Implementation of the rest of the anti-corruption standards is permissible after a state has already acceded to the OECD Anti-Bribery Convention and the international treaty has entered into force for that state**. The respective work is currently underway in the Russian Federation. And a certain time span is re-

* Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2012 г. 3 674-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Добрынина Дмитрия Станиславовича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Корпорация «ГРИНН» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 11, 2012 No. 3674-О «to refuse to accept complaints from citizen Dmitry Dobrynin Stanislavovitch violation of his constitutional rights provisions of Part 1 of Article 30.1 of the Code of Administrative Offences» and the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 2012 No. 2360-О «To refuse to accept complaints from the closed joint-stock company Corporation "Green" the violation of constitutional rights and freedoms of Article 19.28 of the Code of Administrative Offences»).

** Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. (The Convention entered into force for the Russian Federation on April 17, 2012).

quired in order to ensure conformity of CC provisions with the OECD Convention, such time span being, by all appearances, a considerably long one [17]*.

Under the OECD procedure, as soon as a country has acceded to the Convention, the course of its implementation of anti-corruption standards reflected in the Convention and the OECD acts connected thereto, is examined in the framework of a special Working Group.

During the evaluation of implementation of the OECD Anti-Bribery Convention by the States Parties thereto, the key issue concerns the compliance of national law with this international treaty's provisions and the effectiveness of application of domestic anti-corruption legislation. Such an evaluation is conducted in several phases.

Following the results of phases 1 and 2 evaluation of Russian legislation, some criminal law recommendations have been adopted.

In view of these recommendations, one can single out such main directions of amending criminal law, in order to implement the conventional obligations, as:

- criminalization of a promise and offer of a bribe as separate completed criminal offences;
- criminalization of the promising and offering of a bribe, as well as of mediation in bribery, regardless of the definition of gravity of a crime and the amount of the bribe;
- criminalization of promising, offering or giving improper non-property advantages to a foreign public official;
- establishment of statute of limitations sufficient for investigation and prosecution of bribery of foreign public officials;
- repeal of criminal law provisions allowing to relieve perpetrators of responsibility for bribery of foreign public officials;
- full criminalization of bribe-taking by a third person;

* Реализация в национальном законодательстве положений международных конвенций достаточно часто осуществляется поэтапно. Например, РФ как государству – продолжателю СССР для полной реализации положений Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. потребовалось более 20 лет. Об этом см.: Федоров А. В. Реализация в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков конституционного положения о признании международных договоров составной частью российской правовой системы // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений. Ч. I: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). М. : ИПК СК РФ, 2013. С. 9–17. (Implementation in domestic law of international conventions' provisions is often done phase-by-phase, depending on existing conditions. Eg, it took the Russian Federation as a state-successor of the Soviet Union over 20 years to fully implement the provisions of the 1961 Single Convention on Narcotic Drugs. See on this: Fedorov A. V. Implementation in the field of combating drug trafficking constitutional provisions recognizing the international treaties part of the Russian legal system // The Constitution of the Russian Federation as a guarantor of the rights and freedoms of man and citizen in the investigation of crime Part I: proceed. of the Intern. sci. conf. (Moscow, November 14, 2013). Moscow : IPK RF IC, 2013. P. 9–17).

- ensuring proportionality of fines;
- ensuring criminal law grounds for rendering legal assistance on cases of bribery of foreign public officials, and some other decisions of criminal law nature.

The doubts expressed by the experts as to consistency of the Russian criminal legislation with the Convention's standards, as well as the recommendations on improvement of Russian legislation prepared by the OECD on the basis of their conclusions, should be subject to scrutiny [19; 20], taking into consideration, *inter alia*, other countries' experience in reforming criminal law.

1 Criminalization of the promising and offering of a bribe as separate substantive offences

The OECD Anti-Bribery Convention views bribery as offering, promising or giving improper advantages to a foreign public official.

At first blush, issue of criminalization of promising and offering a bribe in the Russian Federation was resolved a long time ago by way of defining stages of commission of a criminal offence – preparations for a crime and an attempted crime.

According to Article 30 CC, the looking for, manufacturing, or adapting by a person of means or instruments for committing a crime, looking for accomplices for a crime, the conspiracy to commit a crime, or any other intentional creation of conditions to commit a crime shall be deemed preparations for a crime, if the crime has not been completed due to the circumstances outside the control of this person. A person's intentional actions (inaction) directly aimed at the commission of a crime, shall be deemed to be an attempted crime, if the crime has not been completed due to the circumstances beyond the control of this person.

Besides, with regard to the situation under review, the notions of «offer» and «promise» are not, in our opinion, equivalent to the notions of «preparation» and «attempt».

In Russian research works on the OECD Anti-Bribery Convention, the offering and promising of a bribe are usually treated as a communication by a person of his readiness to give a bribe. Not in all events, having regard to particular circumstances of a case, such a communication may be considered as preparations for a crime. In Russian criminal law, communications of that kind can, under certain circumstances, be regarded either as the revealing of intent, which does not constitute such a stage of crime commission, or as preparations for a crime.

This is acknowledged by judicial practice. In para. 14 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2013 No. 24 on Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption-Related Crimes [21] it is expounded that «the promising or offering to transfer [...] an illegal remuneration for carrying out actions (inaction) in office should be considered as intentional creation of conditions for commission of respective corruption crimes in the event, when the intention to transfer [...] a bribe or subject of commercial bribery expressed by

the person, was directed at informing other persons thereof with the aim of giving them [...] valuables, as well as in case the said persons reach agreement».

It follows from that interpretation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, that the promising and offering are considered as intentional creation of conditions for commission of a crime, which allows to consider those acts as the respective stage – preparations for commission of a crime – under certain conditions only.

As opposed to the Russian legislation, the OECD Anti-Bribery Convention handles the promising and offering to give a bribe as a complete crime.

Under the OECD Anti-Bribery Convention, a promise is not a communication of the readiness to give a bribe, but it is a situation in which a bribe-giver comes to agreement with a foreign public official on the bribe-giving (e.g., when a bribe-giver gives his consent to a foreign public official's request for a bribe). That is, the promise implies the existence of an agreement between the bribe-giver and the bribe-taker, whereas the offer is considered as a communication of the readiness to give a bribe and does not premise the existence of a respective agreement with the potential bribe-taker.

The carried out analysis demonstrates that due to the described circumstances one can ascertain the difference of Russian criminal law from the standards of the OECD Anti-Bribery Convention, which will further require introducing amendments into CC, because Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention sets out that each state party to this Convention shall take such measures as may be necessary to establish that it is a criminal offence, intentionally to offer, promise or give any undue advantage to a foreign public official.

As regards legislative drafting and content, this is quite feasible. Lawmakers already recognize as a complete crime some acts which are preparations for a crime in their nature.

For example, collecting information comprising state secrets with the aim of transferring it to a foreign intelligence agency is, in its essence, preparation for a crime. Nevertheless, the law recognizes such acts as a complete crime in Article 276 CC which defines «espionage» as transfer, or collection, or theft, or keeping for the purpose of transfer to a foreign state, or international or foreign organization or their representatives, of information constituting a state secret.

It is possible to apply that approach also to criminalization of the offering, promising, and giving (providing) a bribe to a foreign public official.

Proceeding from the foreign countries' experience, there are two practicable options. The first option, retaining the established Russian practice, is when one and the same article provides for responsibility for bribery of both domestic and foreign public officials. The second one is when the responsibility for bribery of domestic and foreign public officials is set forth in different articles.

Each of these options has its advantages and disadvantages, but, having regard to the purpose of ensuring the comprehensive conformity of Russian crimi-

nal law with the OECD Anti-Bribery Convention, the second option appears preferable.

It is also possible to use the terms «offer» and «promise», as they are used in Article 291¹ (5) CC establishing liability for «promising or offering mediation in bribery», and in Article 19.28 CAO «Illegal Gratuity on behalf of Legal Entity» establishing liability for illegal «offering or promising on behalf or in the interests of a legal entity [...] to a foreign public official or official of a public international organization, of money, securities, other property, rendering him services of proprietary nature».

Some authors have already formulated concrete proposals on amendments to criminal law in this regard.

For instance, V. Maltsev, while not specifying what public officials are meant (whether domestic, or also foreign, public officials and officials of a public international organization), points out that it is necessary to establish criminal liability for «offering to accept or give a bribe», because «it is illogical under law to punish intermediaries for offering assistance in the giving or accepting of a bribe, whereas not imposing the responsibility on the persons who directly offer to give or accept it» [22, c. 34–35].

In view of that he has drafted a new CC article «Offer to Give or Accept a Bribe» formulated as follows:

«An offer to give a bribe to a public official or offer to accept a bribe of such a person in a significant amount, shall be punishable by a fine of fifteen- to seventy-fold amount of the bribe, with deprivation of the right to occupy certain posts or engage in certain activity for a term of up to three years, or by compulsory works for a term of up to two years» [22, c. 35].

From our standpoint, the proposed disposition of a new CC article may not be supported. Firstly, it sets forth criminalization of bribe-offering only and still does not concern the criminal offence of bribe-promising. Secondly, as was pointed out, it remains unclear, what public officials are meant – whether just domestic, or also foreign ones. Thirdly, the term «offer to accept a bribe of such a person» is hardly intelligible.

2 Criminalization of promising and offering a bribe, and of mediation in bribery irrespective of the definition of gravity of a crime and the amount of the bribe

Pursuant to Article 30(2) CC, criminal responsibility shall ensue only for preparations to commit a grave crime, i.e. punishable by the minimum penalty exceeding a five-year deprivation of liberty.

At the same time, under Article 291(1) CC, giving a bribe to a foreign public official or official of a public international organization, directly or through an intermediary, is punishable by deprivation of liberty for a term of up to two

years, and under Article 291(2) CC, the same acts committed in a significant amount*, are punished by deprivation of liberty for a term of up to three years.

Thus, preparations for giving a bribe to a foreign public official or official of a public international organization, whether directly or through an intermediary, in the amount less than significant, is not recognized as a crime in the Russian Federation, which contradicts Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention that contains no limitations on a graft amount.

This also applies to mediation in bribery. The OECD Anti-Bribery Convention necessitates criminalization (recognition as a criminal offence) of bribery of foreign public officials, whether directly or through intermediaries, stating that complicity in, including incitement, aiding and abetting, or authorisation of an act of bribery of a foreign public official shall be a criminal offence.

Thus, it follows from the OECD Anti-Bribery Convention that bribery can be committed in two forms: directly (when bribery is committed by the bribe-giver himself) or indirectly (when bribery is committed by the bribe-giver through an intermediary).

Under Russian law, the notion of «mediation in bribery» is defined in Article 291¹ CC, pursuant to which the mediation in bribery is a direct transfer of a bribe on the instructions of the bribe-giver or bribe-taker, or other facilitation for the bribe-giver and/or bribe-taker in order to achieve or implement an agreement between them on the accepting and giving of a bribe.

At the same time, juxtaposition with the OECD Anti-Bribery Convention's provisions calls into question the sufficiency of Article 291¹ in its current version for implementation of the anti-corruption standards set out in this Convention.

The OECD Anti-Bribery Convention defines a «subject of bribe» as any undue pecuniary or other advantage offered, promised or given. The monetary value of the subject of bribe does not matter for recognition of a respective act as a criminal offence.

Consequently, mediation in any bribery, regardless of the monetary value of its subject, should be recognized as a criminal offence.

At the same time, Article 291¹ CC establishes the responsibility for mediation in bribery in a significant and larger amounts only, which raises questions as to compliance of such an approach with the OECD Anti-Bribery Convention.

Besides, pursuant to Article 30(2) CC, criminal liability may ensue only for preparations to commit a grave crime, i.e. punishable by the minimum penalty exceeding a five-year deprivation of liberty.

* Значительным размером взятки в настоящей статье признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 25 000 рублей (A significant amount of bribe in this Article is deemed the sum of money, value of securities, other property, services of a property nature, other proprietary rights exceeding RUB 25,000).

Therefore, it is concluded that the mediation in preparations to give a bribe – for the bribery of a foreign public official, when such an act falls under elements of crimes envisaged by Article 291(1), (2) CC and does not belong to the category of grave crimes, will not be recognized as a criminal offence, which may be regarded as a contradiction to Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention that imposes no limitations on a graft amount.

Apart from that, Article 291¹(5) CC, whereas prescribing criminal liability for promising or offering the mediation in bribery, does not specify its amount. At the same time, considering Article 291¹(5) CC in conjunction with Article 291¹(1) CC allows to make an unequivocal conclusion to the effect, that also in this case the responsibility ensues only starting at a significant amount.

Otherwise, there would be a ridiculous situation – whereas the mediation in bribery in a less significant amount is not punishable, the promising or offering of such a mediation were punished.

The above shows, that in order to secure a strict, literal adherence to the OECD Anti-Bribery Convention, it is necessary to introduce amendments to CC repealing the provision on triggering the responsibility in the described situations only at the level of a significant amount of a bribe.

As was mentioned above, under Article 30(2) CC criminal liability ensues only for preparations to commit a grave crime.

It is necessary to take into account, that the Federal Law of 7 December 2011 No. 420-FZ on Introducing Amendments to CC and Certain Legislative Acts of the Russian Federation [23] supplemented a new paragraph to Article 15 CC determining categories of crimes, under which «depending on the actual circumstances of the crime and degree of its social danger, a court is entitled, where there are mitigating circumstances and there are no aggravating circumstances, to change the category of the crime to a less grave one, but by no more than one category» (Article 15(6) CC). That norm has not been understood clearly not only by foreign experts, but by Russian lawyers too [24], owing to the possibility of using it to discharge from liability persons who have committed preparations for a grave crime.

There also arises an issue of such norm's compliance with the RF Constitution, since it can be assessed as violating the constitutional principle of division of powers. The normative determination of crime categories (their gravity) falls into the legislative power's domain, and the question of to what extent legitimate is the lawmakers' decision to vest the judiciary with the right to change, at its own discretion, the crime category to a less grave one, is controversial.

3 Criminalization of promising, offering or giving improper non-property advantages to a foreign public official

Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention sets out, *inter alia*, that each state party to this Convention shall take such measures as may be necessary

to establish that it is a criminal offence, intentionally to offer, promise or give any undue advantage to a foreign public official.

Under the Russian legislation in force, a subject of bribe may be «money, securities, other property, or illegal provision of services of a proprietary nature, or granting of other property rights» (Article 290 CC). Analogous is the definition of the subject of an unlawful remuneration on behalf of a legal entity in Article 19.28 CAO.

The Russian judicial practice also assumes, that a subject of bribery may be of a «property nature» only. This was pointed out in para. 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2013 No. 24 on Courts' Practice in Cases of Bribery and other Corruption-Related Crimes, expounding that a subject of bribery and commercial bribery may be, along with money, securities, other property, also illegal provision of services of a proprietary nature and granting property rights. By «illegal provision of services of a proprietary nature», courts should understand the rendering to a public official as a bribe of any property-related advantages, including the release from property obligations, and by «property rights», a right to a property, including a creditor's right of claims, as well as other rights measurable in monetary terms, e.g., an exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization equivalent to them.

According to the said Resolution of the Plenum of the RF Supreme Court, «the property transferred as a bribe or subject of commercial bribery, services of a property nature rendered, or property rights granted should be assessed in monetary terms on the basis of evidence adduced by parties, including, if necessary, with consideration of an expert's opinion».

Thus, there is an obvious difference between the definitions of a «subject of bribery» in Russian criminal law and in the OECD Anti-Bribery Convention.

The OECD Anti-Bribery Convention defines a subject of bribe as an «undue (improper) advantage», while under this Convention, such an advantage may be both material (having a monetary valuation) and non-material (not having a monetary valuation). Pursuant to para. 7 of the Commentaries on the Convention, bribery of a foreign public official is a criminal offence irrespective of the value of the improper advantage obtained by him.

The OECD publications mention the following examples of services of a non-material nature: sexual services; a place in a charge-free school for a public official's child; granting of a copyright; membership in an elite club; appointment to a political post; promotion.

Taking into account the OECD Anti-Bribery Convention's provisions and the difficulties often arising at classifying bribery, when it is impossible to determine a monetary valuation of the subject of bribe, it is appropriate to make amendments to CC and CAO, extending the notion of a «subject of bribe (bribery, remuneration)» to non-material advantages (benefits of a non-pecuniary nature).

It is rather complicated to prove the fact of offering, promising or giving non-material advantages (benefits), but it is no excuse to deny qualifying an act as bribery (bribe-giving), when the subject of bribery is a non-material advantage.

To assess the situation objectively, it is necessary to mention that a practice exists, when in case of a functionary performing an unlawful action or inaction in order to acquire non-material benefits for his personal gain, such a functionary may be made liable for abuse of public authority under Article 285 CC, whose disposition reads as follows:

«Use by a public official of his powers in violation of the interests of service, if this act has been committed out of mercenary or any other personal interest and involved a substantial violation of rights and lawful interests of citizens or organizations, or legally protected interests of society or the State».

The latest instance of the kind, from the Russian investigative practice, is when a head of a Ministry's unit facilitated the awarding of contracts to an educational institution, and the latter's administration secured receipt of good grades by his son studying at that higher educational institution.

A person, who has provided non-material benefits for the performance of an unlawful action or inaction, may be made responsible as an accomplice of the crime stipulated by Article 285 CC.

But this is, from our standpoint, a forced measure brought about by the lack of mentioning non-material subjects of bribe in the disposition of Article 291 CC.

And the said measure is only possible in relation to cases involving domestic functionaries, since perpetrators of the crime envisaged by Article 285 CC may be domestic public officials only.

Consequently, when a bribery of foreign functionaries takes place, the said approach to classifying the deed may not be applied.

The fact that abuse of public office may be committed out of mercenary (meaning material advantages) or other (meaning other – non-material benefits) personal interests, confirms, in our opinion, the possibility to include non-material advantages (benefits of a non-monetary nature) in the subject of bribe.

But it must be taken into account, that recognition as a subject of bribe of unlawful non-property advantages will require changing the approaches to determination of amounts of bribe, which constitutes the ground for classification of respective acts under Articles 291 and 291¹ CC:

- Article 291(1) CC (ordinary bribe-giving);
- Article 291(1) CC (bribe-giving in a significant amount), Article 291¹(1) CC (mediation in bribery in a significant amount);
- Article 291(4) CC (bribe-giving in a large amount), Article 291¹(3) CC (mediation in bribery in a large amount);
- Article 291(5) CC (bribe-giving in an especially large amount), Article 291¹(4) CC (mediation in bribery in an especially large amount).

The basis for determination of the amount of bribe under Articles 290, 291 and 291¹ CC is the note to Article 290 CC, pursuant to which, with regard to these articles, a significant amount of a bribe shall be deemed to be a sum of money, the value of securities, other property, services of a property nature, other proprietary rights in excess of RUB 25,000, a large amount of bribe – in excess of RUB 150,000, an especially large amount of bribe – in excess of RUB 1 million.

It will be required to work out the criteria for determination of amounts of a bribe, whose subject is improper non-property advantages.

4 Establishment of statute of limitations sufficient for investigation and prosecution of bribery of foreign public officials

As was mentioned, under Article 291(1) CC, giving a bribe to a foreign public official or official of a public international organization, personally or through an intermediary, is punishable by deprivation of liberty for a term of up to two years, and under Article 291(2) CC the same acts committed in a significant amount, are punished by deprivation of liberty for a term of up to three years.

Those crimes are placed by Russian law into the category of crimes of little gravity, and the respective statute of limitations is two years after the commission of the crime.

Under Article 291(3) CC, giving a bribe to a foreign public official or official of a public international organization, personally or through an intermediary, for the performance of knowingly unlawful actions (inaction), is punishable by deprivation of liberty for a term of up to eight years, and this offence belongs to the category of grave crimes, whose statute of limitations is ten years after the commission of the crime.

Under Article 291(4) CC, the maximum penalty is 10 years imprisonment (grave crime), and under Article 291(5) – 12 years imprisonment (especially grave crime).

The OECD Anti-Bribery Convention (Article 6) requires that any statute of limitations applicable to the offence of bribery of a foreign public official shall allow an adequate period of time for the investigation and prosecution of this offence.

The OECD Anti-Bribery Convention does not make exceptions as to the requirement of establishing the statute of limitations sufficient for the investigation and prosecution depending on the amount of bribery (bribe), the material or non-material nature of the subject of bribe, as well as the fact, for what kind of actions (inaction) – knowingly unlawful or performed in accordance with law – the bribe is given.

Thus, the issue of sufficiency of statute of limitations in respect of bribery of foreign functionaries punishable under Article 291(1),(2) CC, should be examined, and depending on the outcome of such an examination, it will be concluded, whether amendments to Russian criminal law are required to apply the OECD anti-bribery standards, or not.

An extension of the statute of limitations is possible to accomplish in two ways: a) classical one, by way of increasing imprisonment terms for crimes stipulated by Article 291(1), (2) CC, and b) innovative one, through supplementing Article 291 CC with a note laying down a different statute of limitations for bribery of foreign functionaries, without changing the sanctions set forth in Article 291(1),(2) CC.

The issue of statute of limitations also pertains to the liability (in the Russian Federation currently, the administrative one) of legal entities for bribery of foreign public officials. Pursuant to Article 4.5 CAO, a resolution in a case of the administrative offence envisaged by Article 19.28 CAO «Unlawful Remuneration on behalf of a Legal Entity», may not be handed down upon expiration of six years after the commission of this administrative offence.

While assessing possible ways of amending Russian criminal law in the described portion with due account of the OECD anti-bribery standards, it must be borne in mind that the measures of penalty matter not for determination of statute of limitations only, but, based on the OECD anti-bribery standards, they must be severe, effective and proportionate enough to have a necessary dissuasive effect, as well as satisfy requirements on mutual legal assistance and extradition, because in some countries such requirements may be in place only in respect of cases of crimes punishable most severely (grave and especially grave crimes).

5 Removal of the circumstances allowing relief of liability for bribery of foreign functionaries, from criminal legislation

Currently, Article 291 CC «Bribe Giving» has a note, pursuant to which, «a person who has given a bribe shall be released from criminal responsibility, if he actively assisted in the solution and/or investigation of the crime, and either the bribe was extorted by the public official, or the person had, after the commission of the crime, informed voluntarily a body authorized to institute criminal proceedings, of the fact of the bribe-giving».

A similar note is also contained in Article 291¹ CC “Mediation in Bribery”, pursuant to which, «a person being an intermediary in bribery, is relieved from criminal liability, if after the commission of the crime, he actively assisted in the solution and/or suppression of the crime, and informed voluntarily a body authorized to institute criminal proceedings, of the fact of the mediation in bribery».

At the same time, the OECD Working Group on Bribery in International Business Transactions, proceeding from systematic interpretation of the OECD Anti-Bribery Convention, considers that such notes are not consistent with the Convention.

Firstly, for criminalization of bribery of a foreign public official, it does not matter, whether the bribe was solicited by the bribed foreign functionary, or not.

Secondly, active repentance (when the bribe-giver has actively assisted in the solution and/or investigation of the crime, or after the commission of the

crime informed voluntarily a body authorized to institute criminal proceedings, of the fact of the bribe-giving) already takes place after the crime has been committed, and may be considered, with respect to bribery of a foreign public official, only as a circumstance mitigating punishment.

In the Russian Federation, Article 61 CC sets forth among the circumstances mitigating punishment, the following: voluntary surrender and confession; active assistance in the solution and investigation of the crime, the exposure and prosecution of other accomplices in the crime, the search for property obtained through the crime.

The Working Group's arguments are understandable, but not undisputable. The inclusion of the aforementioned notes to Articles 291 and 291¹ CC is determined by the fact, that corruption is a latent crime that is very difficult to detect. The release from responsibility fosters the situations, when bribe-givers inform of crimes committed by them, and actively participate in the exposure and bringing to justice of bribe-takers.

In view of the above, the issue of removal from criminal law of the circumstances set forth in the notes to Articles 291 and 291¹ CC, allowing to relieve of responsibility for bribery of foreign functionaries those who assisted in their exposure, requires additional scrutiny and approval with the Working Group.

6 On bribe-taking by a third person

The Working Group's members still have doubts on Russian legislation's consistency with the OECD Anti-Bribery Convention's provisions in some other aspects. For instance, in the criminalization of a bribe accepted by a third person.

It follows from the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2013 No. 24 on Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption-Related Crimes, that the responsibility for bribery may arise, when for the performance by a public official of respective actions (inaction) in office, a property is transferred, property rights are granted, services of a property nature are rendered not only to him personally, but his relatives and close persons as well.

At the same time, Article 291 CC envisages liability for giving a bribe to a foreign public official, and is silent on the circumstance that a bribe may be given in favour of a third person.

Therefore, OECD experts have expressed an opinion, that under certain circumstances, the construction given by the Supreme Court of the Russian Federation on a bribe in favour of relatives and close persons of the bribe-taker may be viewed as a broad interpretation of law, and to avoid such a situation, it is appropriate to amend the law itself.

Besides, they indicate, that pursuant to the requirements of Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention, each State Party thereto shall take such measures as may be necessary to establish that it is a criminal offence under its

law intentionally to offer, promise or give any undue advantage to a foreign public official, for (in favour of) that official or for a third party (any person). The term «a third person» is broader than the term «relatives and close persons», and therefore the OECD Anti-Bribery Convention criminalizes a broader range of acts than CC does.

Moreover, para. 23 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2013 No. 24 on Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption-Related Crimes contains two very important interpretations pertaining to the evaluation of CC's conformity with the OECD Anti-Bribery Convention's provisions.

The first interpretation: «If for the performance by a public official of actions (inaction) in office, a property is transferred, proprietary rights are granted, services of a property nature are rendered neither to him personally nor to his relatives and close persons, but knowingly to other persons, including legal ones, and the public official, his relatives or close persons do not receive proprietary benefits therefrom, the act committed may not qualify as a bribe-taking (e.g., acceptance by the head of a state or municipal institution of a sponsorship support to facilitate this institution's activity, in return for the performance by him of actions in office in favour of the persons who have provided such a support). In case of respective grounds, a public official's actions may qualify as the abuse of public authority or exceeding of public authority».

This interpretation leads to an explicit conclusion. Given that a foreign public official may not be a subject of crimes envisaged by Article 285 CC (abuse of public authority) and Article 286 CC (exceeding public authority), a person who has provided proprietary benefits to a foreign public official for the performance of unlawful action or inaction, may not be made liable as an accomplice of the crimes envisaged by Articles 285 or 286 CC either. It goes without saying, that bribery as such in the described situation is out of the question.

This is underlined in the second interpretation, too, pursuant to which, «If a person who has transferred the property, granted proprietary rights, rendered services of a property nature for the performance by a public official of actions (inaction) in office, realized that the said valuables were not intended for unlawful enrichment of the public official, or of his relatives or close persons, then the act committed by him does not qualify as the crime envisaged by Article 291 or Article 291¹ CC».

Those interpretations are not consistent with the approaches set out in the OECD Anti-Bribery Convention, according to which a bribe, including an improper advantage, may be in favour of any third person beneficiary – natural or legal person, e.g. a political party.

7 On proportionality of fines

Under the OECD Anti-Bribery Convention, each Party thereto shall take such measures as may be necessary to provide that the bribe and the proceeds of

the bribery of a foreign public official, or property the value of which corresponds to that of such proceeds, are subject to seizure and confiscation or that monetary sanctions of comparable effect are applicable.

To implement this provision of the Convention, the Federal Law of 4 May 2011 No. 97-FZ on Introducing Amendments in CC and COA in connection with Improvement of State Management in the Field of Countering Corruption [25] introduced amendments to CC establishing several-fold amounts of a fine up to 100 fold amount of the bribe, but not exceeding RUB 500 million.

As a result, not only the amount of fines imposed on grafters went up, but also the frequency of application of this penalty to them increased significantly, with no considerable slump in imprisonments.

According to the data of the Department for Courts at the Supreme Court of the Russian Federation, while in 2010 a fine was imposed on 39 per cent of persons convicted for bribe-giving under Article 291 CC, in 2011 this penalty was already applied in 55 per cent of cases, and in 2012 – in respect of 86 per cent of defendants convicted for bribe-giving.

A similar situation has developed in the practice of application of a fine as a penalty under Article 290 CC for bribe-taking: in 2010 – 12,5%, in 2011 – 33,8%, in 2012 – 73,3 %.

Thus, while earlier an imprisonment and a fine were imposed on the smallest portion of bribe-offenders, and others were sentenced to other punishments, mostly suspended ones, now a fine has become the main liability measure. Moreover, forfeiture of the subject of bribe is also applied.

In view of the above, one may acknowledge the existence of the potential to ensure effective observance by the Russian Federation of the OECD Convention's provisions stipulating application of monetary sanctions that secure proportionate and dissuasive effect on potential bribe-offenders.

Nevertheless, Russian reality is that the potential is available, but its effect does not always ensue.

The evidence thereof is the recent report of the Prosecutor General to the President of Russia, according to which sentences in the form of fines imposed on natural persons, are almost not executed. As of 1 April 2013, there were at the Russian Federal Bailiffs' Service 1045 writs of execution of fines totaling RUB 19 billion, of which only RUB 19 million on 121 writs had been collected [26; 27].

Thus, the execution of sentences in the form of a fine, calculated as total, constitutes 1 per cent.

Apart from that, the issue of depriving the bribe-giver of unlawful benefits obtained by him as a result of the bribery, is not completely resolved.

In view of the described situation, one may conclude that, although the legislation's content conforms to the OECD Anti-Bribery Convention, its application may not be evidently recognized as consistent with the practice of implementation of this Convention.

8 On criminal law grounds of rendering international legal assistance in cases of bribery of foreign public officials

The OECD Anti-Bribery Convention contains provisions regarding mutual legal assistance (Article 9) and extradition (Article 10).

But, as pointed out in domestic scholarly research by A.G. Volevodz, there are obstacles of a criminal law nature for development of international cooperation in the said sphere, whose essence comes down to the following [28; 29].

At present, paragraphs 1–3 of Article 291 CC, as well as paragraphs 1 and 5 of Article cr. 291¹ CC, stipulating punishment involving deprivation of liberty, do not indicate lower limits of sanctions, confining themselves to indication of upper limits only:

- Article 291(1) CC – up to two years imprisonment;
- Article 291(2) CC – up to three years imprisonment;
- Article 291¹(1) CC – up to five years imprisonment;
- Article 291¹(5) CC – up to seven years imprisonment;
- Article 291(3) CC – up to eight years imprisonment.

The absence of indication of the lower limit of sanctions in the form of imprisonment, in some instances, constitutes an obstacle to international legal assistance in cases of the aforementioned category, including: extradition of persons accused of bribery; collection of evidence overseas by way of mutual legal assistance; prosecution abroad based on transfer of proceedings; compensation of inflicted damage, as well as eventual confiscation of property.

This follows from both Russian law and international treaties, to which the Russian Federation is party.

For instance, under Article 462 of the RF Criminal Procedure Code, the Russian Federation may, pursuant to an international treaty or on the basis of the principle of reciprocity, extradite a foreign national or a stateless person located on the territory of the Russian Federation to a foreign state for criminal prosecution or execution of a verdict for acts punishable under both the criminal law of the Russian Federation and the law of the requesting foreign state in cases, when the criminal law provides a punishment in the form of imprisonment for a term of over a year or a longer sentence for the commission of such acts, if the extradition is sought for criminal prosecution.

Thus, the RF Criminal Procedure Code sets out establishment in the criminal law of the minimum imprisonment term for over one year as a mandatory condition for the legal assistance rendered under its Article 462.

Therefore, execution of a request for extradition of a suspect located on the territory of the Russian Federation, for the commission of a crime corresponding to the crimes envisaged by paras 1–3 of Article 291 CC, as well as paras 1 and 5 of Article 291¹ CC, is, pursuant to Article 462 of the RF Criminal Procedure Code, not possible.

This issue is resolved in an analogous manner in the European Convention on Extradition (Paris, 13 December 1957) [30], whose Article 2 stipulates that

extradition shall be granted in respect of offences punishable under the laws of the requesting Party and of the requested Party by deprivation of liberty for a maximum period of at least one year or by a more severe penalty.

The same requirement is contained in some treaties on extradition between the Russian Federation and the states party to the OECD Anti-Bribery Convention.

For example, the Treaty between the Russian Federation and the Federative Republic of Brazil on Extradition (Moscow, 14 January 2002) [31] stipulates in its Article 2 that under this Treaty by extraditable offences are understood acts that are criminal offences under the laws of both Parties and are punishable by deprivation of liberty for a term of at least one year or by a more severe penalty.

The Working Group's experts have also noticed the aforementioned circumstances and recommended a follow-up on the issues relating to mutual legal assistance in criminal and administrative matters, including cases of dual criminality and a waiver of bank secrecy.

9 On other issues of a criminal law nature

The experts raised questions in respect of effectiveness of the confiscation mechanism, including with regard to benefits acquired as a result of the bribe-giving, as well as the adequacy, in relation to the OECD Anti-Bribery Convention's standards, of application of Article 19.28 CAO establishing a legal person's responsibility for unlawful gratuity on its behalf.

In respect of confiscation relating to bribery of foreign public officials, the Working Group has recommended that the Russian Federation, in order to fulfill the requirements set out in Article 3 of the OECD Anti-Bribery Convention, ensure the availability of measures for natural and legal persons, allowing to detect, seize and confiscate bribes, proceeds of a bribe or its equivalent value.

Regarding accounting requirements, the Working Group has recommended that Russia take criminal law measures to ensure: the prohibition of omissions and falsifications in respect of books, records, accounts and financial statements for the purpose of bribing foreign public officials or for hiding such bribery; and the introduction of effective, proportionate and dissuasive sanctions for such omissions and falsifications.

The doubts expressed by the OECD experts with regard to the conformity of the Russian criminal legislation with the OECD Anti-Bribery Convention's standards, and the proposals on improvement of Russian law require a careful consideration, including with account taken of other countries' experience in reforming and enforcing criminal law.

It will also be helpful to explore the enforcement of new norms of the criminal legislation of Ukraine on responsibility for bribery, adopted, *inter alia*, with account of the OECD Anti-Bribery Convention's provisions.

In particular, the law of Ukraine of 18 April 2013 No. 221-VII has amended the Criminal Code of Ukraine by replacing the term «bribe» with the term «un-

lawful benefit». There was adopted a new version of Article 368 of the Criminal Code of Ukraine, earlier titled «Bribe-taking» («Oderzhannya khabara»). Its new title is «Acceptance of an offer, promise or receipt of unlawful benefits by a public official» («Pryynyattya propozytsii, obitsyanki abo oderzhannya nepravomirnoi vygody sluzhbovoyu osoboyu»). Respective amendments have also been introduced into this Article's disposition, including those recognizing non-material assets as a subject of bribe.

The conducted analysis shows that in order to bring the Russian legislation in line with the OECD anti-corruption standards, it will be required to introduce amendments to CC, part of which represent, in essence, a departure from some traditional provisions of national legal systems. Therefore, the issue of respective amendments to the Russian criminal law has not only an exclusively legal nature, and due to that it is necessary to take into consideration the following political and legal circumstances.

The peculiarity of the OECD Anti-Bribery Convention lies in the fact that it sets out in a very «soft» manner rigorous requirements to the parties to the Convention.

On the one hand, this international treaty pursues the achievement of functional equivalence of measures taken by the states parties thereto to establish liability for bribery of foreign states' functionaries, without making requirements as to uniformity of legislative solutions or changes in fundamental principles of a party's legal system.

On the other hand, non-fulfillment of the requirements to implement certain uniform decisions is an obstacle to the receipt of the consent to become a party to the OECD Anti-Bribery Convention and thereafter, an OECD member.

Actually, a state candidate member of the Organization is confronted with the choice: whether to consent to amendment of national law (sometimes fundamental enough) in order to pass necessary evaluation procedures and receive an invitation to become a OECD member, or to refuse to amend domestic laws and to be recognized as not eligible for the OECD membership.

The Russian lawmakers, speaking figuratively, near the intersection on the road of development of national criminal law, and must decide which of two ways to take – to achieve uniformity with international anti-corruption treaties' standards, while waiving certain traditional provisions of national legal systems, or to retain and defend such provisions, which will become a predicament for the inclusion of Russia into some international integration processes and organizations.

Some Russian authorities unconditionally perceive foreign experts' recommendations as an action guide, including for working out respective bills, although their implementation often destroys, to a certain extent, the systematicity of Russian law.

A waiver of traditional provisions in criminal law is very controversial. One must defend the integrity of the Russian national legal system, and not violate the

principles of respective branches of law. None of foreign counterparts may dictate what the domestic legislation of Russia should be, basing on their interpretation of international treaties and own understanding of the practice of their application.

We deem it necessary to work out an express and consistent legal policy on issues of implementation by our country of international obligations, including those under anti-bribery conventions, and not only the OECD ones, but others as well.

At the same time, where it is permissible without contravening fundamental principles of national legal systems, it is necessary to introduce into legislation, including criminal one, the amendments being, in their content, nontraditional for contemporary Russian law, if it is required by the voluntarily undertaken international obligations.

The question arises, whether it was worth to accede to the OECD Anti-Bribery Convention and thereby to have it included into the Russian Federation's legal system, given the implementation of this international treaty will require such substantial changes in Russian law. We take the position that it undoubtedly was.

The OECD is an authoritative international economic organization, and a membership thereof, which is impossible without accession to the Convention, opens to a member state additional opportunities in development of international economic cooperation, *inter alia*, ensures participation in decision-making on important issues in the said area.

Apart from that, the OECD Convention is one of initial international multi-lateral anti-corruption treaties. It is only the 1996 Inter-American Convention against Corruption [11, c. 556–557] that was adopted before. The OECD Convention became a trailblazer for subsequent anti-bribery international treaties, and therefore it is, in comparison to the latter, less modern. It was adopted in the last century under different historical conditions and by a relatively narrow circle of countries. Due to those reasons, currently there has emerged a situation, where there are certain contradictions between the OECD Convention and international anti-corruption treaties of a later date.

Further countries' accession to the OECD Convention, and their subsequent inclusion into the OECD will, in our view, allow to create conditions for further development of the OECD anti-corruption standards, to ensure their transformation with regard to a new socio-political situation in the world and with due account of its state parties' interests, to iron out contradictions to other anti-bribery conventions.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Законодательство Российской Федерации. – 2012. – № 17. – Ст. 1899.

2. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международ-

ных коммерческих сделок : Федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 6. – Ст. 622.

3. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1999. – 712 с.

4. Бойцов, А. И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика в российской правовой системе. – СПб., 2003. – С. 9–68.

5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12. С. 3–8.

6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 5. – С. 1–2.

7. Родионова, Т. А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития / Т. А. Родионова. – М., 2012. – 184 с.

8. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

9. Федоров, А. В. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и её влияние на развитие законодательств стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – С. 5–12.

10. Хабриева, Т. Я. Правовые механизмы имплементации международных антикоррупционных конвенций в национальное законодательство // Правовые проблемы противодействия коррупции : мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Л. В. Андриченко, О. О. Журавлева. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. – С. 19–32.

11. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов : сб. документов / сост. В. С. Овчинский. – М. : ИНФРА-М., 2004. – 640 с.

12. Голованова, Н. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Голованова, В. И. Лафитский, М. А. Цирина ; отв. ред. В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2013. – 312 с.

13. Андрианов, В. Д. Коррупция как глобальная проблема : история и современность / В. Д. Андрианов. – М., 2011. – 304 с.

14. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. [S. 1.] : OECD Publ., 2009. – С. 29.
15. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. [S. 1.] : OECD Publ., 2010. – С. 17.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» : Закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52, ч. I. – Ст. 6235.
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.
18. Федоров, А. В. Реализация в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков конституционного положения о признании международных договоров составной частью российской правовой системы // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений. Ч. I : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). – М. : ИПК СК РФ, 2013. – С. 9–17.
19. Сидоренко, Э. Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 13–18.
20. Федоров, А. В. Перспективы изменения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.) : в 2 ч. Ч. 1. – М. : Изд-во ООО «Буки Веди», 2013. – С. 153–169.
21. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 3–10.
22. Мальцев, В. Не провоцировать, а пресекать взяточничество // Законность. – 2013. – № 9. – С. 34–35.

23. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.
24. Крылова, Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 26–29.
25. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.
26. Сенаторов, Ю. С взяточников решили много не брать / Ю. Сенаторов, Н. Сергеев // Коммерсантъ. – 2013. – 10 июня.
27. Родин, И. Генеральный прокурор по особым поручениям // Независимая газета. – 2013. – 10 июня.
28. Волеводз, А. Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 115–119.
29. Волеводз, А. Г. Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 2. – С. 164–172.
30. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
31. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 4. – Ст. 471.

REFERENCES

1. Konvencija po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushhestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskim sdelok [Convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions]. *Zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii*, 2012, no 17, st. 1899.
2. O prisoedinenii Rossijskoj Federacii k Konvencii po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushhestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskih sdelok: Federal'nyj zakon ot 1 fevralja 2012 g. № 3-FZ [On the Russian Federation to the Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions: Federal Law of 2012 February 1, no 3-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 2012, no 6, st. 622.
3. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Right: ABC – theory – philosophy: Experience a comprehensive study]. Moscow, 1999. 712 pp.
4. Boitsov A. I. Sudebnaya praktika kak istochnik ugolovnogo prava [Litigation as a source of criminal law]. *Sudebnaya praktika v rossiiskoi pravovoi sisteme* [Judicial practice in the Russian legal system]. Sankt-Peterburg, 2003, pp. 9–68.
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no 12, pp. 3–8.

6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 5, pp. 1–2.

7. Rodionova T. A. *Problemy vliyaniya mezhdunarodnogo prava na otechestvennoe ugovnoe zakonodatel'stvo: istoriya voprosa i perspektivy razvitiya* [Problem of the influence of international law on domestic penal law: background and prospects]. Moscow, 2012. 184 p.

8. *Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta (kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya)* [Foundations of criminal law prohibition (criminalization and decriminalization)]. Eds. V. N. Kudryavtsev, A. M. Yakovlev. Moscow: Nauka Publ., 1982. 303 p.

9. Fedorov A. V. *Konventsia OESR po bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok i ee vliyanie na razvitie zakonodatel'stv stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions and its influence on the development of the laws of the Asia-Pacific region]. *Razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Development of national legislation in the context of globalization: experience of Russia and countries of the Asia-Pacific region: proceed. of the intern. Sci.-pract. Conf.]. Ed. A. I. Korobeev. Vladivostok: Far Eastern Fed. Univ. Publ., 2011, pp. 5–12.

10. Khabrieva T. Ya. *Pravovye mekhanizmy implementatsii mezhdunarodnykh antikorrupsionnykh konventsii v natsional'noe zakonodatel'stvo* [Legal mechanisms for the implementation of international anti-corruption conventions into national legislation]. *Pravovye problemy protivodeistviya korruptsii* [Legal problems of combating corruption: proceed. of the Intern. Scien. Conf. «Legal problems of anti-corruption», no 2, Moscow, 2011]. Eds. L. V. Andrichenko, O. O. Zhuravleva. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2012, pp. 19–32.

11. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korruptsiei i otmyvaniem prestupnykh dokhodov: sb. dokumentov* [International legal framework to combat corruption and money laundering: sat documents]. Comp. V. S. Ovchinskii. Moscow: INFRA-M Publ., 2004. 640 p.

12. Golovanov N., Lafitskii V. I., Tsirina M. A. *Ugovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom i natsional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Criminal liability of legal persons in international and national law (comparative law research)]. Ed. V. I. Lafitskii. Moscow: Statute Publ., 2013. 312 p.

13. Andrianov V. D. *Korrupsiya kak global'naya problema: istoriya i sovremennost'* [Corruption as a global problem: history and modernity]. Moscow, 2011. 304 p.

14. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. [S. l.]: OECD Publ., 2009, p. 29.

15. OECD Working Group on Bribery – 2010 Annual Report. [S. 1.]: OECD Publ., 2010, p. 17.

16. O vnesenii izmenenii v otchel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v svyazi s ratifikatsiei Konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv korruptsii ot 31 oktyabrya 2003 goda i Konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu ot 27 yanvarya 1999 goda i prinyatiem Federal'nogo zakona «O protivodeistvii korruptsii»: Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25 dekabrya 2008 g. № 280-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the ratification of the United Nations Convention against Corruption of 31 October 2003 and the Criminal Law Convention on Corruption of 27 January 1999 and the adoption of the Federal Law «On Combating Corruption»: Federal Law 2008 December 25 No 280-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no 52, P. I, art. 6235.

17. O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s sovershenstvovaniem gosudarstvennogo upravleniya v oblasti protivodeistviya korruptsii: Federal'nyi zakon ot 4 maya 2011 g. № 97-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian Federation Code of Administrative Offences in connection with the improvement of public administration in the field of anti-corruption: Federal Law 2011 May 4 No 97-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2011, no 19, art. 2714.

18. Fedorov A. V. Realizatsiya v sfere protivodeistviya nezakonnomu oborotu narkotikov konstitutsionnogo polozheniya o priznanii mezhdunarodnykh dogovorov sostavnoi chast'yu rossiiskoi pravovoi sistemy [Implementation in the field of combating drug trafficking constitutional provisions recognizing the international treaties part of the Russian legal system]. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii kak garant prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri rassledovanii prestuplenii. Ch. I: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., (Moskva, 14 noyabrya 2013)*. [The Constitution of the Russian Federation as a guarantor of the rights and freedoms of man and citizen in the investigation of crime. Part I: proceed. of the Intern. Sci.-pract. conf., (Moscow, November 14, 2013). Moscow: IPK RF IC Publ., 2013, pp. 9–17.

19. Sidorenko E. L. Konventsiya OESR po bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok i perspektivy sovershenstvovaniya rossiiskogo ugovnogo zakonodatel'stva [OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions and the prospects for improving the Russian criminal law]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2013, no 1, pp. 13–18.

20. Fedorov A. V. Perspektivy izmeneniya ugovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za vzyatochnichestvo v svyazi s prisoedineniem Rossiiskoi

Federatsii k Konventsii OESR po bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok ot 21 noyabrya 1997 goda [Prospects for changes in criminal legislation on liability for bribery in connection with the accession of the Russian Federation to the OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions of 21 November 1997]. *Aktual'nye problemy rassledovaniya prestuplenii : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., (Moskva, 23 maya 2013). Ch. 1.* [Actual problems of crime investigation: Materials of the Intern. Sci. and Pract. Conf., (Moscow, May 23, 2013). P. I. Moscow: OOO «Buki Vedi» Publ. [LLC «Buki Lead» Publ.], 2013, pp. 153–169.

21. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no 9, pp. 3–10.

22. Mal'tsev V. Ne provotsirovat', a presekat' vzyatochnichestvo [Not provoke and prevent bribery]. *Zakonnost'*, 2013, no 9, pp. 34–35.

23. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Laws of the Russian Federation], 2011, 2011, no 50, art. 7362.

24. Krylova N. K voprosu o garmonizatsii i gumanizatsii ugolovnogo zakona [The issue of harmonization and the humanization of the criminal law]. *Ugolovnoe pravo*, 2011, no 4, pp. 26–29.

25. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* 2011, no 19, art. 2714.

26. Senatorov Yu., Sergeev N. S vzyatochnikov reshili mnogo ne brat' [With many corrupt officials decided not to take]. *Kommersant'*, 2013, June 10.

27. Rodin I. General'nyi prokuror po osobym porucheniyam [Attorney General for Special Assignments]. *Nezavisimaya gazeta*, 2013, June 10.

28. Volevodz A. G. Gumanizatsiya ugolovnogo zakona i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [The humanization of the criminal law and international cooperation in criminal matters]. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no 3, pp. 115–119.

29. Volevodz A. G. Ugolovno-pravovye prepyatstviya mezhdunarodnomu sotrudnichestvu v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [Criminal and legal obstacles to international cooperation in criminal matters]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*, 2013, no 2, pp. 164–172.

30. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Laws of the Russian Federation], 2000, no 23, art. 2348.

31. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Laws of the Russian Federation], 2007, no 4, art. 471.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
LEGAL REGULATION:
INTERNATIONAL EXPERIENCE**

Ролик Александр Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: apk4@primorsky.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
И ИХ ПРЕКУРСОРОВ***

В настоящее время различные формы организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков рассматриваются правительствами государств многих стран как источник значительной угрозы не только здоровью и безопасности миллионов людей, но и гражданскому миру, государственным институтам, национальной безопасности в целом. Вследствие чего власти в лице правоохранительных структур и органов ведут регулярную и упорную борьбу с криминальным миром. В современном общественном строе организованная преступность в сфере незаконного оборота наркотиков продолжает прогрессировать и распространять свое влияние за пределы национальных границ и за пределы национального права.

Центры разветвленной мощной наркосети, являющиеся источниками криминальной активности, за прошедшие годы уже окончательно трансформировались в анонимные источники власти и, став политически мотивированными, выступают самостоятельными субъектами террористической деятельности.

Прошло время, когда проблема преступности в сфере оборота наркотиков была проблемой только в границах отдельно взятой страны. Широкое распространение наркомании в различных странах мира вызывает озабоченность не только правительств этих стран, но и международных организаций. И уже при появлении только первых симптомов в наркоиндустрии международное сообщество решило вести борьбу с

* Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

антропологической катастрофой, разрушившей собственно человеческое в человеке.

Постоянно совершенствующаяся нормативно-правовая база международного сотрудничества и развивающаяся связь между правоохранительными органами государств позволяют в последние годы активнее осуществлять практическую деятельность по разоблачению наркогруппировок, располагающих международными связями. Находит свое признание международное уголовное право как новая отрасль международного публичного права, налажена надежная система обмена оперативной информацией о незаконном международном обороте наркотиков между государствами, в которых действуют представительства Интерпола.

В связи с подобной рода международной проблемой необходимо четко и правильно формулировать и излагать пути усиления международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: международное право, международное сотрудничество, наркотические вещества, психотропные вещества, оборот наркотических средств, прекурсоры, незаконный оборот наркотиков, наркопреступность.

Alexander I. Rolik, Can. Sci. (Law), Associate professor, Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far East Federal University, Vladivostok. E-mail: apk4@primorsky.ru

REGULATION OF TRAFFICKING OF DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR PRECURSORS IN INTERNATIONAL LAW *

Nowadays, various forms of organized crime in drug trafficking are considered by the governments of many countries as a source of a significant threat not only to the health and safety of millions of people, but also to the civil peace, public institutions, and national security in general. Therefore, the authorities represented by law enforcement agencies and bodies regularly and persistently struggle with the criminal world. In today's social systems, organized crime in drug trafficking continues to progress and spread its influence beyond national borders and beyond national laws.

Centers of powerful trafficking networks are the sources of criminal activity; in recent years, they have finally transformed into an anonymous

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / K.

sources of power and become politically motivated and independent subjects of terrorist activities.

Long has gone the time when the problem of crime in the trafficking was a problem only within the boundaries of a single country. Widespread drug abuse in different countries is a concern not only for the governments of these countries, but also for international organizations. And the first aftershocks in the drug industry prompted the international community to fight against the anthropological catastrophe that destroyed the human in humans.

In recent years, the continuously improved legal system of international cooperation and developing communication between law enforcement agencies have greatly assisted in exposing the drug traffickers, which possess international connections. The international criminal law as a new branch of public international law has been recognized; a reliable system of exchanging operational information on illegal international drug trafficking between the states where Interpol has its representative offices has been implemented.

Existing of this international challenge makes it necessary to clearly and correctly formulate and present the ways of strengthening the international cooperation in dealing with transnational organized crime in the sphere of illegal drug trafficking.

Key words: international law, international cooperation, drugs, psychotropic substances, drug trafficking, precursors, illegal drug trafficking, drug crime.

Начало в международном правовом регулировании оборота наркотиков было положено Шанхайской опиумной комиссией (1909 г.). В ее заседании приняли участие представители 13 государств – Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Китая, Нидерландов, Персии, Португалии, России, Сиам, США, Франции, Японии.

Принятие решения о созыве Шанхайской опиумной Комиссии было объективно обусловлено потребностью международного объединения усилий государств в противодействии наркотизации населения. Целью созыва Комиссии была разработка мер, направленных на ограничение оборота опиума в Китае и препятствующих нелегальному ввозу наркотиков из Азии в США и европейские государства. И хотя комиссия не выработала какого-либо документа, регламентирующего соответствующие правила в этой области, тем не менее она ускорила те усилия, которые три года спустя завершились проведением международной конференции в Гааге и принятием на ней Международной конвенции об опиуме [1].

В Гаагской международной конвенции участвовали те же государства, что и в Шанхайской комиссии, за исключением Австро-Венгрии. Принятая в 1912 г. в Гааге Международная конвенция об опиуме стала первым меж-

дународно-правовым документом в этой области. Она провозгласила ряд принципов, нашедших развитие в последующих международных соглашениях: использование указанных средств только «в медицинских и разумных целях», правовое регулирование их производства и торговли и т.д. С ее принятием контроль над наркотиками был установлен как институт международного права на многосторонней основе [3].

На учрежденную в 1919 г. международную организацию – Лигу Наций возлагался общий контроль за выполнением соглашений по вопросам торговли опиумом и другими наркотическими средствами. В этих целях были приняты международно-правовые акты о борьбе с наркоманией и контроле над распространением наркотиков, в частности Женевское соглашение 1925 г. и дополнившее его Бангкокское соглашение 1931 г. По сути, они закрепили принципы Гаагской конвенции 1912 г. о том, что наркотики могут производиться только для законных потребностей. Кроме того, указанные акты расширили список наркотиков. Женевское соглашение ввело также систему лицензирования и регистрации внешнеторговых сделок по наркотикам, государства обязывались сообщать о совершенных сделках Постоянному центральному комитету по наркотическим средствам.

Существенный шаг в развитии международно-правового регулирования оборота наркотиков был сделан с принятием Женевской конвенции 1936 г. Во-первых, в соответствии с этой конвенцией предусматривалось не только международное уголовное преследование за незаконное распространение наркотических средств, но и обязательство государств установить в своем законодательстве уголовную ответственность в отношении лиц, осуществляющих незаконный оборот наркотиков. Во-вторых, в связи с появлением межгосударственных преступных сообществ (наркосиндикатов), члены которых использовали территории некоторых государств для укрытия от уголовного преследования, предусматривалась, хотя и при определенных условиях, выдача наркодельцов.

Согласно указанной конвенции под международный контроль ставился оборот лишь готовых наркотиков. Сырье для их изготовления не подпадало под него, что, несомненно, было недостатком Женевской конвенции 1936 г.

В 1946 г. была создана Комиссия ООН по наркотическим средствам, ставшая, по сути, основной организацией, осуществляющей координацию международной деятельности в рассматриваемой сфере [4]. После многолетней работы ею подготовлена Единая конвенция о наркотических средствах, которая была принята в Нью-Йорке в 1954 г. Данной конвенцией отменены все предыдущие международные документы, принятые по наркотикам, кроме Женевской конвенции 1936 г.

Единая конвенция о наркотических средствах 1954 г. (с изменениями от 25 марта 1972 г. [5]) – основной международно-правовой акт, целью которого является содействие сотрудничеству между государствами в приня-

тии эффективных мер против злоупотребления наркотическими средствами, ограничение их потребления. Ее значение для развития международного и национального законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств определяется рядом обстоятельств, среди которых можно выделить:

1) определение незаконного оборота наркотиков как культивирования или любого действия по сбыту наркотиков в нарушение правил, установленных Конвенцией;

2) организацию централизованного международного контроля над производством и оборотом наркотиков, осуществляемого Комиссией по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета ООН и Международным комитетом по контролю за наркотиками, созданным в соответствии с Конвенцией;

3) осуществление экспорта и импорта наркотических средств только с санкции правительств страны-экспортера и страны-импортера;

4) распространение норм Конвенции не только на наркотические средства, но и на сырье для его получения;

5) классификацию наркотиков, в соответствии с которой утверждены 4 Списка наркотических средств или препаратов, требующих различных мер контроля;

6) лицензирование производства наркотических средств негосударственными предприятиями;

7) принятие государствами – участниками Конвенции обязательства признать преступными: культивирование, производство, изготовление, предложение, распределение, покупку, продажу, доставку, маклерство, отправку, переотправку транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств, осуществленных с нарушением Конвенции (указанный перечень не является исчерпывающим, государства могут объявлять преступными и другие деяния, связанные с наркотиками);

8) признание необходимым включить перечисленные в Конвенции преступления в число деяний, виновные в совершении которых подлежат выдаче, а приговоры иностранных государств учитывать для целей установления рецидива.

Предметом регулирования по Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. выступают естественные или синтетические вещества, указанные в Списке I и Списке II. То, что вещества, включенные в Списки III и IV, в определении наркотических средств не упоминаются, объясняется тем, что в Список III включены препараты, содержащие в своем составе наркотические средства, а все вещества перечня из Списка IV дублируются в перечне Списка I [9, с. 3].

Система международного и внутригосударственного контроля за оборотом психотропных веществ предусмотрена Венской конвенцией о психо-

тропных веществах 1971 г. [6]. Все указанные вещества, в зависимости от их опасности, фармакологического действия и терапевтической полезности, классифицированы на 4 вида (класса), каждый из которых предполагает специфический режим контроля.

Кроме того, Конвенция 1971 г. установила: систему регистрации психотропных веществ; порядок проверок их хранения, регистрации и деятельности лабораторий; систему инспектирования производителей, экспортеров, оптовых и розничных распространителей психотропных веществ, а также медицинских учреждений, применяющих эти препараты.

Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [7], как видно даже из ее названия, охватывает контроль за оборотом как наркотических средств, так и психотропных веществ. Она призвана содействовать сотрудничеству между государствами, «с тем чтобы они могли более эффективно решать различные проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеющего международный характер». При осуществлении своих обязательств государства «принимают необходимые меры, включая меры законодательного и организационного характера, в соответствии с основополагающими положениями своих внутренних законодательных систем» (ст. 2 Конвенции).

В соответствии с указанной Конвенцией 1988 г. государства, подписавшие ее, приняли на себя обязательство признать преступными:

- производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или психотропного вещества в нарушение Конвенции 1961 г. (в том числе с поправками от 1972 г.) или Конвенции 1971 г.;
- культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств;
- хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных выше;
- изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 3).

Государства обязываются обеспечить конфискацию выручки от незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ. Во исполнение этого обязательства в перечень преступлений, по которым возможна конфискация имущества, включены ст. 228¹, ч. 2 ст. 228², ст. ст. 228⁴, 229, 231, 232 УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Согласно Конвенции 1988 г. на лиц, обвиняемых в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ, распространяются правила о выдаче (экстрадиции). Указанные деяния подлежат включению в договоры о выдаче, заключаемые между государствами. Более того, сама Конвенция может выполнять роль такого соглашения между государствами, не имеющими договора о выдаче, но ратифицировавшими ее. Пункт 12 ст. 6 Конвенции 1988 г. допускает возможность «заключения двусторонних или многосторонних соглашений специального или общего характера в отношении передачи лиц, осужденных к тюремному заключению или другим видам лишения свободы, их странам, с тем чтобы они могли отбывать оставшийся срок наказания в этих странах».

Эффективность мер, предусмотренных названными выше конвенциями, во многом зависит от выполнения государствами принятых обязательств и унификации правовой политики в области оборота наркотических средств и психотропных веществ. В этих целях в соответствии с Программой ООН по международному контролю над наркотиками Международным центром (г. Вена) подготовлен и издан в 1992 г. ряд документов, представляющих собой типовые нормативные акты, предлагаемые государствам для использования в правотворческой деятельности.

К ним относятся: Типовой закон о борьбе с незаконным производством и оборотом веществ, находящихся под контролем, и мерах по борьбе со злоупотреблениями наркотическими средствами и психотропными веществами; Типовой закон, касающийся классификации и регламентации законного культивирования, производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и торговле ими; Типовой закон о выдаче и взаимной юридической помощи в связи с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; Типовой закон о конфискации в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; Типовой законодательный или нормативный акт, учреждающий центральное управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков [8].

Этими документами рекомендовалось принятие на национальном уровне акта, объединяющего положения Конвенций 1961 г., 1971 г. и 1988 г., с учетом схожести многих положений этих трех международных договоров, в том числе в подходах к определению наркотических средств и психотропных веществ, мер контроля за их оборотом, форм и видов ответственности за незаконный оборот указанных средств и веществ.

В частности, типовым законом рекомендовано принятие единых таблиц (списков) наркотических средств и психотропных веществ:

Таблицы I, включающей растения и вещества, представляющие особую опасность и не представляющие интереса для использования в медицинских целях, к которым отнесены наркотические средства из Списка

IV Конвенции 1961 г. и психотропные вещества из Списка I Конвенции 1971 г.;

Таблицы II, включающей растения и вещества, представляющие особую опасность и не представляющие интерес для использования в медицинских целях, к которым отнесены наркотические средства из списков I (за исключением включенных в Список IV) и II Конвенции 1961 и Списка II Конвенции 1971 г.;

Таблицы III, включающей растения и вещества, представляющие определенную опасность и интерес для использования в медицинских целях, к которым отнесены препараты из Списка III Конвенции 1961 г. и психотропные вещества из Списков III и IV Конвенции 1971 г.

При этом предусматривается возможность разбивки веществ таблиц II и III на две группы – «А» и «Б», в зависимости от применяемых к ним мер контроля.

Указанная схема уже учтена рядом государств, включая Россию, при разработке законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах [9].

На основе упомянутых документов разрабатывались унифицированные рекомендательные акты для государств – участников СНГ, например, был принят акт «О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

В Модельном уголовном кодексе, принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г., представлены типовые уголовно-правовые нормы об ответственности за:

- а) незаконный оборот наркотических средств с целью сбыта;
- б) хищение либо вымогательство наркотических средств;
- в) вовлечение в потребление наркотических средств;
- г) незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества;
- д) организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств [2].

Итак, можно констатировать, что Конвенции 1961 г., 1971 г. и 1988 г. являются системообразующей юридической основой не только для определения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в национальном законодательстве России, но и для разработки и установления в нем мер контроля за незаконным оборотом указанных средств и веществ, включая меры уголовно-правового воздействия в отношении нарушителей правил такого оборота.

Поскольку уголовно-правовые запреты в интересующей нас сфере невозможно сформулировать без использования бланкетных диспозиций соответствующих норм, большое значение приобретает вопрос об унифика-

ции и гармонизации понятийного аппарата, его соответствия положениям упомянутых международных конвенций. Следует признать, что российский законодатель при составлении национальных перечней (списков) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (в том числе и для целей уголовного права) последовательно ориентируется на соответствующие базовые положения международных правовых документов.

Так, последними постановлениями Правительства РФ (от 4 февраля 2013 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», от 26 февраля 2013 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ») [10; 11] в очередной раз национальные списки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров приведены в соответствие со списками (таблицами) таких средств и веществ, являющимися приложениями к международным антинаркотическим конвенциям.

При этом, как справедливо отмечается в имеющихся исследованиях, использование положений международных антинаркотических конвенций для целей национального законодательства сводится не к копированию списков соответствующих средств и веществ, а заключается в использовании всей совокупности фундаментальных положений этих конвенций [12, с. 17; 13, с. 34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров, А. В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. – 2008. – № 4. – С. 38–40.
2. О Модельном уголовном кодексе для государств – членов Содружества Независимых Государств // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. Приложение. – 1996. – № 10. – С. 3–84.
3. Федоров, А. В. Первая международная Конвенция о контроле над наркотиками / А. В. Федоров, А. В. Федулов // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. – С. 37–44.
4. Анисимов, Л. Н. Наркотики : правовой режим / Л. Н. Анисимов. – Л., 1974. – 144 с.
5. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 8. – С. 15–50.
6. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21 февраля 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. – М., 1981. – С. 416–434.

7. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : Конвенция Организации Объединенных Наций от 20 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XIVII. – М., 1994. – С. 133–157.

8. Типовые нормативные акты : Справочный документ Службы юридической помощи Международной программы ООН по контролю за наркотиками. Т. 1. Вена, 1992. – 586 с.

9. Федоров, А. В. Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. – 2012. – № 4. – С. 2–22.

10. Сборник законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 6. – Ст. 558.

11. Сборник законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 953.

12. Федоров, А. В. Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние // Наркоконтроль. – 2013. – № 2. – С. 8–19.

13. Бабаян, Э. А. Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров. Нормативные документы. Методические материалы. Ответы на вопросы. Ч. 1 / Э. А. Бабаян, А. В. Гаевский, Е. В. Бардин ; Международный центр финансово-экономического развития. – М., 2000. – 440 с.

REFERENCES

1. Fedorov A. V. K stoletiyu Shankhaiskoi opiumnoi komissii 1909 [To the centenary jubilee of Shanghai Opium Commission 1909]. *Narkokontrol'*, 2008, no 4, pp. 38–40.

2. O Model'nom ugolovnom kodekse dlya gosudarstv – chlenov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv [About the Model criminal code for the member States of the Commonwealth of Independent States]. *Informatsionnyi byulleten' Mezhpaplamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. Prilozhenie*, 1996, no 10, pp. 3–84.

3. Fedorov A. V., Fedulov A. V. Pervaya mezhdunarodnaya Konventsiya o kontrole nad narkotikami [The First International Convention about the Drug Control]. *Narkokontrol'*, 2007, no. 4, pp. 37–44.

4. Anisimov L. N. *Narkotiki : pravovoi rezhim* [Drugs: legal regime]. Leningrad, 1974. 144 p.

5. Edinaya konventsia o narkoticheskikh sredstvakh 1961 g. s popravkami, vnesennymi v nee v sootvetstvii s Protokolom 1972 g. o popravkakh k Edinoi konventsii o narkoticheskikh sredstvakh 1961 [Single Convention on Drugs of 1961, as amended in accordance with the 1972 Protocol Amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2000, no 8, pp. 15–50.

6. O psikhotropnykh veshchestvakh: Konventsia (zaklyuchena v g. Vene 21 fevralya 1971) [On psychotropic substances: Convention (concluded, in Vienna on 21 February 1971)]. *Sbornik deistvuyushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Edited. XXX*. Moscow, 1981, pp. 416–434.

7. O bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: Konventsia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ot 20 dekabrya 1988 [Convention against illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances : the Convention of the United Nations on 20 December 1988]. *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR i Rossiiskoi Federatsii. Edit. XIVII*. Moscow, 1994, pp.133–157.

8. *Tipovye normativnye akty: Spravochnyi dokument Sluzhby yuridicheskoi pomoshchi Mezhdunarodnoi programmy OON po kontrolyu za narkotikami. T. 1* [Model legislation: Reference document Legal Aid Services of the International Programme on Drug Control. Vol. 1. Vienna, 1992. 586 p.

9. Fedorov A. V. Opredelenie narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v Konventsiyakh OON i ego znachenie dlya ugolovno zakonodatel'stva [The definition of drugs in UN Conventions and its meaning for criminal law]. *Narkokontrol'*, 2012, no 4, pp. 2–22.

10. *Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Federal Law Code of Russian Federation], 2013, no 6, art. 558.

11. *Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Federal Law Code of Russian Federation], 2013, no № 9, art. 953.

12. Fedorov A.V. Privedenie rossiiskikh perechnei narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, prekursorov narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, sil'nodeistvuyushchikh i yadovitykh veshchestv v sootvetstvie s mezhdunarodnymi antinarkoticheskimi konventsiyami: istoriya voprosa i sovremennoe sostoyanie [Bringing Russian lists of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors of narcotic drugs and psychotropic substances, potent and poisonous substances in compliance with the international drug conventions: background and current state]. *Narkokontrol'*, 2013, no 2, pp. 8–19.

13. Babayan E. A, Gaevskii A. V., Bardin E. V. *Pravovye aspekty oborota narkoticheskikh, psikhotropnykh, sil'nodeistvuyushchikh, yadovitykh veshchestv i prekursorov. Normativnye dokumenty. Metodicheskie materialy. Otvetny na voprosy. Ch. 1* [Legal aspects of narcotic, psychotropic, strong, poisonous sub-

stances and precursors. Normative documents. Methodical materials. Answers to your questions]. [International Centre for Financial and Economic Development]. Moscow, 2000. 440 p.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Лобач Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры права Уссурийского филиала Дальневосточного федерального университета, г. Уссурийск. E-mail: dimaved85@mail.ru

ТЕРРОРИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКЕ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА *

В статье исследуются состояние, динамика и национальные особенности терроризма в современной Мексике, а также его связь с организованной наркопреступностью. Проведенный анализ зарубежной научной литературы, ведомственных отчетов и статистических данных по обозначенной теме позволяет сделать вывод о том, что в Мексике преступность террористического характера проявляется в криминальной деятельности, сопутствующей незаконному обороту наркотиков, что, в конечном счете, обуславливает возникновение феномена наркотерроризма. Террористические методы, активно используемые наркокартелями, становятся неотъемлемой частью их криминальной деятельности по распространению наркотических средств, а также инструментом воздействия на органы государственной и муниципальной власти. При этом, если в 80-х годах XX в. террористические методы, предпринимаемые наркокартелями, были исключением, так как наркопреступность в те времена еще не достигла такого экономического могущества и политического влияния, чтобы в открытую противостоять государству, то в начале XXI в. практика терроризма со стороны наркокартелей становится обыденным явлением. В то же время отмечается, что акты терроризма сложно выявить в общей статистике преступлений против жизни, так как насильственные действия со стороны наркокартелей часто совершаются без целей воздействия на органы власти и устрашения населения, но в связи с криминальными разборками или при сопротивлении властям. В работе обосновывается связь наркотерроризма с экстремизмом

* Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

уличных банд, представляющих собой движения с экстремистскими целями, идеалами и принципами. В современной Мексике действуют две такие лидирующие уличные группировки, как Mara Salvatrucha и 18th Street Gang. Эти группировки являются самыми многочисленными бандами, действующими во многих государствах Северной и Центральной Америки, а общая численность двух этих банд в Мексике превышает 20 тыс. членов.

Автором статьи определяется тенденция дальнейшей эскалации насилия в мексиканском обществе, связанной с усилением государственного воздействия на наркокартели, что объясняется большим влиянием наркокартелей на социальные отношения и государственные институты власти.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность, организованная преступность, Мексика, терроризм, экстремизм, наркотерроризм, наркокартели, преступность, безопасность.

Alexander I. Korobeev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Dmitriy V. Lobach, Cand. Sci. (Law), Senior lecturer of the Department of Law, the branch of the Far East Federal University in Ussuriisk, Ussuriisk. E-mail: dimaved85@mail.ru

TERRORISM, EXTREMISM AND VIOLENCE IN MODERN MEXICO: STATE AND DYNAMICS*

In the article the condition, dynamics and national characteristics of terrorism in The article reviews the condition, dynamics and national characteristics of terrorism in modern Mexico, as well as its links to organized drug crime. The analysis of foreign scientific literature, departmental reports and statistics on the designated topic leads to the conclusion that terrorism in Mexico expresses itself in criminal activities related to illegal drug trafficking, which leads to the phenomenon of narcoterrorism. Terrorist methods used by drug cartels are rapidly becoming an integral part of their criminal activities for the distribution of drugs, and have become tools of influencing the government and municipal authorities. In the 1980-s the terrorist methods undertaken by drug cartels were an exception, since drug cartels in those days had not yet reached the economic power and political influence to confront the state openly. In the early 2000-s the practice of terrorism by drug cartels is not unusual any longer. It is noted that acts of terrorism are difficult to detect in the general statistics of crimes against life because acts of violence are often committed by drug cartels without the goals of

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / K.

influencing the government and terrorizing the population, but in connection with criminal conflicts or resisting the authorities. The article defines the relationship between narcoterrorism and the extremism of street gangs, which represent the groups with extremist goals, ideals and principles. There are two leading street groups in modern Mexico: Mara Salvatrucha and the 18th Street Gang. These groups are the most numerous gangs operating in many states of North and Central America, with over 20 thousand members.

The author of the article determines the trend of further escalation of violence in the Mexican society due to the increased state response to the drug cartels on the one hand, and the substantial influence of drug cartels on social relations and government institutions on the other hand.

Keywords: drug trafficking, transnational crime, organized crime, Mexico, terrorism, extremism, narcoterrorism, drug cartels.

В современном мире практически не найдется государства и общества, которые бы не подвергались деструктивному воздействию со стороны таких криминальных явлений, как терроризм и экстремизм. Данные криминальные угрозы, изначально зарождавшиеся как национальные явления (то есть были следствием социально-культурных и политико-экономических дестабилизирующих факторов в системе социальных отношений), со временем, по мере усложнения общественных отношений в сторону их глобализации, перестают быть проблемой одного государства и становятся приоритетной задачей для всего мирового сообщества. При этом терроризм и экстремизм, будучи подробно изученными феноменами в науках криминологического цикла, несут в себе специфические особенности, продиктованные национальным колоритом тех стран, в которых подобные деструктивные явления имеют место. В этом плане вызывает особый интерес состояние терроризма и экстремизма в современной Мексике, где криминальная обстановка обуславливается преступной деятельностью наркокартелей и широким распространением уличных экстремистских группировок.

В целях изучения терроризма в этом государстве ниже будет проанализирован временной период с 1970 г. по 2010 г.

Диапазон террористических актов в Мексике в период с 1970 г. по 2010 г. охватывает периоды относительного спокойствия и время, когда наблюдается всплеск террористической активности. Так, в период с 1970 г. по 1973 г. на территории Мексики было зарегистрировано всего 8 террористических актов, однако уже с 1974 г. по 1980 г. прослеживается относительный рост преступлений террористического характера, составивший в абсолютных показателях 119 террористических инцидентов. С 1981 г. по 1990 г. наблюдается низкий уровень террористической угрозы – всего за

данный период было зарегистрировано около 20 террористических актов. Следующий период (1991–1997 гг.) характеризуется быстрорастущей динамикой терроризма. В общей совокупности за семь лет рассматриваемого периода имели место 269 террористических актов, причем из них в 1994 г. было совершено 42 террористических акта, и 95 актов терроризма было учинено в 1997 г. В последующий период (1998–2010 гг.) снова наблюдается спад террористической активности в Мексике. Фактически за 14 лет данного периода было зарегистрировано 35 актов терроризма. Всего же за весь анализируемый сорокалетний период в Мексике зарегистрировано 465 террористических актов [4, p. 153–154].

Структура преступности террористического характера в Мексике характеризуется разнородностью террористических актов по отношению к тому или иному периоду, что позволяет говорить об изменчивости террористических методов и сложившейся практике террористического насилия. Например, если террористические акты, заключающиеся во взрыве бомб, были преобладающими в 1970, 1991, 2001, 2008 и 2010 гг., то вооруженные нападения (обстрелы и атаки с применением оружия) более, чем другие акты насилия при терроризме, отмечаются в 1990-х годах XX в. и в 2007 г.

В общей сложности наиболее распространенной практикой терроризма в Мексике за последние 40 лет являются вооруженные нападения (142 акта), далее идет бомбовый терроризм (89 актов) и захват заложников (89 актов). Что касается убийств террористического характера, то за все время террористической активности в Мексике прослеживается четкая и постоянная динамика совершения убийств как традиционной практики проявления терроризма. При этом убийства при терроризме, как правило, сопутствуют вооруженным нападениям и применению бомб (так называемый бомбовый терроризм). Между тем при сопоставлении различных способов совершения террористических актов следует отметить, что убийства при терроризме стоят только на четвертом месте и исчисляются 84-ю актами за период с 1970 г. по 2010 г.

Анализ абсолютных показателей террористических актов за представленный период в зависимости от объектов, в отношении которых совершались эти акты, позволяет сделать вывод, что большинство преступлений террористического характера было совершено против бизнеса (120 актов), частной собственности (102 акта), центральных правительственных органов власти (71 акт) и полицейских органов (62 акта). На втором месте – преступления против дипломатических органов и их представителей (21 инцидент), средств массовой информации, в том числе журналистов (17 актов), военных структур и военнослужащих (17 инцидентов), а также политических партий и их лидеров (12 инцидентов). Сравнительно мало террористических актов было совершено в отношении объектов транспортной, коммунальной и обслуживающей инфраструктуры (всего 20 актов). Наконец, в последнюю оче-

редь идут аэропорты, порты, морские суда и объекты, а также туристы, в отношении которых было совершено всего 5 террористических актов. Также можно отметить, что в стране практически отсутствует религиозный терроризм, так как за 40 лет было совершено всего 5 террористических актов против религиозных учреждений [4, р. 153–154].

Исследование объектов, в отношении которых совершаются преступления террористического характера, позволяет с определенной долей релевантности сделать вывод, что мотивы террористических актов привязаны к объектам преступных посягательств. Поэтому закономерно предположить, что терроризм в Мексике в большинстве случаев обусловлен корыстной мотивацией, так как большая часть актов терроризма была совершена против объектов легального бизнеса и частной собственности, а также политическими интересами, что объясняется значительной долей террористических актов против правительственных учреждений и органов государственной власти. Между тем данный вывод, как уже было отмечено, является относительным, обобщенным, в какой-то степени даже поверхностным, если оставить за рамками данного исследования основных субъектов террористической деятельности, представленных в лице преступных организаций, специализирующихся на незаконном обороте наркотических средств. Изучение целей и функциональных характеристик наркокартелей позволит раскрыть детерминистский комплекс терроризма, экстремизма и насилия в современной Мексике.

Мексиканские наркокартели являются организациями, которые ориентируются на получение сверхдоходов от производства, продажи и транспортировки наркотиков, а также похищения людей, контрабанды, проведения других криминальных операций. В абсолютном большинстве случаев эти организации не ставят перед собой политические цели, однако для обеспечения криминального бизнеса, устранения конкурентов по преступному промыслу и противодействия органам власти они очень часто прибегают к террористическим актам и иным формам насилия.

Насилие и террор, практикуемые мексиканскими наркокартелями, за последнее десятилетие достигают масштабов национального бедствия, при котором уровень безопасности упал до критических отметок и простое население все чаще и больше разочаровывается в политике государства, что, в конечном счете, приводит к росту антиэтатизма. При этом, если в 80-х годах XX в. террористические методы, предпринимаемые наркокартелями, были исключением, так как наркопреступность в те времена еще не достигла такого экономического могущества и политического влияния, чтобы в открытую противостоять государству, то в начале XXI в. практика терроризма со стороны наркокартелей становится обыденным явлением.

При этом, когда мы говорим о росте насилия в мексиканском обществе в связи с деятельностью наркокартелей, то речь ведём о таком характере

насилия, которое в практическом плане свидетельствует о массовом и широком терроре в отношении неугодных наркокартелям лиц, осуществляемом в целях контроля над территорией, запугивания местного населения и оказания воздействия на государственные и муниципальные органы власти. Сам же характер насилия, осуществляемый наркомафией, преимущественно проявляется в совершении открытых и тайных убийств, причем убийства совершаются как при нападениях, так и посредством захвата людей и демонстративного их умерщвления (совершение казней). Все чаще и чаще на территории Мексики обнаруживают массовые захоронения людей, ставших жертвами преступной деятельности наркокартелей. Так, в 2010 г. на одном из ранчо муниципалитета Сан-Фернандо в 160 километрах от границы с США, на севере Мексики, было обнаружено тайное захоронение 72 иностранцев из Сальвадора, Гондураса, Эквадора и Бразилии. В 2011 г. крупнейший мексиканский наркобарон Хосе Антонио Эрнандес, который был арестован в городе Чихуахуа на севере Мексики, признался, что лично отдавал приказы на убийство около 1500 человек в ходе многолетних разборок между наркокартелями. В 2012 г. в районе г. Монтеррей было обнаружено 49 обезглавленных трупов мужчин и женщин с отсеченными кистями рук. Эксперты-криминалисты установили, что жертвы были умерщвлены в течение суток в другом месте, а затем были перевезены в данный район. В этом же году около здания администрации города Манте, расположенного в мексиканском штате Тамаулипас, был обнаружен грузовик с 14 расчлененными трупами [2].

Подобные ужасающие примеры можно продолжать приводить и дальше, они не единичны в своем проявлении, что свидетельствует о чудовищных масштабах криминального произвола со стороны наркокартелей и бессилости властей, не способных не только предупредить подобные преступления, но и привлечь к ответственности их организаторов и исполнителей. В целом же следует признать, что казни (как массовые, так и индивидуальные) стали общепринятой карательной практикой, осуществляемой наркокартелями в целях запугивания населения, государственных служащих и установления своего контроля на отдельных территориях.

Количество убийств в периоды президентских правлений отражают следующие показатели:

- в период правления президента Карлоса Салиноса (1988–1993 гг.) – 62 672 человек;
- в период правления президента Эрнесто Седильо (1994–1999 гг.) – 85 209;
- в период правления президента Висенте Фокса (2000–2005 гг.) – 61 159;
- в период правления президента Фелипе Кальдерона (2006–2011 гг.) – 84 534 человека [15, р. 92–94].

При этом отмечается, что доля совершаемых убийств, связанных с наркокартелями или с наркотрафиком (drug-related killings), по отношению к общему количеству убийств за последние 11 лет, имеет устойчивую тенденцию роста. В 2001 г. было совершено 1 080 убийств, связанных с наркотрафиком (10% от общего количества убийств), 2002 г. – 1 230 (12%), 2003 г. – 1 290 (12%), 2004 г. – 1 304 (13,8%), 2005 г. – 1 776 (17,6%), 2006 г. – 2 120 (20,2%), 2007 г. – 2 280 (19,7%), 2008 г. – 5 153 (30,2%), 2009 г. – 6 587 (33,2%), 2010 г. – 11 583 (45,3%), в 2011 г. было совершено 12 366 убийств (47% от общего количества убийств, совершенных в этом году) [11, р. 4; 6, р. 11; 8]. Таким образом, в совокупном исчислении за 11 лет исследуемого периода было совершено 46 769 убийств, связанных с наркотрафиком (drug-related killings), что составляет 29% от общего количества всех убийств, совершенных за данный период, то есть приблизительно каждое третье убийство в современной Мексике связано с незаконным оборотом наркотиков.

Особенно интересным представляется последний период (2006–2011 гг.), когда президент Фелипе Кальдерон начал проводить последовательное и бескомпромиссное наступление на организованную наркопреступность с широкомасштабным использованием Федеральной полиции и Вооруженных сил Мексики, что привело к неоднозначным последствиям. С одной стороны, за период с 2006 г. по 2012 г. наблюдается относительное ослабление наркотрафика в Мексике, что стало результатом скоординированных действий мексиканских правоохранительных органов, армии, разведки, гражданских властей и средств массовой информации. Показательными в этом плане являются систематические аресты лидеров, активных участников наркокартелей и иных лиц, вовлеченных в наркотрафик или содействующих картелям. Так, только в первые три года президентства Кальдерона было арестовано 67 742 члена наркомафии. Из них 16 511 лиц – это члены картеля Синалоа, 16 354 человека работали на альянс картелей Гольфо и Лос-Зетас, 11 930 человек участвовали в незаконном обороте наркотиков от имени картеля Хуарес, 8 850 человек – из группировки Белтран Лейва (Beltrán Leyva), 8 744 человека – из Тихуанского картеля и 1 321 – члены группировки Familia Michoacana. Учитывая агрессивность преступных организаций и готовность идти на крайности, чтобы избежать ответственности, сотрудники правоохранительных органов часто вынуждены прибегать к физическому уничтожению преступников. Только за данный период в результате столкновений с силами безопасности было убито 16 923 участника наркокартелей, из них: 12% – лидеры и активные члены картелей, 17% – операторы, обеспечивающие сбыт и транспортировку наркотиков, 71% – розничные торговцы.

По данным средств массовой информации и аналитическим выводам, приведенным в специальной литературе, большая часть убийств (в отчетах

используется даже специальный термин – убийства, совершаемые наркокартелями) совершается против членов следующих социальных групп: полицейские, военнослужащие, мэры городов, представители средств массовой информации, иные лица, содействующие правосудию. За весь период активной и полномасштабной борьбы с наркомафией (период с 2008 по 2012 гг.) на территории Мексики было убито 2 539 полицейских и 204 военнослужащих, а за период с 2006 по 2012 гг. наркокартелями было убито 74 журналиста и иных представителей СМИ, 32 мэра муниципалитетов [5, р. 30–32].

При этом однозначно нельзя утверждать, было ли убийство совершено в контексте террористического акта, так как официальная статистика, как, впрочем, и научные исследования, не разграничивают насилие, связанное с незаконным оборотом наркотиков, совершенное в форме террористического акта по политическим причинам или с целью воздействия на органы государственной власти, от насильственных действий нетеррористического характера, совершаемых в связи с наркотрафиком. К убийствам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, но не носящим террористического характера, можно отнести причинение смерти в результате разборок между наркокартелями, физическое устранение неудобных лиц среди гражданского населения или представителей власти, убийства при задержаниях или при проведении военных операций, а также убийства, совершаемые в отношении незаконных эмигрантов. В то же время следует отметить, что общая практика при исследовании уровня насилия в мексиканском обществе сводится к механическому отнесению убийств, совершаемых наркокартелями, к категории наркопреступности. Это означает лишь то, что границы преступности террористического характера могут быть существенно расширены при условии, если убийства, связанные с наркотрафиком, рассматривать через призму политических целей, требований, заявлений или угроз.

В целом же в современной Мексике сложилась уникальная ситуация, свидетельствующая об ответном реагировании преступности на действия властей с использованием самых крайних, по сути террористических, методов противодействия государственным органам власти, что в зарубежной прессе и специальной научной литературе характеризуется как наркотерроризм. Впервые термин наркотерроризм стал упоминаться в отношении Революционных вооруженных сил Колумбии (ФАРК) в 1980 г. В дальнейшем на международном уровне упоминание о наркотерроризме появилось в 1983 г., когда бывший президент Перу Белаунде Терри использовал данный термин в отношении террористических атак, проводимых организацией «Светлый путь» против сил полиции. В 1986 г. президент США Рональд Рейган связывал наркотерроризм с международным незаконным оборотом наркотиков и связанным с ним терроризмом [9, р. 38].

Агентством по борьбе с наркотиками в США наркотерроризм определяется как деятельность группировок или связанных с ними лиц, направ-

ленная на обеспечение безопасности наркотрафика, взимание части дохода с наркоторговли, а также пособничество и подстрекательство к торговле наркотиками в целях финансирования террористической деятельности [16, р. 26; 7].

В научной литературе отмечается, что наркотерроризм проявляется в сращивании террористических, ультрареволюционных группировок с наркомафией, использование сверхдоходов, полученных последней, в политических целях, как правило, направленных на свержение законно избранных политических режимов, дестабилизацию ситуации в стране либо отдельном регионе [1, с. 436]. Однако подобное определение едва ли можно увязать с насилием и терроризмом, связанным с деятельностью наркокартелей в современной Мексике, поскольку картели не преследуют политические цели, а если и преследуют, то в той лишь части, в которой это необходимо для прикрытия нелегальной деятельности, то есть политические цели являются вторичными по отношению к экономическому интересу.

Таким образом, в обобщенном виде наркотерроризм применительно к Мексике представляет собой своеобразный симбиоз организованной наркопреступности и терроризма, при котором картели для достижения своих преступных экономических целей – получения сверхдоходов – начинают интенсивно и широко использовать методы открытого террора в целях запугивания населения, представителей официальных властей и оказания на них воздействия для того, чтобы уйти из-под государственного и социального контроля. Противодействие же наркотерроризму со стороны государственных органов власти, достигшее состояния открытого вооруженного противостояния, а равно систематическая силовая борьба между картелями характеризуются как нарковойна (drug war).

Структура мексиканской организованной наркопреступности на сегодняшний день представлена двенадцатью лидирующими наркокартелями и несколькими десятками локальных преступных группировок, действующими под покровительством более сильных организаций, а также уличными бандами, которые доводят наркотики до потребителей. Территориально сферы влияния между преступными группировками в принципе поделены, однако по мере усиления государственного воздействия на организованную преступность прослеживается тенденция к переделу сфер криминального влияния, что, как правило, сопровождается насилием и террором.

Среди всего разнообразия мексиканских наркокартелей, использующих методы терроризма в целях незаконного оборота наркотических средств, особое внимание обращают на себя такие группировки, как «Семья» (La Familia) и «Лос-Зетас» (Los Zetas). Интерес, обращенный к наркокартелю La Familia, объясняется тем, что это, пожалуй, единственная преступная организация среди всех наркокартелей, которая провозглашала политические цели, а совершение террористических актов и других насильственных

преступлений часто оправдывается политическими и идеологическими причинами. В частности, идеологическая риторика в совокупности с религиозными идеями связана с защитой бедных и угнетенных в штате Мичоакан, а совершение убийств оправдывается божественной справедливостью. Некоторыми аналитиками отмечается, что организация La Familia опиралась на поддержку народных масс в штате Мичоакан, и прежде всего, бедной части населения, в целях прикрытия своей криминальной деятельности и противостояния другим картелям [13, р. 30–32]. В действительности данная организация, как и другие картели, использовала насилие и запугивание для обеспечения своих экономических интересов, с той лишь разницей, что преступная деятельность активно прикрывалась псевдорелигиозными и политическими обещаниями и лозунгами.

Картель La Familia образовался в 2006 г. и просуществовал до 2011 г., когда под ударами правительственных войск, подразделений полиции и спецслужб основная часть группировки была ликвидирована, а остальные ее представители заявили о самороспуске. Что касается террористической и экстремистской деятельности данной организации, то в большинстве своем она сводилась к совершению заказных убийств, взрывов, поджогов и распространению экстремистских призывов, направленных против государства и других картелей.

Группировка Los Zetas на сегодняшний день является наиболее опасной и жестокой преступной организацией, использующей изощренные методы террористической деятельности, пытки, массовые казни, убийства, демонстрируемые в средствах массовой информации (убийства, выкладки, выкладываемые в интернет), и иные формы насилия, невзирая на социальный, имущественный, политический, возрастной или половой статус жертв.

Наркокартель Los Zetas в большинстве своем состоит из дезертиров элитных частей мексиканской армии, стрелковой парашютной бригады, а также бывших военнослужащих Гватемалы. Первоначально группировка выступала в качестве подразделения наемников, обеспечивающих интересы наркокартеля Гольфо (Cartel del Golfo). Со временем данная группировка обособилась и заняла лидирующие позиции среди других синдикатов, но не утратила при этом своего военизированного характера. Группировка поделена на тактические подразделения, способные мобильно действовать в различных ситуациях, и группы обеспечения, основная задача которых заключается в содействии проведению операций и предупреждению возможных угроз от правоохранительных органов и других картелей. Группы обеспечения, как правило, состоят из молодежи на велосипедах, которые предупреждают о приближении полиции или других подозрительных лиц, сюда же входят и лица, занимающиеся приобретением оружия, угоном автомобилей, перехватом телефонных звонков и поиском необходимой информации. В группировке Los Zetas имеются свои лагеря для подготовки

боевиков, сохраняются армейские традиции, жесткая военная дисциплина. На вооружении группировки имеются различные виды автоматического оружия, гранатометы, ракеты системы «земля – воздух», разные виды взрывчатых веществ [10].

В отличие от других мексиканских наркокартелей, группировка Los Zetas является в полном смысле военизированной организацией, деятельность которой связана с наркоторговлей и контрабандой наркотиков, в то время как другие наркокартели организованы не по военному принципу, хотя также имеют в распоряжении вооруженные подразделения. При этом следует отметить, что военизированные организации наркокартелей, за исключением группировки Los Zetas, являются образованиями, которые не входят в структуру картелей. По сути, речь идет о преступной кооперации наркомафии и наемников, в которой наемники осуществляют силовое обеспечение деятельности картелей, а последние, в свою очередь, предоставляют им часть дохода от наркотрафика.

Наркотерроризм в современной Мексике тесно связан с экстремистской деятельностью разрозненных уличных банд, выступающих самостоятельным звеном в системе транспортировки и сбыта наркотиков на территории Мексики и других государств. По своей природе уличные банды, так же как наркокартели и локальные преступные группировки (Local Mafias), контролируют определенные муниципальные территории, что порождает конкуренцию во взаимоотношениях с «коллегами» по преступному промыслу. Однако в отличие от наркокартелей уличные банды менее организованы, не имеют постоянной специализации, зачастую выступают как криминальные движения, члены которых придерживаются определенных традиций и подчиняются специальным нормам, формируя тем самым свою субкультуру [3].

На фоне различных криминальных уличных банд в Мексике особое внимание обращают на себя две такие лидирующие уличные группировки, как Mara Salvatrucha (Mara Сальватруча, что на местном сленге значит «сальвадорские бродячие муравьи», или MS-13) и 18th Street Gang (банды 18-й улицы, или M-18). Эти группировки являются самыми многочисленными бандами, действующими во многих государствах Северной и Центральной Америки. По данным ФБР, общая численность каждой из этих уличных международных группировок составляет от 30 до 50 тыс. человек, из них до 80% находятся в Мексике и Центральной Америке [12]. Точную же численность банд в Мексике сложно определить, так как количество их участников постоянно изменяется. Однако, по общим подсчетам, по состоянию на 2010–2011 гг. общая численность двух данных банд в Мексике превышает 20 тыс. ее членов [14].

По своей природе банды выступают в виде уличных движений с экстремистскими целями, идеалами и принципами. Экстремистская направ-

ленность этих банд означает, во-первых, постоянное нахождение в состоянии конфликта друг с другом, так как исторически, несмотря на схожесть в организации и криминальной деятельности, банды выступают в качестве непримиримых врагов, во-вторых, банды всегда готовы применять насилие для достижения своих целей в отношении простых граждан и представителей власти, в-третьих, акты насилия со стороны этих банд не связаны с политическими целями. Между тем характер насилия двух этих уличных группировок (движений) необходимо отличать от классических террористических организаций и наркокартелей. От террористических организаций они отличаются тем, что по своим целям являются абсолютно аполитическими социальными явлениями, а их криминальная деятельность, связанная с насилием, не направлена на оказание влияния на органы власти или население и не ориентирована на извлечение политических выгод. В свою очередь, по характеру насилия банды отличаются от наркокартелей определенной «сдержанностью» и избирательным характером при совершении насильственных преступлений. Например, если наркокартели используют насилие в самых изощренных проявлениях в отношении любых неугодных лиц, невзирая при этом на их социальный статус (простые граждане, наркоторговцы, военные, полицейские, журналисты, мэры, политики и другие), то указанные мексиканские банды применяют насилие, как правило, без садистских методов и преимущественно в отношении членов враждующих банд или иных лиц, втянутых в криминальную деятельность. Конечно, нельзя категорически утверждать, что члены этих уличных банд не посягают на представителей государственной власти или иных лиц, которые не связаны с криминалом. В действительности подобные убийства или покушения на убийства случаются не редко, но, в отличие от наркокартелей, эти убийства совершаются либо при сопротивлении властям, либо в результате криминальных разборок или осуществления криминальных операций, когда по чистой случайности страдают невинные люди. Намного реже, чем наркокартели, уличные банды организуют заказные убийства представителей власти, политиков, журналистов. Совершение террористических актов, массовых убийств, демонстративных казней, пыток, сжигание живых людей уличные группировки *Mara Salvatrucha 13* и *18th Street Gang* практикуют крайне редко.

Таким образом, уличные банды в Мексике, как и наркокартели, с криминологической точки зрения являются экстремистскими объединениями, однако, учитывая характер криминального насилия и категории жертв, к которым это насилие применяется, не представляется возможным ставить эти преступные объединения на одну плоскость, как, впрочем, нельзя их отождествлять и с террористическими или повстанческими группировками.

В заключение следует отметить, что в современной Мексике организованная наркопреступность уже давно отошла от модели взаимовыгодного

сотрудничества государства (в лице коррумпированных служащих) и криминалитета и превратилась в некую альтернативную по отношению к государству систему со своими законами (понятиями), территорией, населением, инфраструктурой, криминальной экономикой и армией. Террористические методы, активно используемые наркокартелями, становятся неотъемлемой частью их криминальной деятельности по распространению наркотических средств, а также инструментом воздействия на органы государственной и муниципальной власти. В перспективе рост насилия и террора в мексиканском обществе, вероятно, будет продолжаться, что объясняется большим влиянием наркокартелей на социальные отношения и государственные институты власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годунов, И. В. Организованная преступность от расцвета до заката : учеб. пособие для вузов / И. В. Годунов. – М. : Академический проект, 2008. – 452 с.
2. Карташов, И. В. Мексике обнаружены останки 14 человек [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/06/08/meksika-site.html>.
3. Beittel, S. Mexico's Drug Trafficking Organizations: Source and Scope of the Rising Violence. June 8, 2012 [Electronic resource] : CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. August 3, 2012 // Federation of American Scientists. – Access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R41576.pdf>.
4. Chasdi, R. Terrorism in North America (Canada, United States, Mexico), 1970–2010: a Research Note // Perspectives on Terrorism. – 2012. – Vol. 6, iss. 4–5. – P. 145–159.
5. Molzahn, C. Drug Violence in Mexico: Data and Analysis Through 2012 [Electronic resource] : Special report / Cory Molzahn, Octavio Rodríguez, David A. Shirk ; University of San Diego. Trans-Border Institute // Justice in Mexico project. – 2013. – Access: http://www.antonioacasella.eu/archila/Mexico_february_2013.pdf.
6. Molzahn, C. Drug Violence in Mexico: Data and Analysis Through 2011 [Electronic resource] : Special report / Cory Molzahn, Octavio Rodríguez, David A. Shirk ; University of San Diego. Trans-Border Institute // Justice in Mexico project. – 2012. – Access: <http://justiceinmexico.files.wordpress.com/2012/03/2012-tbi-drugviolence.pdf>.
7. Holmberg, J. Narcoterrorism [Electronic resource] // Terrorism, Transnational Crime and Corruption Center. – Access: http://traccc.gmu.edu/pdfs/student_research/HolmbergNarcoterrorism.pdf.

8. Justice in Mexico Project [Electronic resource]. – Access: <http://justiceminister.org.mx/data-portal/homicidios/>.
9. Longmire, S. Redefining Terrorism: Why Mexican Drug Trafficking is More than Just Organized Crime / S. Longmire, J. Longmire // *Journal of Strategic Security*. – 2008. – Vol. 1, no 1. – P. 35–52.
10. Los Zetas: the Ruthless Army Spawned by a Mexican Drug Cartel [Electronic resource] // The Foreign Policy Research Institute. – Access: <http://www.fpri.org/enotes/200805.grayson.loszetas.html>.
11. Molzahn, C. Drug Violence in Mexico: Data and Analysis from 2001–2009 [Electronic resource] : Special report / C. Molzahn, O. Rodríguez, D. Shirk ; University of San Diego. Trans-Border Institute // The Wilson Center. – 2010. – Access: http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/2010-Shirk-JMP-Drug_Violence.pdf.
12. National Gang Intelligence Center–2009 : National Gang Threat Assessment retrieved June 19, 2012 [Electronic resource] // The Federal Bureau of Investigation. – Access: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/national-gang-threat-assessment-2009-pdf>.
13. Rollins, J. International Terrorism and Transnational Crime: Security Threats, U.S. Policy, and Considerations for Congress. January 5, 2010 [Electronic resource] / J. Rollins, L. S. Wyler // U.S. Department of State. Diplomacy in action. – Access: <http://fpc.state.gov/documents/organization/134960.pdf>.
14. Schaefer, A. G. Security in Mexico: Implications for U.S. Policy Options. 2009. [Electronic resource] / A. G. Schaefer, B. Bahney, J. Riley // RAND. Objective analysis. Effective solutions. – Access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG876.pdf.
15. Trelles, A. Bullets and Votes: Violence and Electoral Participation in Mexico / A. Trelles, M. Carreras // *Journal of Politics in Latin America*. – 2012. – № 2. – P. 89–123.
16. Thachuk, K. Transnational Threats: Smuggling and Trafficking in Arms, Drugs, and Human Life / K. Thachuk. – London : Praeger Security 2007. – 256 p.

REFERENCES

1. Godunov I. V. *Organizovannaya prestupnost' ot rascveta do zakata* [Organized crime from dusk till dawn]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008. 452 p.
2. Kartashov I. V. 14 corpses were founded in Mexico. *Russian Newspaper official website*. Available at: <http://www.rg.ru/2012/06/08/meksika-site.html> (accessed 20 July 2014).
3. Beittel S. Mexico's Drug Trafficking Organizations: Source and Scope of the Rising Violence. June 8, 2012. CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. August 3, 2012. *Federation of American*

Scientists. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R41576.pdf> (accessed 20 July 2014).

4. Chasdi R. Terrorism in North America (Canada, United States, Mexico), 1970–2010: a Research Note. *Perspectives on Terrorism*, 2012, vol. 6, iss. 4–5, pp. 145–159.

5. Molzahn Cory, Rodríguez Octavio, Shirk David A. *Drug Violence in Mexico: Data and Analysis Through 2012: Special report*. University of San Diego. Trans-Border Institute, 2012. Available at: http://www.antonioacasella.eu/archila/Mexico_february2013.pdf (accessed 20 July 2014).

6. Molzahn Cory, Rodríguez Octavio, Shirk David A. *Drug Violence in Mexico: Data and Analysis Through 2011: Special report*. University of San Diego. Trans-Border Institute, 2012. Available at: <http://justiceinmexico.files.wordpress.com/2012/03/2012-tbi-drugviolence.pdf> (accessed 20 July 2014).

7. Holmberg J. Narcoterrorism. *Terrorism, Transnational Crime and Corruption Center*. Available at: http://tracc.gmu.edu/pdfs/student_research/HolmbergNarcoterrorism.pdf (accessed 20 July 2014).

8. *Justice in Mexico Project*. Available at: <http://justiceinmexico.org/data-portal/homicides/> (accessed 20 July 2014).

9. Longmire S., Longmire J. Redefining Terrorism: Why Mexican Drug Trafficking is More than Just Organized Crime. *Journal of Strategic Security*, 2008, vol. 1, no 1, pp. 35–52.

10. Los Zetas: the Ruthless Army Spawned by a Mexican Drug Cartel. *The Foreign Policy Research Institute*. Available at: <http://www.fpri.org/enotes/200805.grayson.loszetas.html> (accessed 20 July 2014).

11. Molzahn C., Rodríguez O., Shirk D. *Drug Violence in Mexico: Data and Analysis from 2001–2009: special report*. University of San Diego. Trans-Border Institute, 2010. Available at: http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/2010-Shirk-JMP-Drug_Violence.pdf (accessed 20 July 2014).

12. *National Gang Intelligence Center - 2009: National Gang Threat Assessment retrieved June 19, 2012. The Federal Bureau of Investigation*. Available at: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/national-gang-threat-assessment-2009-pdf> (accessed 20 July 2014).

13. Rollins J., Wyler L. S., Rosen S. International Terrorism and Transnational Crime: Security Threats, U.S. Policy, and Considerations for Congress. January 5, 2010. *U.S. Department of State. Diplomacy in action*. Available at: <http://fpc.state.gov/documents/organization/134960.pdf> (accessed 20 July 2014).

14. Schaefer A. G., Bahney B., Riley J. Security in Mexico: Implications for U.S. Policy Options. 2009. *RAND. Objective analysis. Effective solutions*. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG876.pdf (accessed 20 July 2014).

15. Trelles A., Carreras M. Bullets and Votes: Violence and Electoral Participation in Mexico. *Journal of Politics in Latin America*, 2012, no 2, pp. 89–123.

16. Thachuk K. *Transnational Threats: Smuggling and Trafficking in Arms, Drugs, and Human Life*. London: Praeger Security, 2007. 256 p.

Архел Умберто Азурре Гарсия – адвокат, партнер ABC LATIN AMERICA CONSULTING GROUP SC, приглашенный профессор Дальневосточного федерального университета

РОЛЬ ЗАКОНА В ВОЙНЕ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ В МЕКСИКЕ

Более чем 3 000-километровый пояс малонаселенных территорий на границе между Мексикой и Соединенными Штатами Америки дает мексиканским наркокартелям огромное географическое преимущество над их колумбийскими коллегами. Культурные, этнические и экономические связи между двумя странами вдоль границы, реализация НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле) в начале 90-х и высокий спрос на наркотики на американском рынке создали идеальные условия для предприятия, которое дает мексиканским картелям от 19 до 29 млрд долл. в год только на продаже наркотиков.

Проблема с наркопреступностью в Мексике – это результат комбинации близости высокорентабельного рынка наркотиков и самого большого рынка оружия в мире, что позволяет мексиканским картелям получать достаточно доходов и оружия, чтобы бросить вызов государству. Американское общество представляет самый большой рынок потребления наркотиков во всем мире, и правительство США сосредоточено на решении проблемы высокого потребления наркотиков, рассматривая ее как проблему национальной безопасности, которая вышла за пределы ее границ. Кроме того, большое количество оружия, доступного в Соединенных Штатах как крупнейшем производителе оружия в мире, означает широкую доступность огнестрельного оружия в розницу даже при отсутствии лицензий и разрешительных документов.

Для эффективной борьбы с наркопреступностью в Мексике необходимо изучить феномен наркотрафика не только как движения нелегальных наркотиков из одного места в другое, но и как «структуры власти». Потому что только в этом случае возможно понять истинные масштабы явления, его связь с организованной преступностью и то, как оно может влиять на политику, его связь с дестабилизацией процессов, а также принятием политических, социальных и экономических решений.

Ключевые слова: наркопреступность, оборот наркотиков, право Мексики, национальная безопасность, рынок наркотиков, наркотрафик, потребление наркотиков, транснациональная преступность, наркотики.

Argel Humberto Aguirre García, Lawyer and Consultant, Partner in ABC LATIN AMERICA CONSULTING GROUP SC, visiting professor at the Far Eastern Federal University

MEXICAN WAR ON DRUGS AND THE RULE OF LAW

More than 3000 km long sparsely populated areas on the border between Mexico and the United States give the Mexican drug cartels huge geographical advantage over their Colombian counterparts. Cultural, ethnic and economic ties between the two countries along the border and the implementation of NAFTA (North American Free Trade Agreement) in the early 1990s and the high demand for drugs in the U.S. market have created ideal conditions for an enterprise that gives the Mexican cartels between \$ 19 and \$ 29 billion a year just by selling drugs.

The problem with drug trafficking in Mexico is the result of a combination of proximity to highly profitable drug market and the largest arms market in the world that allows the Mexican cartels get enough income and weapons to challenge the state. That is, the American public is the largest drug market in the world, and the U.S. government is focused on addressing the problem of high drug use, considering it as a national security issue that has moved beyond its borders. In addition, a large number of weapons available in the United States as the largest arms manufacturer in the world is the widespread availability of firearms in retail even in the absence of licenses and permits.

To effectively combat drug trafficking in Mexico is necessary to study the phenomenon of drug trafficking, not only as transportation of illegal drugs from one place to another, but also as a “power structure.” Because only in this case it is possible to understand the true scale of the phenomenon, its links to organized crime and how it can influence policy, its relation to the destabilization processes and political, social and economic decisions.

Keywords: drug crimes, drug abuse, traffic of drugs, Mexican law, national security, drugs market, drug addiction, transnational crimes, drugs.

Almost everybody would agree that the term «Rule of Law» or «State of Law» implies that the use of public power is predictable on the basis of legal rules. But this certainty that law tends to ensure by making actions and consequences be predictable on the basis of legal rules is not enough. A State of Law requires also that the practice of legal officials and authorities is reasonably moral, that mean that authorities are constrain to respect and ensure certain fundamental rights at all time. In this sense, predictability, certainty and a reasonable moral action are part

of this complex formula that we called «Rule of Law», but how we can ensure the existence of these components? of course there is not a short answer, the rules must be clear, the precision and the speed of change in law also influences, there must be independent and impartial courts that rule on the basis of equity and someone must ensure that court rulings are met.

All these brief ideas are attempts to show something that in normal conditions will not need to be explain and its quite obvious, the «Rule of Law» needs a functional State to be able to exist. But sadly the Mexican war on drugs has showed us, that in certain geographical areas of the country is hard to sustain the existence of a functional state. The widespread violence highlights the existence of a weak state, vulnerable to the internal struggles where the state building process is incomplete and the institutions are not consolidated. Therefore its quite hard for citizens, companies and even authorities get certain level of predictability and certainty to plan their activities.

For example, during the first quarter of the year media announced that Mexican government was planning to impose a 5% royalty on the pre-tax profits of mining companies. A logical step taken by the Mexican government in order to broaden its tax take (the lowest one in the OECD) but the mining companies criticized the new policy arguing that they were already paying a «cover security» tax to shield themselves from drug-related crime and that all those security expenses were excluded in the new royalty calculus. Thus, victims of the Cartels interruption in the mining industry, mining companies in Mexico have to deal with high costs of uncalculated criminal acts like thefts of precious metals as well as extortion, kidnap, violence against workers and destruction of infrastructure, that undoubtedly threaten the viability of their projects.

Mining companies in the role of victim it's a very good example that allow us to truly understand the size and the impact of the drug related violence in Mexico. For some reason, the idea of a large multinational corporation being victim of extortion, just down the border of the USA helps to get a good perspective. **But what exactly is happening in Mexico?** The Drug trade in Mexico emerged decades ago, starting in the era of prohibition in the US when Mexican gangs started to smuggle alcohol across the border with a high margin of profit. Drug smuggling started on a major scale in the 1960's but it was not until the mid 1980s, when the militarization of the sea routes used by Colombian cartels to supply the demand of cocaine in the United States market forced them to go trough Mexico, where the Mexican cartels start to impose a “paid in product” fee for the use of “their territory” and eventually became distributors by themselves.

With more than 3,000km non-high populated areas, the border between Mexico and the United States offer to the Mexican cartels a huge geographical advantage over their Colombian counterparts, the cultural, ethnic and economic ties between the two countries along the border and the implementation of NAFTA (North American Free Trade Agreement) during the early 90's and the

high demand on drugs of the American market created the perfect conditions for an enterprise that gives the Mexican cartels between \$19 and \$29 billion annually just on drug sales. These numbers do not explain the violence and the deterioration of the Rule of Law in Mexico by themselves, but gives you a very good idea of why the Mexican Cartels are willing to use extreme violence and the high corruption power that all that money gives to keep the control over the market.

So for being clear, Mexican drug problem, it's not a drug problem. The problem in Mexico It's the result of a combination of a highly profitable drug market and the biggest market of weapons of the world, which allows Mexican Cartels to receive enough incomes and weapons to defy the state. In this regard I will not be afraid to sustain the main problem is that we are suffering the consequences of two misguided policy from our northern neighbor. First the American society represent the biggest consume of market of drugs in the entire world, and the U.S. government has focused on addressing the high consumption of its citizens as a national security problem that came from outside its borders. Secondly the large number of guns available in the United States as the biggest gun manufacturer in the world is facilitated by a widespread availability of retail firearms licenses, permissive import regulations, and largely unregulated, owner-to-owner «kitchen-table» sales. This ensures that many types of low-and high caliber firearms, ammunition, and explosives are legally available to purchase in the United States [1, p. 8].

Regarding the US policy on drugs, the government instead of helping to break down the number of consumers inside its borders and so then reduce the demand, was aimed to prohibit and «bring the fight to the front door of the suppliers» in an attempt to stop the next financing cycle of illegal drugs. This generate at least two main problems, one of them is related with the most basic rules of the market, illegal markets are much more profitable. The hard policies on drugs are aimed to fight against the dealers not the consumers, so the risk of being caught and the limited amount of the merchandise generate higher price for the drugs and therefore more people will be willing to take the risk to take a stake in that market. The second problem is that «rigid policies» regarding drug markets, creates a «cartelization» of the market, because the small traffickers are not able to/or not willing to assume the risk, so that the stronger and more organized groups are strengthened and are favored.

These policies will explain how drug criminal organizations evolved and changed its structure and reconfigure themselves to the point of operate like transnational enterprises. They have CEO's, Operatives, technological teams, financing cycles and strategic alliances with other organizations. They have expansion programs, recruitment activities, internal comptrollers, special areas for tax, money laundry, quality control and other mechanisms of a big international corporation. Groups like «Los Zetas» comprised of former elite members of the Mexican military, «Los Zetas» initially worked as hit men for the Gulf Cartel.

Their cruelty and high military skills gave the Gulf Cartel an unprecedented grade of success in eliminating competition and ensuring the control of their traffic routes. A success that will lead them to become independent and be one of the most powerful Cartels in Mexico. And how the Mexican government reacts? In 2006 when Felipe Calderon declared the war on drugs, Mexican government decided to include the army and the marine forces into the fight, but fighting against a high mobility criminal structure, well trained and equipped, with high resources to corrupt and strategic vision, it's not an easy challenge.

The result of six years of war against drug cartels was according to the government, 67,786 violent deaths related with the drug violence, but some non-governmental organizations speak of more than 150,000 deaths related with the drug violence and more than 20,000 missing people. This result didn't finish with the great incomes of the drug cartels, each time the government hit on one drug lord, someone took its place, when government manage to weaken the infrastructure of a particular violent group another cartel used the moment to take its place. The conclusion, we must understand the phenomenon of narco-traffic, not just as the traffic of illegal drugs from one place to another but as a «structure of power». Because only in this way we could be able to understand the real scope of the phenomenon, its relation with organize crime, how they can influence in politics, its relation with destabilization processes and political, social and economical decisions.

In this sense governments must be able to change the perspective and fights against the addiction of consumers in order to tackle down the high incomes of the drug markets. Choose a prevention policy decriminalizing consumers and give them a proper treatment for rehabilitation is not only necessary to prevent rising drug prices in the market but to prevent violent groups like the Mexican cartels thrive within a given territory.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *The Way of the Gun: Estimating Firearms Traffic Across the U.S.-Mexico Border*. March 2013 [Electronic resource] // IGARAPÉ Institute, University of San Diego, Trans-border Institute. Access: http://catcher.sandiego.edu/items/peacestudies/way_of_the_gun.pdf.

REFERENCES

1. *The Way of the Gun: Estimating Firearms Traffic Across the U.S.-Mexico Border*. March 2013. IGARAPÉ Institute, University of San Diego, Trans-border Institute. Available at: http://catcher.sandiego.edu/items/peacestudies/way_of_the_gun.pdf (accessed 20 July 2014).

Дремлюга Роман Игоревич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного, публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: dreamluck@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА В ИНДОНЕЗИИ*

В статье рассматриваются криминологические характеристики терроризма в Индонезии. Исследуются основные показатели преступности террористического характера и динамика терроризма по отношению к мерам борьбы с преступностью, предпринимаемым государством, а также показываются различия между терроризмом в Индонезии и мировыми тенденциями развития терроризма. Изучаются и сравниваются статистические данные относительно структуры терроризма. Раскрываются особенности и детерминанты этого вида преступности. Анализируется влияние уголовного права и политических мер на динамику терроризма в Индонезии. Поскольку официальные данные о терроризме в Индонезии довольно фрагментарны и противоречивы, в данном исследовании используется довольно популярный среди западных ученых источник – Глобальная база данных терроризма. В статье рассматривается деятельность террористических организаций Джемаа Исламия и движение за свободный Аче, совершивших наибольшее количество нападений в стране. Проводится сравнительный анализ терактов, совершенных этими группами, приведены их методы и цели. Отмечается, что индонезийский терроризм имеет ярко выраженный религиозный характер. Большинство жертв терактов в Индонезии являются следствием религиозного терроризма, который более опасен для гражданского населения, чем для властей. Индонезийский терроризм не является однородным, и его можно разделить на две большие группы. К первой группе относится терроризм, имеющий религиозную основу, вторую группу составляет сепаратистское движение террористического характера. Оба вида терроризма отличаются друг от друга – они имеют совершенно разные цели и методы террористических атак, разную динамику и характер причиненного ущерба.

Ключевые слова: терроризм в Индонезии, преступность, террористические организации, причины терроризма.

* Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

Roman I. Dremluga, Cand. Sci (Law), Associate Professor of International, Public and Private Law Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: dreamluck@yandex.ru

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TERRORISM IN INDONESIA*

The article is devoted to criminological characteristics of terrorism in Indonesia, basic indicators of terrorist crimes and their dynamics in relation to the anti-crime measures taken by the state. It also shows the difference between the terrorism in Indonesia and global terrorism, compares the statistics relating to the structure of terrorism, reveals the features and determinants of this type of crime and analyzes the impact of criminal law and political measures on the dynamics of terrorism in Indonesia. Since official data on terrorism in Indonesia is quite fragmented and inconsistent, the present research relies on a popular tool among Western scholars – the Global Terrorism Database. The authors also reviewed the activities of the terrorist organizations such as Jemaah Islamiyah and the Movement for a Free Aceh, which committed the majority of attacks in the country, and performed a comparative analysis of the terrorist attacks committed by these groups, as well as their methods and goals. It seems that the Indonesian terrorism has an obvious religious character. The majority of the victims of terrorist attacks in Indonesia are the result of religious terrorism, which is often more dangerous for the civilian population than it is for the authorities. Indonesian terrorism is not homogeneous, and it can be divided into two large groups. The first group involves religion-based terrorism and the second group is based on separatist movements. These two groups are completely different with entirely different goals and methods of terrorist attacks, different dynamics and nature of the damage caused.

Keywords: terrorism in Indonesia, crime, terrorist organizations, the determinants of terrorism.

Наверное, для изучения терроризма нет более подходящей страны, чем Индонезия. На настоящий момент это страна с четвертым по численности населением мира, достигнувшем отметки в 250 млн человек [24]. При этом на территории данного государства, площадь которого является 14-й в мире, проживают более чем 300 народностей. Индонезийцы проживают на более чем 17 500 островах, многие из которых не имеют инфраструктуры и цивилизованных условий для жизни. Через воды, находящиеся под юрисдикцией государства, проходят стратегические морские пути Юго-Восточной Азии, которые уязвимы для пиратских и террористических атак.

* Scientific results obtained in the framework of the state task of The Ministry of education and science of Russian Federation, the task № 29.763.2014 / К.

Политическая обстановка в стране крайне нестабильна, так как Индонезия пережила не один политический кризис, вооруженные смены правительства, борьбу за независимость некоторых входящих в ее территорию областей, в том числе выход из ее состава Восточного Тимора в 2002 г.

На Индонезийском курортном острове Бали в 2002 году прогремело три взрыва, в результате которых было убито 202 и ранено 209 человек. Данное событие имело настолько сильный резонанс, что нашло отражение в резолюции Совета безопасности ООН [22]. Было выявлено, что организацией, ответственной за теракт, является «Джемаа Исламия» (Jemaah Islamiah), которая включена ООН в число международных террористических организаций. Некоторые из координаторов и исполнителей терактов были задержаны только в 2012 году [8]. По некоторым источникам, участники этой террористической организации проходили обучение в лагерях подготовки Аль-Каиды [11].

Представляется, что опыт, накопленный Индонезией в ходе интенсивной борьбы с терроризмом, крайне интересен для изучения и анализа. Более того, Индонезия, наверное, является пока единственной страной в мире, спектр мер по борьбе с терроризмом которой варьируется от уступок до ввода крайне жестких мер. Анализ и учет Индонезийского опыта борьбы с терроризмом, различных моделей антитеррористической деятельности по предупреждению и пресечению терроризма был бы полезен для выработки национальной стратегии по борьбе с терроризмом.

Так как официальные данные по терроризму в Индонезии достаточно разрозненны и противоречивы, в своем исследовании мы используем достаточно популярный среди западных исследователей инструмент – Глобальную базу данных терроризма. Эти сведения на протяжении многих лет собирались Национальным консорциумом изучения терроризма и реагирования на терроризм (The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism [5]), на сегодняшний день этот сайт является наиболее популярным среди исследователей ресурсом для анализа структуры и динамики преступлений терроризма во многих странах мира.

Представляется, что определение террористического акта в Глобальной базе данных терроризма отличается от принятого в российском уголовном праве. Под террористическим актом понимается любое применение или угроза применения принуждения или насилия лицами, действующими не от имени государства в целях достижения политических, экономических, религиозных или социальных целей посредством страха, принуждения или запугивания (англ. the threatened or actual use of illegal force and violence by a non-state actor to attain a political, economic, religious, or social goal through fear, coercion, or intimidation). Хотя это определение и незнакомо российскому уголовному праву, оно очень схоже с определением, данным в Индонезийском Законе по борьбе с преступными актами терроризма [21]. Со-

гласно определению Глобальной базы данных терроризма и Закона по борьбе с преступными актами терроризма, например, убийство или похищение высокопоставленного чиновника с целью посеять панику и страх среди населения, будет расцениваться как террористический акт, что расходуется с точкой зрения Российского УК.

Следует отметить, что динамика совершаемых терактов достаточно любопытна. Скачкообразное увеличение количества совершенных терактов не раз сменялось быстрым падением (рис. 1). Согласно данным GTD (Global Terrorism Database – Глобальная база данных терроризма) [5] первый пик количества террористических актов приходится на 1996 г. (65 инцидентов). Некоторые авторы отмечают, что в это время начался политический кризис [10], который в сумме с кризисом экономическим (1997–1998) привел к смене власти в Индонезии. Кроме того, именно на этот год приходится всплеск активности борцов за свободу Восточного Тимора, так они совершили ряд терактов 24 декабря [12;13], 7 [16], 13 [15] и 15 [14] октября и т.д.

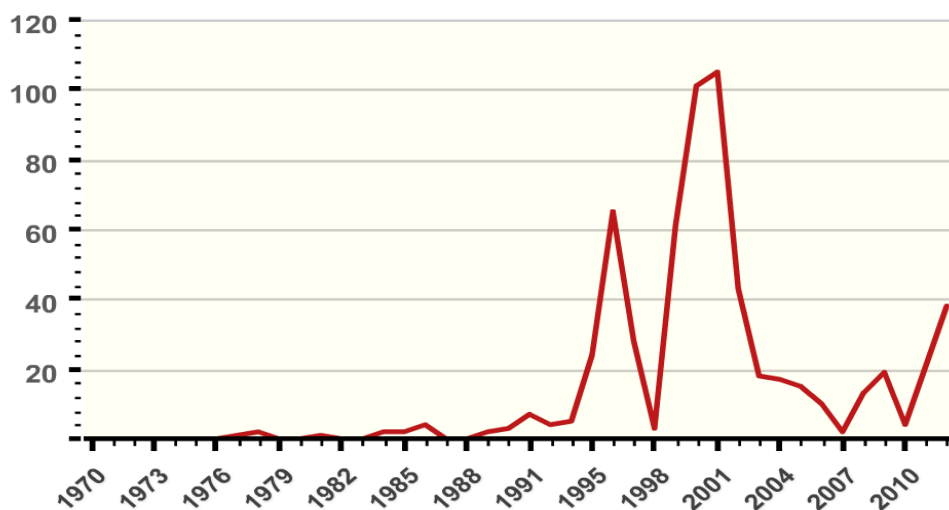


Рис. 1. Количество террористических актов, совершенных на территории Индонезии в 1970–2013 гг.

Второй пик количества терактов и попыток терактов приходится на 2001 г. (106 инцидентов). Отметим, что одной из явных причин волны терроризма в Индонезии в начале двухтысячных годов является экономический кризис. Кроме того, около половины инцидентов приходится на деятельность Движения за свободный Аче. В 2001 г. организация начала перегруппировку и изменила методы борьбы с открытой конфронтации на «тотальный террор».

С 2010 г. можно наблюдать непрерывный рост количества терактов, по нашему мнению, это можно объяснить сменой методов работы джихадист-

ского терроризма. Как отмечают некоторые авторы, главный стратегический ресурс джихадистов – экстремистская идеология в сочетании с уникальной, гибкой структурно-организационной моделью, позволяющей осуществлять эффективную координацию не с помощью прямого контроля из определенного центра, а путем общих стратегических целей и установок, и обеспечивающей жесткую дисциплину и внутреннюю интеграцию даже на микроуровне отдельных ячеек [7, с. 82]. Против терроризма с такой сетевой децентрализованной структурой уже «не работают» широкие полномочия правоохранителей и жесткие карательные меры, устранение одной ячейки не меняет ситуацию, так как отсутствует иерархия, отсутствует единый центр управления.

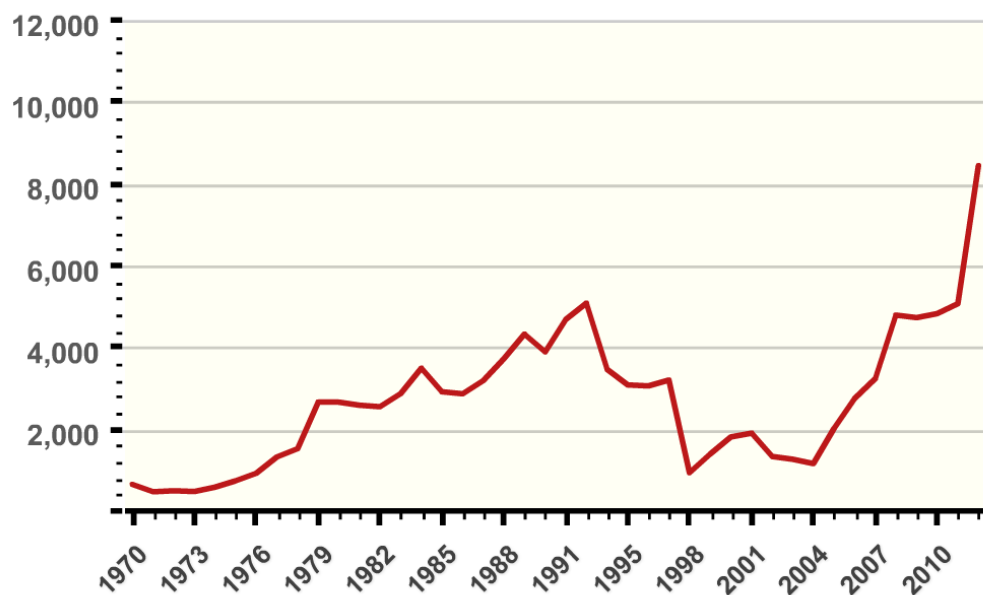


Рис. 2. Количество террористических актов, совершенных по всему миру в 1970–2013 гг.

Если взять общемировую статистику, приведенную в Глобальной базе данных терроризма, то в те годы, когда в Индонезии пик, во всем мире наблюдается спад активности террористов (рис. 2). Это свидетельствует о том, что терроризм в Индонезии имеет свои особенности и зачастую не детерминируется теми же причинами, что и в глобальных масштабах.

Всего в статистике приводится 620 случаев терактов в Индонезии с 1970 г. по декабрь 2012 г. Если разграничить теракты по способу совершения (рис. 3), то большая часть приходится на теракты, совершенные посредством взрыва бомб, – 235 случаев (37,9%), на втором месте – вооруженное нападение – 216 случаев (34,8 %).

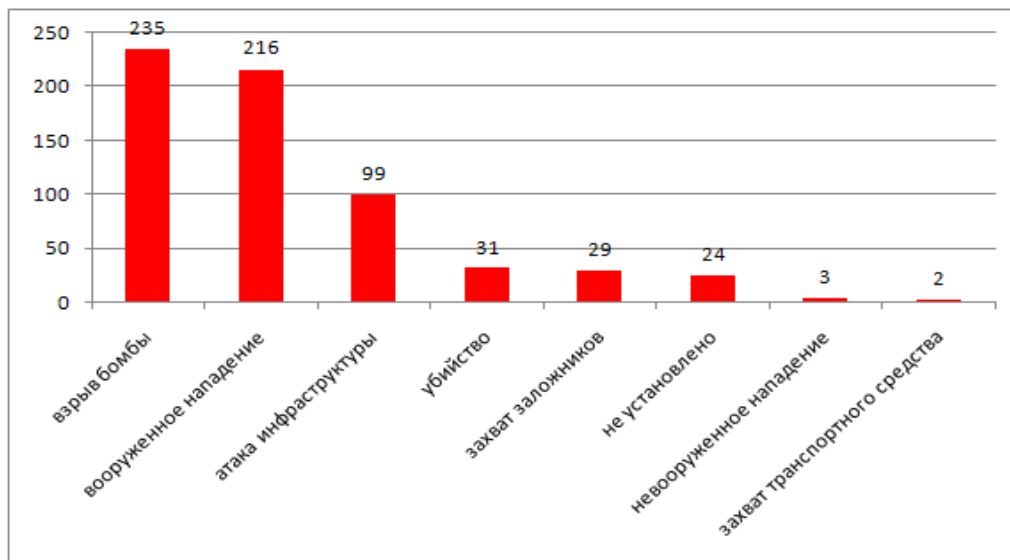


Рис. 3. Методы осуществления терактов в Индонезии

Если сравнивать с общемировыми данными, то согласно Глобальной базе данных терроризма на долю взрывов приходится 46,4% (52 584 случаев), а на долю вооруженных нападений – лишь 26,8 % (30 306), то есть Индонезийские данные существенно расходятся с общемировыми. Возможно, большое количество открытых военных конфликтов, как, например, длительный конфликт в Восточном Тиморе до того, как он получил независимость, борьба за независимость в провинции Аче (Aceh) до заключения мирного соглашения и получения ею автономии в октябре 2005 г., а также повстанческая борьба в регионе Ириан Джая (Западная Новая Гвинея) привели к доступности стрелкового оружия среди населения, а также существованию в стране хорошо вооруженных и экипированных групп.

Так как стрелковое оружие и устойчивые вооруженные формирования достаточно нередки для Индонезии, то вооруженное нападение там более распространено, чем во всем мире. Чтобы подтвердить это предположение, достаточно сравнить данные по Индонезии с другими странами: так, например, в Соединенных штатах Америки, где нет открытых конфликтов с применением оружия, вооруженные нападения составляют лишь 9,1 % терактов, а в Руанде, где долгое время была гражданская война и сохранялся открытый вооруженный конфликт, вооруженные нападения достигают 39%. Представляется, что это форма совершения преступлений терроризма чаще всего проявляется в странах с открытым вооруженным противостоянием.

Так как в уголовном законодательстве Индонезии и в Глобальной базе данных терроризма используется более широкое понятие теракта, чем в Российском уголовном праве, то убийства с целью достижения политических, экономических, религиозных или социальных результатов посред-

вом страха, принуждения или запугивания также относятся к терактам. Убийство становилось способом теракта в 13,3% (15 095) случаев по всему миру и лишь в 5% (31) – в Индонезии. 5,6% терактов связаны с похищением людей согласно общемировым данным и 4,7% – в Индонезии.

В 167 (26,9%) случаях мишенью террористов становились гражданское население или частная собственность, а в 148 (23,9%) случаях – религиозные деятели или учреждения. Последняя цифра лишней раз подтверждает религиозную направленность Индонезийского терроризма, так как в Глобальной базе данных терроризма зарегистрировано всего 2 791 таких случая по всему миру, что лишь 2,47% от общего числа зарегистрированных случаев. Отличие от общемирового показателя характерно для терроризма во многих мусульманских странах, например, Ирак – 4,4%, Иран – 7,5%, Саудовская Аравия – 7,1%, но криминологические данные Индонезии по религиозным деятелям и организациям в качестве цели теракта существенно отличаются даже от этих стран (рис. 4).

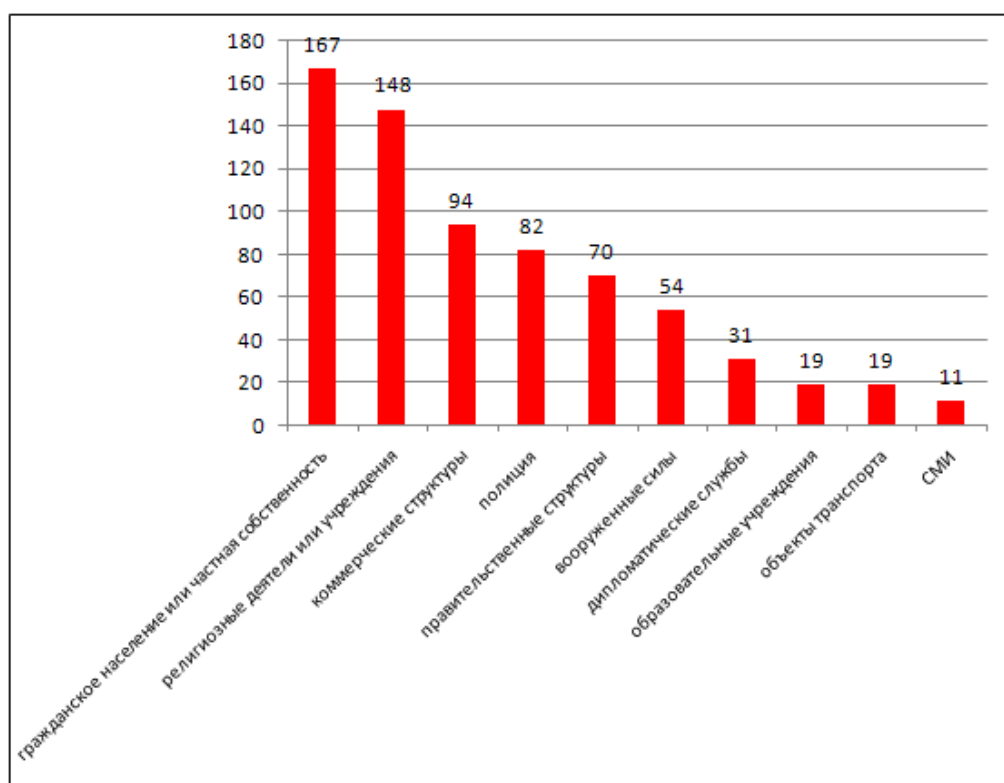


Рис. 4. Цели терактов в Индонезии

Организаций, ответственных за теракты на территории Индонезии, достаточно много, но их можно разделить на два основных типа – это промусульманские и сепаратистские движения (религиозный и политический

терроризм). Представляется, что без подробного рассмотрения деятельности этих организаций криминологическая характеристика терроризма в Индонезии была бы неполной, так как динамика количества терактов коррелирует с активностью изучаемых террористических групп.

При этом отметим, что цифра по гражданскому населению в качестве объекта атаки практически совпадает – 24,4 % (27 620 случаев). Полиция была мишенью террористов в 82 случаях (13,2%), а вооруженные силы – в 54 случаях (8,7%). Что касается общемировых данных, то это 13,2% (14 968) и 12,8% (14 534). То есть, если полиция в Индонезии становится объектом атак так же часто, как и во всем мире, то военные – гораздо реже. Отметим, что в Индонезии долгое время был чрезвычайный режим, опирающийся на военную верхушку, и военные обладали гораздо большими полномочиями для ответных мер и расследования террористических актов.

Что касается жертв, то большинство терактов, отмеченных в Глобальной базе данных терроризма, с 1970 г. были без погибших – 353 случая (56,9 %), в 209 случаев было от 1 до 10 погибших (33,7%). И только 2,9% случаев это теракты с большим, чем 10, числом погибших. Сравнивая с данными по мировому терроризму, отметим, что в 50,6% случаев также обходилось без погибших, то есть данная цифра не слишком отличается от Индонезийской (рис. 5).

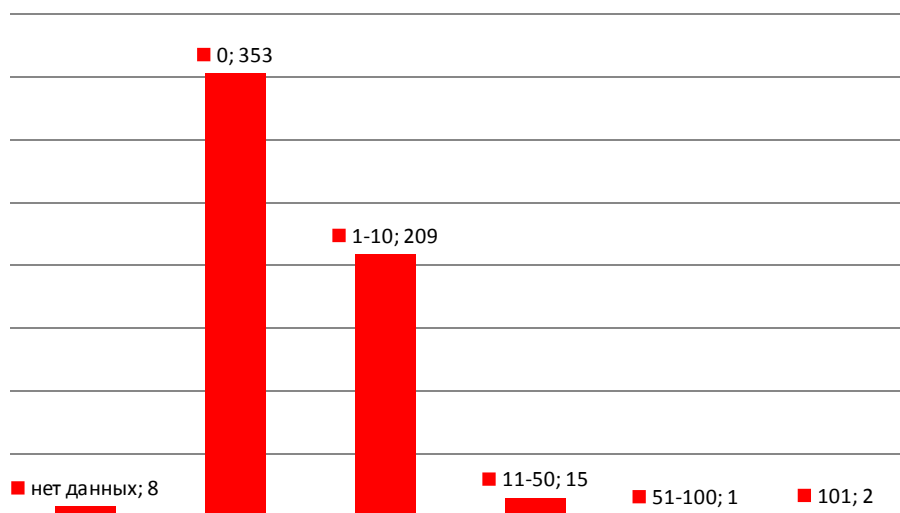


Рис. 5. Количество погибших в терактах Индонезии (в каждом столбце: слева – число погибших в теракте, справа – число терактов)

Если говорить о происламских организациях, то это – Антикоммунистическое подразделение (Anti-Communist Command), Фронт защитников Ислама (Front for Defenders of Islam), Джамаа Исламия (Jemaah Islamiya (JI)), Команда Джихад (Komando Jihad), Группа моджахедов Малайзии

(Kumpulan Mujahidin Malaysia), Ласкар-джихад (Laskar Jihad), Моджахед КОМПАК (Mujahideen КОМПАК (Crisis Management/Prevention Committee)).

Наиболее известные освободительные: Движение за свободный Аче (Free Aceh Movement (GAM)), Движение за свободу Папуа (Free Papua Movement (OPM)), Движение за свободу Южных Моллукских островов (South Maluku Republic (RMS)).

Наиболее активной и «кровавой» является Джамаа Исламия (Jemaah Islamiya (JI)), которая подозревается в причастности более чем к 57 терактам на территории Индонезии за последние 10 лет, от их рук по приблизительным оценкам пострадало более 1000 человек и около 300 человек погибло (рис. 6). Например, они ответственны за взрывы на курорте Бали в 2002 г., в которых погибло 202 человека, 300 было ранено [19; 20], или в 2005 [18], где было 25 убито, около 100 ранено. Бомба использовалась в 100 % случаев, в которых подозревалась данная организация.

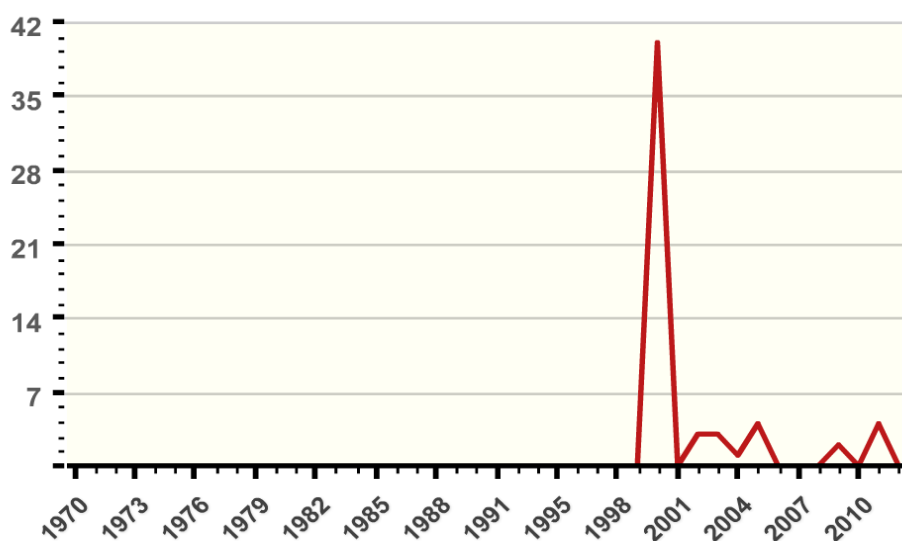


Рис. 6. Динамика количества терактов, совершенных террористической организацией Джамаа Исламия

Джамаа Исламия переводится как «Исламское общество». Целью развязанного ими террора является стремление сделать ислам стержнем политического устройства. В своей программе они намереваются превратить Индонезию в шариатское государство с последующим созданием «нового азиатского халифата», куда вошли бы Индонезия, Малайзия, Бруней, Сингапур, южные части Филиппин, Таиланда и Мьянмы. Усама Бен Ладен первым выдвинул проект создания всемирного халифата по законам шариата. Основателями организации Джамаа Исламия являются два имама – Абдолла Сункгар и Абу Бакар Башир. Свою деятельность они начинали с налаживания пиратской ра-

диостанции, проповедующей идеи ислама бедным и ученикам их собственной школы-интерната. Девизом этой школы являются слова Башира: «Смерть на пути Аллаха – наше самое высокое призвание» [9].

Прорелигиозный характер организации отражен и в целях, выбираемых террористами, несмотря на то, что самые известные теракты были совершены против гражданского населения, в 38 (66,7%) случаях мишенью были религиозные деятели или учреждения. Правительство или органы власти выбирались в качестве предназначения теракта только в 6 (10,5%) случаев.

Среди освободительных организаций, совершающих теракты, наиболее продуктивным до 2005 г. являлось Движение за свободный Аче (Free Aceh Movement (GAM)). После подписания мирного договора с Индонезией и получения достаточной политической, культурной и экономической свободы региона от метрополии, Движение за свободный Аче заявило о роспуске военных подразделений.

Так как Движение за свободный Аче было немногочисленным и не могло вести открытую конфронтацию с правительственными войсками, оно использовало специальную стратегию, в реализацию которой входил и тотальный террор на территории провинции.

Одной из целей Движения за свободный Аче было провоцирование негативного общественного мнения в регионе в отношении центральной власти. С помощью террористических актов против правительственных структур, армии и полиции провоцировались репрессивные меры в отношении гражданского населения; так, полиция и армия, для того чтобы найти повстанцев, сжигали целые деревни, пытали людей и таким образом увеличивали круг недовольных Индонезийской властью. Кроме того, повстанцы с помощью террористических актов пытались дестабилизировать работу государственных структур в провинции, причем речь шла не только об офисах государственных служб. Так, например, Движение за свободный Аче сжигало школы и убивало школьных преподавателей [23, р. 50–51].

Отметим также, что террористические акты часто были направлены против заселяемых правительством яванцев, в которых повстанцы находили угрозу, так как местное население могло стать меньшинством. Кроме того, Движение за свободный Аче боялось, что «не ачехцы» будут организованы правительством в силы милиции, как это было сделано в Восточном Тиморе.

Из открытых источников известно, что организация ответственна за как минимум 117 терактов на территории Индонезии (рис. 7). Отметим, что получению автономии способствовал всплеск террористической деятельности. Как уже говорилось выше, освободительное движение предпочитает для совершения терактов огнестрельное оружие (58 терактов – 49,6%) гораздо чаще, чем взрывные устройства (45,2%).

Возможно, это вызвано тем, что повстанцы не хотели больших жертв среди мирного населения, так как им необходимо было привлечь на свою

сторону как можно больше поддержки. Огнестрельное оружие позволяет более точно выбрать мишень, не причиняя вреда посторонним людям.

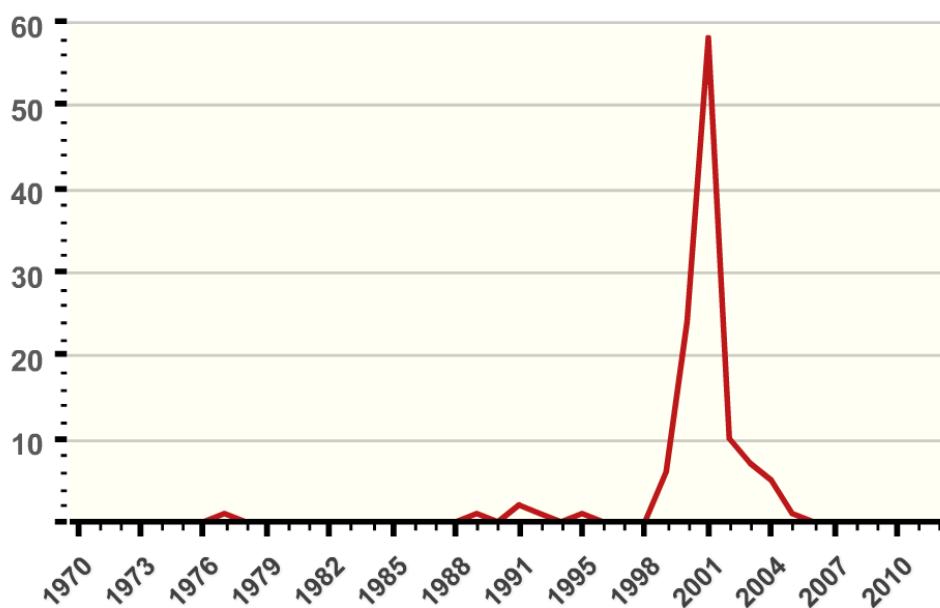


Рис. 7. Динамика количества терактов, совершенных террористической организацией Движение за свободный Аче

Действительно, статистические данные подтверждают это предположение, несмотря на большее количество терактов, в них погибло гораздо меньше людей. По сведениям Глобальной базы данных терроризма, среди их терактов нет таких, в которых погибло более 50 человек, и всего 2 теракта, в которых погибло более 10 человек. Причём в одном из них, нападении на плантацию и расстреле 31 человека, вина повстанцев из Движения за свободный Аче так и не была доказана [17].

Целью Движения за свободный Аче было также склонение на свою сторону международных организаций и получение поддержки мирового сообщества, поэтому значительные жертвы среди гражданского населения или иностранных граждан им были не выгодны. Так, в терактах на Бали, совершенных организацией Джамаа Исламия, погибли преимущественно иностранные граждане, что вызвало негативную реакцию всего мирового сообщества. Движение за свободный Аче, напротив, не раз привлекало поддержку организаций по защите прав человека, проделывая очень умелую операцию. Согласно данным некоторых исследователей, они организовывали лагеря беженцев и сгоняли туда мирное население с целью инсценировать гуманитарный кризис, после привлечения зарубежных массмедиа они позволяли беженцам вернуться в свои дома [23, p. 51].

Отметим также, что политические меры, предпринятые правительством Индонезии, были достаточно эффективны, так как количество совершаемых в Аче терактов сократилось до нуля; и наоборот, активные репрессивные меры только способствовали активизации террористической активности.

После получения автономии Движение за свободный Аче больше не совершает терактов, одним из условий мирного соглашения между повстанцами было разоружение и прекращение террористической деятельности. Пример региона Аче показал, что с сепаратистским терроризмом можно эффективно бороться только последовательными политическими мерами, а репрессии только провоцируют новую волну терактов.

Говоря о причинах и детерминантах Индонезийского терроризма, нельзя не выделить одну из характерных особенностей. Представляется, что Индонезийский терроризм имеет яркую религиозную окраску. По крайней мере, большинство жертв – это результат именно религиозного терроризма, который зачастую больше угрожает гражданскому населению, чем представителям власти.

Эксперты считают, что сегодня исламский терроризм приобретает черты политико-религиозного конфликта, противоборствующими сторонами которого являются: развитый либерально-демократический, модернистский Запад – с одной стороны, и мусульманский мир – с другой. Кроме того, среди исполнителей террористических акций преобладают люди, принявшие ислам, сторонники ваххабизма, получившие распространение во многих странах мира, в том числе в Европе. Данное обстоятельство имело особое значение для России в связи с развитием ситуации на Северном Кавказе, где до недавнего времени не было ни одной террористической группировки, которая изначально имела бы религиозные мотивы совершения преступлений. Это свидетельствует о «заражении» экстремистской, религиозной идеологией, распространяемой со стороны государств Арабского Востока. Спецслужбами был опубликован в печати доклад, из которого следует, что в любой мусульманской общности носителей фундаменталистской идеологии насчитывается до 5%. Примерно 3% из их числа готовы к участию в акциях терроризма [3, с. 32]. Отметим, что наметившийся в последнее время «поворот» в сторону США и Австралии спровоцировал недовольство среди мусульманского населения Индонезии, так как США расценивается как «негласный враг» всего мусульманского мира. Более того, недовольство политическим сближением с западным миром является идеологическим посылом многих террористических организаций, действующих на территории Индонезии.

Реализация исламской концепции миропорядка, как гарантия достижения мира, справедливости тем или иным радикальным движением, сопряжена с применением и пропагандистских, и террористических методов. Использование последних для обеспечения торжества своей нации (под

прикрытием религии) и/или религии (под прикрытием интересов нации), реализация националистических и религиозных идей за счет подавления, запугивания, уничтожения и других, и себе подобных в рамках как этноса, так и религии национальных и религиозных групп, реализация исламского проекта миропорядка, связанная с подавлением несогласных ее принять, и составляет сущность этнорелигиозного терроризма как политического явления [6, с. 54]. Например, как упоминалось выше, одной из целей Джамаа Исламия является создание «нового азиатского халифата», куда вошли бы Индонезия, Малайзия, Бруней, Сингапур, южные части Филиппин, Таиланда и Мьянмы.

Некоторые авторы более категоричны в своих заявлениях, считая ислам основной продуцирующей мировой терроризм силой. Так, С.В. Иванеев говорит о том, что современный мир потрясают многие негативные явления, несовместимые с принципами гуманизма и прогрессивными идеалами нынешней цивилизации. Среди таких негативных явлений заметное место занимают экстремизм, фундаментализм и терроризм, выступающие в облачении ислама. За последние десятилетия мир не раз содрогнулся от пиратских акций тех, кто под покровом защиты «истинной веры пророка» совершили неслыханные злодеяния против человечества. Немало пострадала от них и Россия, наш многонациональный народ. Эти формы хорошо известны. Они вызывают законный гнев и единодушное осуждение всех честных граждан страны. Но осуждать можно сколько угодно, без эффекта пресечения этого зла, важно обнажить те скрытые силы, которыми оно движется [1, с. 20]. Хотя автор не разделяет мнения о том, что ислам и терроризм – это тождественные понятия, как показал анализ, цели большинства террористических групп, действующих на территории Индонезии, так или иначе связаны с религией, будь то создание единого халифата на территории стран Юго-Восточной Азии или война против неверных. Даже терроризм, основанный на сепаратизме, иногда напрямую связан с религиозными противоречиями. Так, создание Движения за свободу Южных Моллукских островов во многом вызвано тем, что на островах преимущественно проживают христиане, которые испытывают притеснения со стороны остального, преимущественно мусульманского, населения Индонезии. В регионе Аче, независимости которого долгое время добивалась организация Движение за свободный Аче, проповедуют более консервативные формы ислама, особенно негативно выступая против трансформации Индонезии в светское государство. То есть, как и во многих других регионах, исламский фактор является одной из решающих детерминант терроризма.

Одними из ключевых факторов, продуцирующих терроризм, являются также социально-экономические. Так, из криминологического анализа видно, что всплески террористической активности приходились на годы экономических или политических кризисов в Индонезии.

Несмотря на определенные успехи и экономический рост последних лет, социальными проблемами в стране продолжают оставаться бедность и безработица. В 2012 г. количество официальных безработных в Индонезии составило 6,1% от численности работающего населения (в 2011 г. – 6,6%). В 2012 г. минимальная заработная плата рабочих в среднем по стране составила 1 023,8 тыс. индонез. рупий (порядка 106,6 долл. США). Самая высокая минимальная заработная плата была в провинции Западный Калимантан (1 327,5 тыс. индонез. рупий, или 138,2 долл. США), а самая низкая – в провинции Западная Ява (720 тыс. индонез. рупий, или 75 долл. США). При этом доходы индонезийцев, занятых в неформальном (теневом) секторе, который составляет значительную часть экономики страны, не поддаются учёту и зачастую гораздо ниже доходов в формальном секторе (так, например, заработная плата подённого рабочего за 12 часов погрузочно-разгрузочных работ может составлять 20 тыс. рупий, или 2,1 долл. США). Несмотря на определенные успехи экономического развития Индонезии, уровень жизни продолжает оставаться очень низким. Численность населения, живущего за чертой бедности, составила в 2012 г. порядка 28,6 млн человек (около 11,5% всего населения) [4].

Нельзя не отметить и политический фактор: Индонезия, являясь четвертым по населению и 14-м по территории государством мира, до сих пор не держит под контролем многие регионы страны. Восточный Тимор, наиболее отдаленный от столицы регион, вышел из-под контроля государства и после продолжительной освободительной борьбы стал независимым. Похожая ситуация складывается и в регионе Аче, который не так отдален, тем не менее его население также не считало центральную власть эффективной и активно боролось за независимость, получив в результате автономию. В настоящее время мусульманское население крайне недовольно демократизацией государства. Например, одной из причин сепаратистских настроений жителей региона Аче было несоответствие политики государства консервативному исламу, который там проповедовался.

Индонезия является унитарной республикой президентского типа, и ее политическое устройство не предназначено для управления таким многонациональным, многоязыковым, полиэтническим народом. На официальном Индонезийском языке говорит и читает чуть более половины населения (см., например: Country Profile: Indonesia, December 2004. URL: <http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/profiles/Indonesia.pdf>). Так как вся территория страны до Второй мировой войны была голландской колонией, можно сказать, что объединение народов и территорий Индонезии было достаточно искусственным. Теперь же, получив независимость от колонизаторов, народы постепенно понимают, что их мало что объединяет. На настоящий момент, по крайней мере, три региона Индонезии пытаются получить независимость: Аче, Западная Гвинея и Молуккские острова, не считая Восточный Тимор, который уже вышел из-под индонезийской власти.

Подводя итоги криминологической характеристике Индонезийского терроризма, отметим, что он не однороден, и его можно разделить на две больших группы. Это терроризм, имеющий религиозную почву, и терроризм сепаратистских движений. Эти два блока настолько различны, что имеют совершенно разные цели и способы терактов, разную динамику и характер причиненного вреда. Динамика Индонезийского терроризма чаще обусловлена политическими решениями и ситуацией, чем общемировыми тенденциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванеев, С. В. Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом ислама // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 12. – С. 18–23.
2. Материалы пленарного заседания 58 сессии Генеральной ассамблеи ООН. A/58/PV.8. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных наций – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/58/plenary/indone.pdf>.
3. Медов, М. У. Терроризм в Российской Федерации и Западной Европе: основные причины и условия распространения // Российский следователь. – 2012. – № 20. – С. 30–33.
4. Обзор состояния экономики Индонезии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/id/about_id/eco_id/
5. START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism) [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/about/about-start>.
6. Станкевич, Г. В. Терроризм под исламским прикрытием // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 53–57.
7. Степанова, Е. А. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности. – 2007. – № 1 (81), т. 13. – С. 66–89.
8. Теракты на Бали в 2002 году: хроника событий и расследование [Электронный ресурс] : РИА Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20121012/770789985.html#ixzz2pywsKG5U>.
9. Фролова, М. А. Деятельность исламской экстремистской организации «Джамаа Исламия» в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Центр изучения отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Режим доступа: <http://ru.apircenter.org/archives/286>.
10. Heryanto, A. State Terrorism and Political Identity in Indonesia : Fatally Belonging / Ariel Heryanto. – New York, 2006. – 256 p.

11. Indonesia 2012 Crime and Safety Report: Jakarta [Electronic resource] // United States department of state bureau of diplomatic security. – Access: <https://www.osac.gov/pages/contentreportdetails.aspx?cid=12027>.
12. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199612240008>.
13. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199612240007>.
14. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199611150007>.
15. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199611130013>.
16. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199611070010>.
17. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200108090007>.
18. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200510010002>.
19. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200210120005>.
20. Incident Summary [Electronic resource]. – Access: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200210120004>.
21. Law on combating criminal acts of terrorism [Electronic resource] // UNDOC. – Access: <https://www.unodc.org/tldb/showDocument.do?documentUid=2927>.
22. Resolution 1438 (2002) Adopted by the Security Council at its 4624th meeting, on 14 October 2002 [Electronic resource]. – Access: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/638/47/PDF/N0263847.pdf?OpenElement>.
23. Understanding Civil War. Vol. 2 / ed. by P Collier, N. Sambani. – Washington : World Bank Print, 2005. – 350 p.
24. World Population Prospects The 2012 Revision, UN. New York, 2013 [Electronic resource]. – Access: http://esa.un.org/unpd/wpp/Documentation/pdf/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf.

REFERENCES

1. Ivaneev S. V. Ekstremizm, fundamentalizm i terrorizm pod flagom islama [Extremism, fundamentalism and terrorism under the banner of Islam]. *Voennyuridicheskii zhurnal*, 2010, no 12, pp. 18–23.
2. *Materialy plenarnogo zasedaniya 58 sessii General'noi assamblei OON. A/58/PV.8.* [Proceedings of plenary session 58 UN General Assembly session. A/58/PV.8. The United Nations]. Available at: <http://www.un.org/ru/ga/58/plenary/indone.pdf> (accessed 20 July 2014).

3. Medov, M. U. Terrorizm v Rossiiskoi Federatsii i Zapadnoi Evrope: osnovnye prichiny i usloviya rasprostraneniya [Terrorism in Russia and Western Europe: the underlying causes and conditions of propagation]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2012, no 20, pp. 30–33.
4. Obzor sostoyaniya ekonomiki Indonezii [Review of the Indonesian economy]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii*. [The Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/id/about_id/eco_id/ (accessed 20 July 2014).
5. *Official website organization START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism)*. Available at: <http://www.start.umd.edu/about/about-start> (accessed 20 July 2014).
6. Stankevich G. V. Terrorizm pod islamskim prikrytiem [Terrorism under the guise of Islamic]. *Obshchestvo i pravo*, 2011, no 3, pp. 53–57.
7. Stepanova E. A. Islamistskii terrorizm segodnyashnego dnya: global'nyi i lokal'no-regional'nyi urovni [Islamist terrorism today: global and regional levels locally]. *Indeks bezopasnosti*, 2007, no 1 (81), vol. 13, pp. 66–89.
8. Terakty na Bali v 2002 godu: khronika sobytii i rassledovanie [Terrorist attacks in Bali in 2002: chronicle of events and investigation]. *RIA Novosti*. Available at: <http://ria.ru/spravka/20121012/770789985.html#ixzz2pywsKG5U> (accessed 20 July 2014).
9. Frolova, M. A. Deyatel'nost' islamskoi ekstremistskoi organizatsii «Dzhamaa Islamiya» v Yugo-Vostochnoi Azii [The activity of Islamic extremist organization "Jamaa Islamiya in South-East Asia]. *Tsentr izucheniya otnoshenii v Aziatsko-tikhookeanskom regione Activities of the Islamic extremist organization «Jamaa Islamiya» in Southeast Asia* [Center for the Study of relations in the Asia-Pacific region]. Available at: <http://ru.apircenter.org/archives/286> (accessed 20 July 2014).
10. Heryanto Ariel. *State Terrorism and Political Identity in Indonesia: Fatally Belonging*. New York, 2006. 256 p.
11. Indonesia 2012 Crime and Safety Report: Jakarta. *United States department of state bureau of diplomatic security*. Available at: <https://www.osac.gov/pages/contentreportdetails.aspx?cid=1202> (accessed 20 July 2014).
12. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199612240008> (accessed 20 July 2014).
13. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199612240007> (accessed 20 July 2014).
14. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199611150007> (accessed 20 July 2014).
15. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=199611130013> (accessed 20 July 2014).

16. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=19961107001> (accessed 20 July 2014).
17. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200108090007> accessed 20 July 2014).
18. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200510010002> (accessed 20 July 2014).
19. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200210120005> (accessed 20 July 2014).
20. *Incident Summary*. Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200210120004> (accessed 20 July 2014).
21. Law on combating criminal acts of terrorism. *UNDOC*. Available at: <https://www.unodc.org/tldb/showDocument.do?documentUId=2927> (accessed 20 July 2014).
22. Resolution 1438 (2002) Adopted by the Security Council at its 4624th meeting, on 14 October 2002. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/638/47/PDF/N0263847.pdf?OpenElement> (accessed 20 July 2014).
23. *Understanding Civil War. Vol. 2*. Eds. P. Collier, N. Sambanis. Washington: World Bank Print, 2005. 350 p.
24. *World Population Prospects The 2012 Revision, UN*. New York, 2013. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/Documentation/pdf/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (accessed 20 July 2014).

Хуан Даосю – профессор Политико-юридического университета Китая, председатель Научно-исследовательского центра российского права, г. Пекин, КНР. E-mail: daoxiuhuang@aliyun.com

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КИТАЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

В статье рассматривается актуальная для современного Китая проблема борьбы с преступностью террористического характера, что является одним из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности китайского государства. В настоящее время террористические преступления в Китайской Народной Республике становятся более организованными, многообразными и трансграничными, что существенно угрожает общественной безопасности в стране и бросает вызов уголовной юстиции. Общественная опасность криминального терроризма и экстремизма в Китае характеризуется тем, что совершенные преступления насильственного характера отличаются идеологией религиозного экстремизма. Средствами совершения преступлений являются в основном холодное оружие и взрыв-

ные устройства, при этом органы государственной власти, в том числе полиция, являются главными объектами терактов, а органы общественной безопасности редко получают информацию о терактах заблаговременно. В статье также отмечается, что терроризм в Китае тесно связан с зарубежными террористическими организациями и часто финансируется ими. В связи с этим Правительство Китая предпринимает активные шаги в сфере противодействия терроризму как в организационно-правовом плане, так и в сфере китайского уголовного законодательства. Так, 12 ноября 2013 г. при ЦК КПК был образован Совет государственной безопасности, являющийся органом высшего звена по принятию решений в области государственной безопасности и координационной структурой, обладающей наивысшим авторитетом и ответственной за осуществление единого планирования внутренней и внешней ситуации государственной безопасности. Реализация же стратегических и оперативных задач в сфере борьбы с терроризмом возложена на специальные элитные полицейские антитеррористические бригады «Барс» и «Сокол».

В статье также отмечается, что рост террористической деятельности в современном Китае обуславливает изменение китайского уголовного законодательства. Вносимые редакционные поправки в Уголовный кодекс Китая предусматривают более строгие наказания за многие преступления против общественного порядка, кроме того, китайский законодатель криминализировал финансирование теракта. Между тем, автор статьи отмечает, что национальное законодательство отстает от действительности, так как до сих пор не принят Закон о борьбе против терроризма, как это сделано в других государствах.

Ключевые слова: преступность в Китае, терроризм, экстремизм, борьба с преступностью, противодействие терроризму, Уголовный кодекс Китая, теракт, транснациональная преступность, реформа, полиция.

Huang Daoxiu, professor of Political-Legal University of China, the Head of Scientific-research Center of Russian Law, Beijing, PRC. E-mail: daoxiuhuang@aliyun.com

TERRORIST CRIME IN CHINA AND STRUGGLE AGAINST TERRORISM

The article discusses the problem of dealing with a most challenging issue for the modern China – crimes of a terrorist nature, which have become a top priority issue in provision of the country's national security. Nowadays, the terrorist crimes in the China are becoming more organized, diverse and cross-border, which greatly endangers public security in the country and challenges its

system of criminal justice. The criminal social danger of terrorism and extremism in China is characterized by the fact that violent crimes are related to the ideology of religious extremism. Cutting weapons and explosives are the most common means of committing crimes. The public authorities, including the police, are the main targets of terrorist attacks, while the public security bodies rarely get information about terrorist attacks in advance. It is also emphasized that terrorism in China is closely linked to foreign terrorist organizations and is often funded by them. In this regard, the Government of China is actively struggling against terrorism both in the organizational terms, and in the Chinese criminal law. For this purpose, the National Security Council was formed on November 12, 2013 within the Central Committee of the Communist Party of China to become the decision-making body in the field of national security and coordination, with the final authority and responsibility for planning the internal and external situation of national security. Implementation of strategic and operational objectives in the fight against terrorism lies within special elite police anti-terrorist brigades called «Leopard» and «Falcon».

The increase in terrorist activities in modern China causes changes in the Chinese criminal law. Editorial amendments to Chinese Criminal Code stipulate stricter penalties for many crimes against public order; moreover, Chinese legislators have criminalized the financing of a terrorist attack. Meanwhile, the author notes that the national legislation falls behind the reality, since the Law on the fight against terrorism has not been adopted yet, unlike in many other countries.

Keywords: crime in China, terrorism, extremism, crime, counter-terrorism, the Criminal Code of China, attack, transnational crime, reform, police.

В течение последних десятилетий Китай, как и Россия, глубоко обеспокоен эскалацией криминального терроризма, который представляет угрозу безопасности государства и территориальной целостности, стабильности общества, жизни и имуществу граждан Китая, а также развитию дружественных отношений между государствами и осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина.

Китайские террористы в сговоре с зарубежными террористическими организациями постоянно усиливают свою преступную деятельность в Китае. На территории Восточного Туркестана действует множество террористических организаций. Среди них: «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская освободительная организация Восточного Туркестана», «Всемирная уйгурская молодежная конференция», «Информационный центр Восточного Туркестана». На счету террористических организаций Китая – подготовка многочисленных терактов. К их числу можно отнести взрыв автобуса в г. Кашгаре, диверсии против военнослужащих и гражданских лиц, учиненные в 1992 и 1997 гг. в г. Урумчи, в результате чего по-

гибло около 50 человек. Расширяя географию своей деятельности, террористы добрались даже до Пекина, взорвав там несколько пассажирских автобусов. Кроме того, не бездействуют и уйгурские эмигрантские организации. Они активно ведут антикитайскую пропаганду за рубежом посредством доведения до ряда западных стран ложных сведений о массовых нарушениях прав национальных меньшинств в КНР, и в особенности в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР (далее – СУАР).

В настоящее время террористические преступления, с учетом высокой степени их организованности, многообразия, межграничного характера и масштабности последствий, стали новыми вызовами обществу Китая в целом и уголовной юстиции в частности.

6 мая 2014 г. в Пекине была опубликована первая Синяя книга по государственной безопасности «Исследовательский доклад о государственной безопасности Китая (2014)»*. Согласно этому документу, на фоне терактов в мире, в 2013 г. на территории КНР в очередной раз была зафиксирована активная террористическая деятельность, а кроме того появились ее новые особенности. В докладе также отмечается, что районы, в которых происходят теракты, расширяются, главными объектами атак становятся правительственные структуры, военные и полиция.

В докладе подчеркивается, что вслед за расширением интересов Китая и выходом их за пределы страны усиливается угроза международной безопасности, а терроризм в эпоху глобализации наносит все больший вред китайцам, живущим за рубежом.

С другой стороны, под влиянием международной террористической деятельности участились теракты и на самой территории Китая. Согласно официальным сообщениям и открытым материалам, в 2013 г. в СУАР произошло около 200 терактов [3], самыми тяжелыми из них были 10 террористических актов (табл. 1).

В 2014 г. террористические налеты на простых людей достигают нового уровня. Так, 6 мая этого года в г. Гуанчжоу на железнодорожном вокзале религиозные экстремисты ранили ножами 6 пассажиров. 30 апреля на железнодорожном вокзале г. Урумчи террористы совершили взрывы и ножами убили 3 человека, ранили 16 человек. Теракт, который произошел в городе Куньмин 1 марта, потряс все мировое сообщество: религиозные экстремисты убили 29 безоружных пассажиров, ранили больше 140 человек. Тибетские сепаратисты совершили теракты и в других районах.

* Синяя книга о государственной безопасности «Исследовательский доклад о государственной безопасности Китая (2014)» была составлена Научно-исследовательским центром стратегии и безопасности Института международных отношений и издана Издательством литературы общественных наук. О ее издании громко сообщили все средства массовой информации Китая.

Теракты в Китае в 2013 г. [4, с. 93–94]

Дата	Место	Средства совершения преступлений	Объекты терактов	Число погибших и раненых
23.04	СУАР	холодное оружие, взрывные устройства	должностные лица, полиция	15 погибших, 2 раненых, 6 тер. убито, 8 задержано
26.06	СУАР	холодное оружие, бензин	орган полиции, местное правительство, стройка	13 погибших, 17 раненых, 11 тер. убито
18.07	СУАР	холодное оружие, бензин, взрывные устройства	орган полиции	3 погибших, 14 тер. убито
30.07	СУАР	грузовики, холодное оружие	жители	6 погибших 1 тер. убит
31.07	СУАР	холодное оружие	жители	4 тер. убито
20.08	СУАР	взрывные устройства	жители	15 тер. убито
28.10	Пекин	бензин, холодное оружие, автомобили	площадь Тяньаньмэнь	5 тер. в машинах погибло
16.11	СУАР	холодное оружие	орган полиции	9 тер. убито
15.12	СУАР	холодное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства, самодельные ружья	жители, орган полиции	2 погибших 14 тер. убито, 2 задержано
30.12	СУАР	холодное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства, самодельные ружья	орган полиции	8 тер. убито

Криминальный терроризм и экстремизм в Китае имеют следующие особенности: 1) совершаемые преступления насильственного характера отличаются идеологией религиозного экстремизма и терроризма; 2) средствами совершения преступлений являются в основном холодное оружие и взрывные устройства в условиях строгого контроля над оружием в стране; 3) органы государственной власти, в том числе полиция, являются главными объектами терактов; 4) органы общественной безопасности редко получают информацию о терактах заблаговременно; 5) террористические налеты, совершаемые группами из Туркестана, расширяются за пределы

СУАР; 6) терроризм в Китае тесно связан с зарубежными террористическими организациями и финансируется ими.

В Синей книге подчеркивается, что, поскольку террористические налеты порождаются в основном факторами международного характера, довольно сложно предотвратить подобные инциденты только опираясь на внутренние силы. Зарубежные религиозные представители уже нацелили свой взор на разные сферы китайского общества. Религиозное проникновение призвано подорвать социалистические убеждения. Общей чертой терактов в Китае является их религиозная подоплека. До совершения нападения террористы получают наставления, смотрят видеоролики о распространении религиозного экстремизма, изучают информацию террористического характера, сами распространяют идеологию религиозного экстремизма. «Религиозное проникновение уже создало опасную угрозу для современной идеологической безопасности Китая, нанесло вред государственной безопасности страны, в связи с этим необходимо соблюдать повышенную бдительность», – отмечено в Синей книге.

12 ноября 2013 г. при ЦК КПК был образован новый орган – Совет государственной безопасности, председателем которого является Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин. Совет государственной безопасности стал органом высшего звена по принятию решений в области государственной безопасности, координационной структурой, обладающей наивысшим авторитетом. Он осуществляет единое планирование внутренней и внешней ситуации государственной безопасности. Совет государственной безопасности выполняет четыре функции: 1) утверждает и осуществляет стратегию государственной безопасности; 2) продвигает правовое строительство государственной безопасности, в том числе путем разработки Закона о государственной безопасности, который будет регулировать отношения в области внутренней политики, обороны и внешних связей; 3) устанавливает политический курс государственной безопасности; 4) изучает вопросы, связанные с государственной безопасностью, и координирует деятельность органов государственной власти в обеспечении государственной безопасности. Мы уверены, что создание и функционирование Совета государственной безопасности повысит эффективность борьбы против терроризма.

9 апреля 2014 г. года Генсек ЦК КПК Си Цзиньпин, будучи председателем Центрального военного совета, выступил во время инспектирования Академии полицейского спецназа при Народной вооруженной милиции Китая, где он наблюдал за учениями сотрудников вооруженной полиции, включая моделируемую миссию по борьбе с воздушными пиратами. В ходе инспекционной поездки Си Цзиньпин преподнес новое знамя Штурмовому Отряду «Сокол», элитной полицейской антитеррористической бригаде вооруженной полиции. Генеральный секретарь призвал членов данного отряда

усилить тренировки, все время пребывать в состоянии повышенной готовности, воспитывать антитеррористические силы мирового класса.

В Китае действуют и другие антитеррористические подразделения, самым известным из которых является «Барс», или «Снежный барс». Штурмовой отряд «Снежный барс» Народной вооруженной полиции Китая базируется в Пекине и имеет статус государственного антитеррористического подразделения. С момента своего формирования в 2002 г. его военнослужащие более 90 раз принимали участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, выполняли другие экстренные служебно-боевые задачи. Среди них – обеспечение безопасности визитов в Китай глав иностранных государств, Пекинского саммита, Пекинской Олимпиады, китайско-форума, охрана посольств КНР в Ираке и Афганистане. «Барс» славится и в России, так как он отлично проявлял себя в китайско-российских совместных антитеррористических военных учениях «Мирная миссия», «Содружество-2007» вместе с отрядом спецназа внутренних войск МВД РФ «Витязь» и спецподразделением ФСБ «Альфа».

Антитеррористические силы имеют свою организационную структуру. В каждом военном округе Китая (их всего семь) существует свой, подчиненный командованию округа полк специального назначения (3 батальона, общей численностью около 1000 чел.), при этом на каждом уровне есть собственное подразделение спецназа: корпус – батальон (всего 18 батальонов, по 300–400 человек каждый), бригада – рота (около 120 чел.), взвод (30–40 чел.). Эти полки носят такие имена, как Северо-восточный тигр, Волшебный меч Востока, Летящий дракон, Ночной тигр, Ястреб, Острый меч южного Китая [2]. Уровень подготовки этих полков является высоким, и оснащение, безусловно, – по последнему слову техники.

Уголовный кодекс КНР (в редакции 1997 г.) в статье 120 предусматривает, что *«организаторы и руководители террористических организаций – наказываются лишением свободы на срок 10 и более лет или пожизненным лишением свободы; активные участники террористических организаций – наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет; другие участники террористических организаций – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, арестом или надзором. Лица, упомянутые в части первой настоящей статьи, совершившие убийство, взрыв, захват заложника и другие преступления, – наказываются в соответствии с положениями о назначении наказаний по совокупности преступлений».*

В 2011 г. в целях усиления наказания за преступления, связанные с терроризмом, обеспечения государственной безопасности, а также безопасности жизни людей и собственности, поддержания общественного порядка в Уголовный кодекс Китая вносятся определенные дополнения и изменения, была принята Поправка 3 в УК КНР, которая состоит из 9 статей. Поправка предусматривает более строгие наказания за такие преступления

против общественного порядка, как поджог, затопление, взрыв, а также распространение ядовитых и радиоактивных веществ, кража, грабёж стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых, ядовитых и радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний или иных опасных веществ. Кроме того, в УК КНР появилась статья 120-1, которая предусматривает уголовную ответственность за финансирование теракта: «Лица, оказывающие финансовую помощь террористической организации или лицам, занимающимся террористической деятельностью, – наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, арестом, надзором или лишением политических прав и дополнительно – штрафом; при отягчающих обстоятельствах – наказываются лишением свободы на срок 5 лет и более и дополнительно – штрафом либо конфискацией имущества.

К организациям, совершившим преступления, упомянутые в части первой настоящей статьи, применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организаций и другие непосредственно ответственные лица – наказываются в соответствии с частью первой настоящей статьи».

Поправка 7 в УК КНР внесла изменения в ст. 191 УК, повысив наказания за такие деяния финансирования и содействия террористической организации или террористической деятельности, как: 1) предоставление финансового расчетного счета; 2) содействие в обращении имущества в денежные средства или в денежные векселя; 3) содействие в переводе денежных средств путем перевода со счета на счет или путем использования иных способов расчета; 4) содействие в переводе денежных средств за границу; 5) утаивание и сокрытие иными способами источников и характера доходов, полученных преступным путем.

После опубликования Поправки 3 в УК КНР Высшая прокуратура и Министерство общественной безопасности КНР приняли совместное Постановление о решительной борьбе против террористической деятельности. На основании указанных нормативных актов были усилены меры борьбы с террористическими организациями, базирующимися в СУАР. В результате предпринятых антитеррористических действий были ликвидированы 18 террористов, задержаны 17, обнаружено большое количество оружия [1].

КНР в той или иной форме является участницей 12 международных конвенций против терроризма. В 2009 г. Китаем была подписана Конвенция ШОС против терроризма. КНР как ответственный член мирового сообщества принимает активное участие в борьбе против терроризма в разных регионах мира.

Вместе с тем внутринациональное законодательство Китая в сфере борьбы с терроризмом еще весьма далеко от совершенства. Здесь еще существуют слабые звенья и проблемы, которые нуждаются в разрешении.

Как всем известно, после терактов 11 сентября 2001 г. в США был принят PATRIOT Act, в Великобритании – Anti-terrorism, Crime

and Security Act 2001–2002, в Германии, Японии и многих других странах мира тоже приняты свои законы против терроризма. В России в 2006 г. был принят Федеральный закон о противодействии терроризму. В Китае же до сих пор нет специального закона о борьбе против терроризма. Народные депутаты, юристы и общественность выражают сильное желание создать закон КНР против терроризма. Насколько нам известно, юристы интенсивно работают над проектом такого Закона, он будет представлен во Всекитайское собрание народных представителей на рассмотрение в ближайшем будущем.

В УК КНР и многих актах органов государственной власти употребляются такие термины, как террористические организации, террористические преступления. Беда, однако, заключается в том, что в нормативных предписаниях Китая до сих пор отсутствует единое и общезначимое определение терроризма и террористической организации [6]. Это отрицательно влияет на судопроизводство по уголовным делам и, тем самым, на эффективность борьбы против терроризма. Именно поэтому теракты как особые разновидности преступной деятельности в уголовном законе Китая и в судебной практике не отличаются от обычных преступлений [5].

Изменения в законодательные акты в последние годы были внесены в основном в нормы материального права. Китайские юристы между тем предлагают перейти к более широкому, всеохватывающему, комплексному подходу в сфере борьбы с современным терроризмом, включая создание особого производства по уголовным делам о терроризме, регламентацию подсудности таких дел, разработку правовых механизмов международного сотрудничества в борьбе против терроризма, а также совершенствование информационного обеспечения такой борьбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жэньминьжибао. – 2007. – 8 января.
2. Ifeng.Com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/mil/2/detail_2010_07/12/1757335_2.shtml. – Кит.
3. Ислам Каримов провел переговоры с членом Политбюро ЦК КПК Мэном Цзяньжун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inworld/uzbekistan/politics/15456571/>.
4. Исследовательский доклад о государственной безопасности Китая [Синяя книга о государственной безопасности]. [Beijing], 2014. – С. 93–94. – Кит.
5. Чжан Сюй. Наказание и предупреждение терроризма // Китайская прокуратура. – 2004. – № 4. – Кит.
6. Jiao Bingji. The tactics of criminal justice at the fight against terrorism / Jiao Bingji, Du Miao // The Beijing Pedagogic University Herald. The Social science Chapter. – 2008. – № 5.

REFERENCES

1. *Jengmangjibao*, 2007, January 8.
2. *Ifeng.Com*. Available at: http://news.ifeng.com/mil/2/detail_2010_07/12/1757335_2.shtml (accessed 20 July 2014).
3. *Islam Karimov provel peregovory s chlenom Politbyuro TsK KPK Menom Tszyan'chzhu* [Islam Karimov held talks with a member of the political Bureau of the CPC Central Committee by Meng Jianz]. Available at: <http://news.mail.ru/inworld/uzbekistan/politics/15456571/> (accessed 20 July 2014).
4. *The National Security Blue Book of State Safety. Research report on the national security of China*. [Beijing], 2014, pp. 93–94.
5. Jang Xiua. The punishment and terrorism prevention. *Chinese prosecution*, 2004, no 4.
6. Jiao Bingji, Du Miao. The tactics of criminal justice at the fight against terrorism. *The Beijing Pedagogic University Herald. The Social science Chapter*, 2008, no 5.

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ КЛАРЕНСА БУШЕ «ОПАСНАЯ ЗЕМЛЯ: ОСТРОВА СПРАТЛИ И АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОДХОДЫ»

*Bouchat, Clarence J. Dangerous Ground: the Spratly Islands and US Interests and Approaches. – Strategic Studies Institute and US Army War College Press, 2013. 159 p.**

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: zolivnik@mail.ru

АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР ВОКРУГ АРХИПЕЛАГА СПРАТЛИ

Несмотря на то, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе происходит эволюция существующих и формирование новых интеграционных институтов, развивается двухстороннее и многостороннее сотрудничество, используются инструменты диалога и расширения партнерских отношений между различными региональными акторами, до сих пор конфигурация международных отношений бассейна Тихого океана характеризуется наличием нерешенных конфликтов, которые создают атмосферу недоверия и конфронтации.

Проблема территориальных споров в Южно-Китайском море вызывает пристальный интерес исследователей, занимающихся вопросами безопасности и конфликтного менеджмента. В этом отношении монография Кларенса Буше не только содержит экспертную оценку ситуации вокруг архипелага Спратли, исходя из геостратегических интересов США, но также предлагает комплексное видение проблемы.

Рекомендации и предложения, содержащиеся в работе, направлены на решение сложного территориального спора, участником которого являются шесть сторон – КНР, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Малайзия, Тайвань. В монографии раскрывается позиция США как экономического и стратеги-

* Bouchat, Clarence J. Dangerous Ground: the Spratly Islands and US Interests and Approaches. Strategic Studies Institute and US Army War. College Press, 2013. 159 p.

ческого партнера стран-участниц конфликта, а также рассматривается вероятность участия Соединенных Штатов, для которых нерешенный территориальный спор имеет особую значимость, в качестве посредника между конфликтующими сторонами.

Линия поведения США в отношении территориальной проблемы определена, с одной стороны, как стремление наладить диалог между спорщиками, а с другой – как осознание необходимости противостоять вызовам международной безопасности и не допустить нарушения норм международного права, стремясь к достижению мира и процветания в Южно-Китайском море.

Ключевые слова: спорные территории, острова Спратли, «честный брокер», международная безопасность.

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Science, Associate professor, Department of International Relations, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: zolivnik@mail.ru

AMERICAN VISION OF THE TERRITORIAL DISPUTE AROUND THE SPRATLY ISLANDS

Despite the fact that Asia-Pacific Region enjoys evolution of the existing and emergence of new integration institutions as well as bilateral and multilateral cooperation with applying the tools of dialogue and extended partner relations among different regional actors, the configuration of the Pacific Rim international relations is still characterized by the unresolved conflicts which create the atmosphere of mistrust and confrontation.

The problem of territorial disputes in the South China sea has attracted a keen interest of the scholars, involved in studying the issues of security and conflict management. The monograph of Clarence Bouchat, to some extent, contains both the expert assessment of the situation around the Spratly Islands (in accordance with the US geostrategic interests) and offers a complex vision of the problem.

The recommendations and suggestions, which the book includes, focus on the resolution of the complicated territorial dispute, which involves 6 parties: the People's Republic of China, Vietnam, the Philippines, Brunei, Malaysia, and Taiwan. The position of the USA as an economic and strategic partner of the claimants as well as a possibility of American involvement in the conflict as a mediator (with conflict having particular significance for the USA) have been reviewed in the book.

The American policy towards the territorial problem is determined, on the one hand, by the commitment to bring the claimants to dialogue, and, on the other hand, by the recognition of the necessity of counteracting the challenges of international security as well as prevention of the international law violation. The

main goal of the USA here is to strive for maintaining peace and prosperity in the South China sea.

Key words: disputed territories, Spratly Islands, «honest broker», international security.

Проблемы безопасности в АТР, в том числе территориальные споры, вызывают интерес не только ученых и публицистов, но также военных экспертов, опыт и знания которых позволяют взглянуть на существующие проблемы с иного ракурса и имеют несомненную ценность как для академического сообщества, так и для широкого круга читателей, заинтересованных в перипетиях современной международной политики.

Территориальный спор вокруг архипелага Спратли является одним из наиболее актуальных конфликтов не только в Юго-Восточной Азии (ЮВА), но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Сложный характер противоречий, обусловивших возникновение конфликта в совокупности с выгодами, которые сконцентрированы в Южно-Китайском море, ведут к высокой вероятности противостояния не только между непосредственными участниками спора, но и между великими державами, а нагнетание напряженности вокруг архипелага Спратли может сдетонировать вооруженное столкновение со сложно предсказуемым итогом.

Работа Кларенса Буше представляет собой точку зрения профессионального военного, офицера, подполковника ВВС США в отставке, выпускника Университета Южной Калифорнии и Академии ВВС США, и стратегическое видение проблемы принадлежности Спратли в работе превагирует. В этом отношении монография Буше позволяет взглянуть на ситуацию в Южно-Китайском море (ЮКМ) как на зону потенциального риска для всего тихоокеанского сообщества. Поэтому позиция США, уделяющих пристальное внимание процессам в ЮКМ, продиктована необходимостью не допустить дестабилизации обстановки в этом регионе. Вашингтон заинтересован в контроле над ситуацией в отношении островов Спратли в условиях все большей увлеченности Китая в демонстрации силы в ЮКМ, заявления о создании зоны противовоздушной безопасности (ADIZ) в Восточно-Китайском море (ноябрь 2013 г.), а также развертывания Пекином элементов стратегии A2/AD (anti-access/area-denial, недопущение проникновения внутрь пространства), направленной на обеспечение безопасности своей береговой зоны и предотвращение воздушных, подводных, морских ударов со стороны потенциальных противников, прежде всего США.

Монография издана Институтом стратегических исследований, который занимается исследованием проблем в сфере американской национальной безопасности и военной стратегии с акцентом на геостратегический анализ.

В первой главе «Регион Спратли и его важность» автором дается обоснование значимости архипелага в ресурсном и стратегическом отношении, а также важность региона Спратли для США.

Экономическое значение островов Спратли очевидно. Прежде всего, здесь осуществляется 10% мировой добычи рыбы. Для стран – участниц территориального спора «рыбный вопрос» очень важен. Рыба – это 7% экспорта Вьетнама. Рыболовный промысел составляет 4% ВВП Филиппин. Потребление рыбы на Филиппинах, во Вьетнаме и в КНР достигает 50%. Загрязнение акватории ЮКМ (в том числе и по причине интенсивного судоходства и добычи углеводородов) влечет социальные проблемы, которые, в свою очередь, ведут к обострению проблем безопасности – росту пиратства, борьбе за морское пространство соседних стран.

Кроме того, архипелаг Спратли не без оснований называют «вторым Персидским заливом». Буше приводит данные USEIA (администрации США по энергетической информации), которая оценила освоенные резервы газа в районе шельфовой зоны Спратли в 1 трлн куб. футов; неосвоенные залежи нефти от 5,4 до 8 млрд баррелей; неосвоенные залежи газа от 7 до 55 трлн куб футов. Цифры Национальной нефтяной компании КНР еще более оптимистичны: 125 млрд баррелей и 500 трлн куб. футов, что в 5 раз превышает резервы Китая [9]. Интерес Китая к энергоресурсам шельфа Спратли очевиден с учетом того, что в ближайшие 25 лет потребление нефти и газа в стране вырастет вдвое, а потребление угля, как экологически грязного топлива, сократится. К тому же Спратли значительно ближе, чем Персидский залив, что снижает себестоимость углеводородов, а также инфраструктурные и транспортные затраты.

Острова Спратли привлекательны в качестве выгодных инфраструктурных проектов: здесь выращивают фрукты, строят аэропорты, создают туристические объекты. Зона ЮКМ рассматривается как зона транснационального экотуризма в проекте ВІМР-ЕАГА (Восточной Ассоциации Зоны роста АСЕАН) [1]. Наконец, через архипелаг проходят мировые торговые пути, осуществляется транспортировка нефти и газа в страны Восточной Азии.

К сожалению, экономические ресурсы Спратли являются причиной обострения конфликтов. Страны, имеющие выход в акваторию ЮКМ, нуждаются в энергоресурсах для развития экономики, поэтому столь яро отстаивают свои интересы и требования. С другой стороны, более 200 международных компаний заинтересованы в разведке и добыче углеводородов в ЮКМ, и их инициативы и разработки могли бы развернуть вектор геополитических проблем в сторону геоэкономики и приоритетности экономического сотрудничества и взаимовыгодных проектов. Однако компании опасаются дестабилизации в районе спорных островов, особенно с учетом не-

гативного отношения к ним со стороны Пекина, который опасается интернационализации территориальной проблемы.

Попытки КНР, Вьетнама, Филиппин договориться между собой тоже не привели к успеху: в 2008 г. было разорвано соглашение о морской и сейсмической разведке в Южно-Китайском море, и бывшие подписанты начали добычу углеводородов в одностороннем порядке.

Обозначая важность островов Спратли в аспекте региональной безопасности, автор отмечает, что еще в годы Второй мировой войны японцы строили базу для подводных лодок на о. Иту-Аба, а прочие малые острова служили стратегическим трамплином для вторжения Страны восходящего солнца на Филиппины, в голландскую Ост-Индию и британскую Малайю.

В настоящее время логика государств, имеющих выход в акваторию Южно-Китайского моря, примерно одинакова и сводится к обеспечению контроля над фактически занятыми островами и их военному оснащению в целях обеспечения собственной безопасности.

В частности, чтобы противодействовать потенциальной угрозе, военные лидеры Китая реализуют «стратегию ближнего моря», направленную на «нейтрализацию любой угрозы внутри первой островной гряды, обозначенной как линия, соединяющая Борнео с Филиппинами, Тайванем, Рюкю, Японскими и Курильскими островами...» [3, 5, 11, 7–9]. Тайвань, Вьетнам, Филиппины и Малайзия строят укрепления и базы на островах. Китай, обладая большим военным потенциалом и возможностями для патрулирования районов, жестко отстаивает свои интересы, выдворяя иностранные корабли из спорных вод. С 2008 г. Китай утроил патрули, а в 2013 г. китайское правительство создает полувоенную береговую охрану под управлением Национальной Океанической Администрации, создав «железный кулак», который заменил неэффективные действия прежних агентств [1].

Несмотря на то, что военные инциденты между КНР и Вьетнамом, КНР и Филиппинами в 2000-е годы практически сошли на нет, механизм конфликтного менеджмента так и не был разработан. В результате эксперты опасаются возобновления серьезных столкновений в борьбе за энергоресурсы [8, 10]. Исследователи Международной кризисной группы отмечают, что «хотя вероятность большинства конфликтов остается низкой, еще ниже перспективы их разрешения в условиях, когда развитие тенденций в регионе идет в опасном направлении» [6, с. 16–17].

Отмечая важность региона Спратли для США, автор указывает на экономическую целесообразность использования транспортно-логистических преимуществ проливов Южно-Китайского моря и возможность хозяйственного освоения шельфовой зоны архипелага. В то же время, по мнению автора, для США важно не допустить превращения региона в горячую точку. Ситуация осложняется, поскольку США рассматриваются государствами-спорщиками из Юго-Восточной Азии как гарант стабильности в Южно-

Китайском море. Следовательно, Спратли становятся удобной площадкой, на которой растущий Китай, все настойчивее заявляющий о своих территориальных амбициях, может «проверить» политическую волю США и их стремление защитить своих партнеров, свои экономические интересы и интересы безопасности.

В этом случае США сталкиваются с серьезной дилеммой: с одной стороны, необходимость соблюдения баланса интересов в поддержании союзников и партнеров перед лицом растущей мощи Поднебесной, а с другой – важность политических и экономических отношений между КНР и США. Неспроста Роберт Каплан нарекает Южно-Китайское море «новым центральным театром мирового конфликта» и «сердцем политической географии грядущих десятилетий» [1].

Ситуацию разряжает осознание факта, что обострение конфликта никому не выгодно, поскольку интересы сторон-участниц взаимосвязаны и взаимозависимы, однако Китай проявляет завидную настойчивость, заявляя о своих правах на все острова Спратли.

В главе «Нормативные основания и требования в схватке за острова Спратли» указаны правовые аспекты и претензии сторон-участниц.

Ключевой проблемой, стоящей перед участниками конфликта, автор считает признание суверенитета над островами. К сожалению, Конвенция ООН по морскому праву (КМП) лишь помогает разграничить оспариваемые морские участки, но не дает суверенитет над островами. В результате государства в поисках истины обращаются к истории освоения архипелага (как, например, Вьетнам, Филиппины и КНР), либо стремятся использовать различные договорные, дипломатические и силовые механизмы.

По мнению Буше, поскольку вопрос суверенитета над островами является ключевым, стороны могли бы руководствоваться принципом римского права – *uti possidetis* (чем владеете, тем и владейте), а затем постепенно подготавливать юридическую базу, продвигаясь к заключению итогового договора. В данной позиции, тем не менее, существуют как сильные, так и слабые стороны. Безусловно, достижение статус-кво дает сторонам время для дальнейших обсуждений, консультаций и действий, однако, вместе с тем, возникает опасение, что за это время более сильный актор, нарастив военную мощь, завладеет спорными территориями.

Компромиссный вариант, предпринятый Малайзией в решении территориальных споров с Брунеем и с Индонезией, показал свою эффективность, но лишь на двустороннем уровне и в условиях, когда между сторонами не было острой конфронтации; существует опасность, что любые уступки со стороны малых стран будут восприняты КНР как слабость.

В отношении КМП у автора двойственная позиция. С одной стороны, он рассматривает возможность ее применения в урегулировании ситуации вокруг спорных островов, но в то же время отмечает несогласие участни-

ков спора в отношении некоторых формулировок Конвенции, которые не соответствуют их национальным интересам. Например, ст. 121 не позволяет отнести правила эксклюзивной экономической зоны к большинству островов, среди которых многие сложно назвать островами (они подпадают под определения рифов и скал); почти 40 островных объектов периодически скрываются под водой, большинство островов необитаемы. Однако государства ЮКМ считают эти рифы и скалы частью своих островов: Свэлоу-риф (Малайзия), Барк Канада Риф (Вьетнам), Коммодор Риф (Филиппины). Ст. 46 не позволяет островам Спратли, географически являющимся архипелагом, иметь режим архипелага, поскольку острова не являются суверенными государствами. Однако у некоторых чиновников КНР существует четкая позиция – континентальный Китай и острова в Южно-Китайском море – единое целое, и к островам можно применить принцип государства-архипелага.

КМП рассматривается участниками спора как руководство к действию, содержание которого рассматривается и интерпретируется, если оно им выгодно. До сих пор спорщики прибегают главным образом к излишним требованиям, чтобы максимизировать свои результаты в будущих переговорах или укрепить свои позиции в международном суде. КНР, Вьетнам, Малайзия и Филиппины отстаивают суверенитет над островами исходя из открытия и оккупации, метода, наиболее применимого в международных отношениях.

Показательна позиция Соединенных Штатов, которые, несмотря на то, что не ратифицировали Конвенцию, считают, что стороны, участвующие в споре, должны следовать ее установкам. США выступают за создание зон совместного развития и управления и за недопущение эскалации конфликта, стараясь действовать крайне осторожно в оценке ситуации. Не поощряя активных действий со стороны стран ЮВА, США, вместе с тем, отстаивают принцип свободы судоходства и стремятся тому, чтобы Китай также соблюдал его.

В главе третьей, «Интересы США и их реакция на ситуацию вокруг островов Спратли», автор отмечает приоритет как экономических, так и стратегических интересов США в регионе ЮКМ и, выделяя трудности в принятии сторонами спора обоюдного конвенционального решения, отмечает, что США может выступать гарантом урегулирования проблемы. В то же время Буше убежден, что даже США в одиночку не в состоянии решить застарелый территориальный спор.

Безопасность в ЮКМ, по мнению Буше, важна для США как составной элемент безопасности в АТР, где у США есть 5 глобальных интересов:

- защита свободной и беспрепятственной торговли в глобальном масштабе;
- обеспечение мира и безопасности между государствами;

- поддержка дипломатии и законопослушного поведения;
- проведение военных операций США в соответствии с нормами международного права;
- обеспечение поддержки американским союзникам и стратегическим партнерам [4].

В июле 2010 г. экс-госсекретарь Х. Клинтон на форуме АСЕАН сказала, что «США, как любая нация, заинтересована в свободе навигации, открытом доступе к азиатским морским путям и уважении международного права в отношении спорных территорий Южно-Китайского моря... США поддерживают дипломатию сотрудничества с вовлечением всех участников, заинтересованных в разрешении территориальных споров ненасильственным путем. Мы отрицаем использование или угрозу силы каким-либо из участников...» [2].

США сигнализируют готовность идти на диалог по спорным вопросам и оказывать помощь странам ЮВА в обеспечении безопасности и улучшении военного оснащения, показывая свою озабоченность усилением Китая. В то же время США не готовы бросить Китаю вызов и стремятся снизить накал противоречий в неудобных вопросах, в частности, по островам ЮКМ, тем более что Пекин воспринимает посыл США следовать КМП и соблюдать свободу мореплавания как стремление вмешаться в ситуацию в ЮКМ и вряд ли оставит без внимания действия, понимаемые им как нарушение территориальных вод. Например, в марте 2009 г. китайские ВМС начали преследовать в спорных водах американское разведывательное судно *Impeccable*.

Ситуация осложняется реализацией китайской стороной стратегии А2/АD, в рамках которой осуществляется создание систем (разведывательной, радиолокационной, подводного наблюдения), направленных на противодействие вероятному удару со стороны США. Большое внимание КНР уделяет развитию сил ВВС, ВМС, созданию баллистических ракет средней дальности наземного базирования.

В свою очередь, Концепция объединённого оперативного доступа (Joint Operational Access Concept), принятая Министерством Обороны США в январе 2012 г., предполагает осуществление доступа авианосных ударных групп под прикрытием корабельных систем ПРО в заданные районы развёртывания. В бассейне Тихого океана действуют силы специального назначения Армии США и национальной гвардии.

Несмотря на это, береговая охрана США и морские ведомства КНР активно сотрудничают друг с другом.

Из-за того, что США не ратифицировали КМП, страдают их экономические интересы в регионе архипелага Спратли, где не действуют положения КМП относительно освоения открытого моря [1]. Американцам сложнее отстаивать свои судоходные интересы, а также производить освоение и

эксплуатацию континентального шельфа и морского дна, хотя США могут принимать участие в координировании управления живыми ресурсами моря, в защите и сохранении морской среды, в проведении научных исследований (согласно ст. 123 КМП). Отсутствие ратификации КМП во многом связано с нежеланием США переводить деньги за разработку нефти и газа на расширенном континентальном шельфе США в Международный орган ООН по морскому дну.

Вместе с тем, США заинтересованы снизить накал противостояния вокруг Спратли и подвинуть страны – участницы конфликта к конструктивным действиям, предлагая (правда, безуспешно) уже существующие варианты урегулирования вопроса принадлежности спорных территорий, такие как Шпицбергенский трактат 1920 г., Договор об Антарктике 1959 г.

В условиях современного положения вещей в ЮКМ автор видит две возможные роли для США: во-первых, роль честного брокера, помогающего заинтересованным сторонам разрешить острые проблемы, с другой стороны – роль балансира, признающего, что суверенные государства региона имеют разный весовой потенциал, и стремящегося не допустить усиления позиций КНР в вопросе о территориальных претензиях.

В Директиве Президента США по национальной безопасности говорится, что позиция честного брокера предполагает «улучшение международных отношений и обеспечение интеграции американских союзников, также как международных и частных партнеров в рамках развитого глобального морского сообщества с целью продвижения общих интересов безопасности в мировом океане» [5, 7].

Преимущество позиции честного брокера состоит в том, что она позволяет США создать атмосферу доверительных отношений между участниками спора, а поскольку и КНР, и АСЕАН заинтересованы в обретении мира и стабильности в ЮКМ, то действия США помогут снизить напряженность в данном регионе. В то же время США преследуют свои экономические и стратегические интересы и не намерены допускать усиления позиций КНР.

В этом случае, выступая в роли балансира, Вашингтон не только обеспечивает поддержку союзников и партнеров в переговорах друг с другом и с Китаем, но также осуществляет экономические и дипломатические отношения с каждой стороной спора как посредник. Однако Пекин обеспокоен тем, что США тем самым стремятся интернационализировать территориальные споры, чтобы оказать давление на Китай, и это может привести к обострению конфронтации по линии КНР – страны, которые получают поддержку Вашингтона. В этом случае, по мнению автора, США и КНР необходимо достичь взаимопонимания по болевым вопросам.

Буше определяет гармоничное сочетание двух этих ролей как залог долгосрочных интересов США, КНР и АСЕАН в достижении регионально-

го мира, сотрудничества и процветания. Но при этом отмечает, что вовлечение США в ситуацию вокруг островов Спратли должно быть осторожным, поскольку проблема принадлежности островов вышла за рамки формального юридического спора на уровень геополитического столкновения амбиций двух великих держав. Военно-стратегический аспект проблемы явно не исчезнет, а вероятно будет преобладающим, и в этом случае важно не допустить перерастания конфликта в плоскость военного противостояния и обеспечить условия для дипломатического разрешения территориального спора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bouchat, C. J. *Dangerous Ground: the Spratly Islands and US Interests and Approaches* / Clarence J. Bouchat. – Carlisle : Strategic Studies Institute and US Army War College Press, 2013. – 159 p.
2. Clinton, Hillary Rodham. *Remarks at Press Availability* [Electronic resource]. – Hanoi, Vietnam : National Convention Center. 2010, July 23. – Access: www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145095.htm.
3. Collins, Gabriel B. *China's Dependence on the Global Maritime Commons // China, the United States, and 21st Century Sea Power* / ed. by Andrew S. Erickson, Lyle J. Goldstein, Nan Li. – Newport : RI Naval Institute Press, 2010. – P. 21.
4. Dolven, Ben. *Kan. Maritime Territorial Disputes in East Asia: Issues for Congress* / Dolven Ben. Kan, Shirley A., Manyin, Mark E. [Electronic resource]. – Washington, DC : Congressional Research Service, 2013, January 30. – P. i-ii. – Access: <https://www.hsdl.org/?view&did=730456>.
5. Dutton, Peter A. *Charting the Course: Sino-American Naval Cooperation to Enhance Governance and Security // China, the United States, and 21st Century Sea Power* / ed. by Andrew S. Erickson, Lyle J. Goldstein, Nan Li. – Newport : RI Naval Institute Press, 2010. – P. 197–214.
6. International Crisis Group (ICG). *The South China Sea (II): Regional Responses* [Electronic resource] // *Asia Report 229*. – Beijing/Jakarta/Brussels. ICG. – 2012. – July 24. – P. 16–17. – Access: www.crisisgroup.org/en/regions/asia/north-east-asia/china/229-stirring-up-the-south-china-sea-ii-regional-responses.aspx.
7. *Maritime Security Policy, National Security Presidential Directive 41* [Electronic resource]. – Washington, DC : The White House, 2004, December 21. – Access: <https://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd41.pdf>.
8. Nong Hong. *UNCLOS and Ocean Dispute Settlement: Law and Politics in the South China Sea* / Nong Hong. – New York : Routledge, 2011. – 258 p.

9. South China Sea [Electronic resource]. – Washington, DC : United States Energy Information Administration (USEIA). – 2013, February 7. – Access: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?%C5%BFps=SCS>.

10. Studeman, Michael. Calculating China's Advances in the South China Sea: Identifying the Triggers of Expansion [Electronic resource] // Naval War College Review. – 1998. – Vol. 51, no. 2, Spring. – Access: [www.global security.org/military/library/report/1998/art5-sp8.htm](http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1998/art5-sp8.htm).

11. Swaine, Michael D. China's Assertive Behavior – Part One: On «Core Interests» / Michael D. Swaine, Fravel M. Taylor [Electronic resource] // China Leadership Monitor. – 2011. – Vol. 34, Winter. – P. 7-9. – Access: http://carnegiendowment.org/%C8%A1les/CLM34MS_%20FINAL.pdf.

REFERENCES

1. Bouchat Clarence J. *Dangerous Ground: the Spratly Islands and US Interests and Approaches*. Carlisle: Strategic Studies Institute and US Army War College Press, 2013. 159 p.

2. Clinton Hillary Rodham. *Remarks at Press Availability. Hanoi, Vietnam: National Convention Center, 2010, July 23*. Available at: www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145095.htm (accessed 20 July 2014).

3. Collins Gabriel B. China's Dependence on the Global Maritime Commons. *China, the United States, and 21st Century Sea Power*. Eds. Andrew S. Erickson, Lyle J. Goldstein, Nan Li. Newport: RI Naval Institute Press, 2010, p. 21.

4. Dolven Ben. Kan, Shirley A., Manyin, Mark E. *Maritime Territorial Disputes in East Asia: Issues for Congress*. Washington, DC: Congressional Research Service, 2013, January 30. Available at: <https://www.hsdl.org/?view&did=730456>. P. i-ii. (accessed 20 July 2014).

5. Dutton Peter A. Charting the Course: Sino-American Naval Cooperation to Enhance Governance and Security. *China, the United States, and 21st Century Sea Power*. Eds. Andrew S. Erickson, Lyle J. Goldstein, Nan Li. Newport: RI Naval Institute Press, 2010, pp. 197–214.

6. International Crisis Group (ICG), The South China Sea (II): Regional Responses. *Asia Report 229*, Beijing/Jakarta/Brussels. ICG, 2012, July 24, pp. 16-17. Available at: www.crisisgroup.org/en/regions/asia/north-east-asia/china/229-stirring-up-the-south-china-sea-ii-regional-responses.aspx (accessed 20 July 2014).

7. *Maritime Security Policy, National Security Presidential Directive 41*. Washington, DC: The White House, 2004, December 21. Available at: <https://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd41.pdf> (accessed 20 July 2014).

8. Nong Hong. *UNCLOS and Ocean Dispute Settlement: Law and Politics in the South China Sea*. New York: Routledge, 2011. 259 p.

9. *South China Sea*. Washington, DC: United States Energy Information Administration (USEIA), 2013, February 7. Available at: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?%C5%BFps=SCS> (accessed 20 July 2014).
10. Studeman Michael. Calculating China's Advances in the South China Sea: Identifying the Triggers of Expansion. *Naval War College Review*, 1998, vol. 51, no 2, Spring. Available at: www.globalsecurity.org/military/library/report/1998/art5-sp8.htm (accessed 20 July 2014).
11. Swaine Michael D., Taylor Fravel M. China's Assertive Behavior. Part One: On «Core Interests». *China Leadership Monitor*, 2011, vol. 34, Winter, pp. 7-9. Available at: http://carnegieendowment.org/%C8%A1les/CLM34MS_%20FINAL.pdf (accessed 20 July 2014).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт – директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич – доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Кузнецов Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, проректор, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы РФ, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung) – Председатель Совета, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг – декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel) – заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен (Kuen-chen FU) – профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu) – председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir S. Kuznetsov, Ph.D. in Economics, Professor, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor in Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in History, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sneider Daniel, Deputy Director of the Center for Asia-Pacific Studies behalf Shorenstayna Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, KoGuan Chair, Professor of Law, KoGuan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Professor, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**



**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**2014
№ 1–2 (30–31)**

Главный редактор

В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Е. П. Жариков,
С. Д. Князев, А. И. Коробеев, В. С. Кузнецов, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Редактор *Т.Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С.А. Стогний*

Подписано в печать.20.05.2014.
Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. 15,00. Усл. печ. 16,77.
Тираж 500 экз. Заказ 626/1.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10